ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

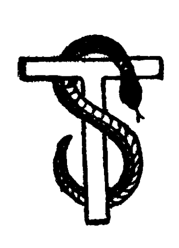
Satyât Nasti Paro Dharmah
(Нѣтъ религіи выше истины).

7 іюля — 7 августа.

№ 7—8.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1910



Отъ Редакціи „Вѣстника Теософіи“.

Вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ полный переводъ книги Эдуарда Шюре „Великіе Посвященные“ (очеркъ эзотеризма религій) 410 стр. Цѣна **2** р. **25** к.

Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи“, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

Во избѣжаніе недоразумѣній съ доставкою журнала, Редакція проситъ гг. подписчиковъ заблаговременно **сообщать ей о перемѣнѣ ихъ адресовъ.**

Заявленія о неполученіи очередного № должны быть дѣлаемы не позже полученія слѣдующей книжки журнала, такъ какъ жалобы, заявляемыя по истеченіи этого срока, экспедиція городского почтамта оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

„Вѣстникъ Теософіи“ за 1909 годъ имѣется для продажи въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. **Цѣна** съ пересылкой **5** рублей.

Редакція.

СОДЕРЖАНІЕ

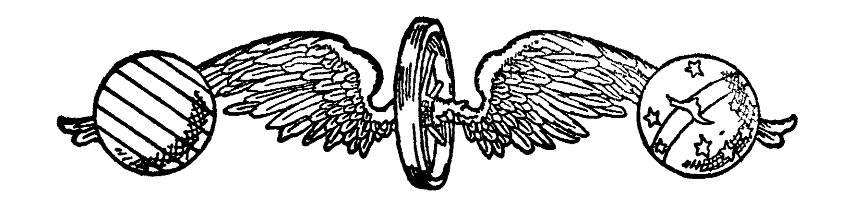
іюльской—августовской книжки „Вѣстника Теософіи“.

Опечатки въ майско—іюньскомъ номерѣ:

Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
На стр. 29 строка 3-я сверху „Св. Оригенъ“.	„Скотъ-Эригена.

SOMMAIRE.

Pages.



Письмо Президента.

Адiаръ, 5 мая, 1910 г.

Дорогiе друзья!

Прежде всего я должна извиниться, что запоздала съ нынѣшнимъ письмомъ. Я путешествовала.

Наиболѣе яркими чертами Теософическаго Общества въ настоящее время являются его необыкновенная жизнь и сила, проявляющiяся во всѣхъ частяхъ его. Въ Шотландiи и Ирландiи, напримѣръ, гдѣ до сихъ поръ интересъ къ Теософiи сосредоточивался лишь въ столицахъ, работа значительно двинулась впередъ. Въ Ирландiи основано уже 4 центра и возможно, что скоро тамъ образуется свое Нацiональное Общество. Шотландiя имѣетъ теперь свою собственную организацiю и ведетъ широкую пропаганду, чего тамъ до сихъ поръ не было. Англiя никогда еще не была столь дѣятельна и съ каждой почтой изъ всѣхъ странъ несутся радостныя вѣсти.

Мнѣ бы хотѣлось дать одинъ совѣтъ старымъ и новымъ членамъ Общества. Старшимъ членамъ, работающимъ по проложеннымъ старымъ путямъ, не слѣдуетъ холодно и отрицательно относиться къ новымъ путямъ, о которыхъ мечтаютъ болѣе молодые члены. Въ этомъ случаѣ имъ слѣдовало бы вспомнить мудрый примѣръ В. Джеджа: когда къ нему являлся молодой увлекающiйся членъ и съ увлеченiемъ развивалъ какой-нибудь новый планъ дѣйствiя, онъ его всегда выслушивалъ терпѣливо и сочувственно; затѣмъ говорилъ: „Хорошо, попробуйте по своему разумѣнiю исполнить этотъ планъ: чѣмъ больше дорогъ, тѣмъ лучше". Старшiе могутъ и не участвовать во всѣхъ строющихся новыхъ планахъ, но они могутъ всегда сочувственно отнестись къ молодымъ начинанiямъ и дать полезный совѣтъ. Будущее принадлежитъ младшимъ членамъ; чрезвычайно цѣнны ихъ усердiе и инициатива. Если ихъ планы постигнетъ и неудача, вслѣдствiе

недостатка опыта и знанія, сама неудача научитъ ихъ быть осмотрительнѣе въ будущемъ. Если старшіе не раздѣляютъ нѣкоторыхъ увлеченій младшихъ, имъ не слѣдуетъ все же препятствовать ихъ иниціативѣ.

Съ своей стороны младшіе члены должны помнить, что все, чѣмъ они теперь пользуются, достигнуто трудами старшихъ, работавшихъ въ болѣе тяжелое время, чѣмъ настоящее; воодушевленіе не должно гасить ихъ благодарности. Имъ не слѣдуетъ думать, а тѣмъ болѣе говорить о старшихъ, какъ о выдохшихся, устарѣлыхъ, закристаллизовавшихся членахъ. Молодые вносятъ въ работу энтузіазмъ и энергію, но имъ не хватаетъ необходимыхъ опыта и знанія, и если бы у нихъ не было руководителей, то они погубили бы дѣло, которому хотятъ служить. Они видятъ только одну сторону вопроса и для нихъ это единственная. Ихъ нетерпѣніе и самоувѣренность опасны; для равновѣсія нужна болѣе осторожная медлительность старшихъ. Если молодой членъ дастъ свою энергію и воодушевленіе, а старшій—свой опытъ и осторожность, то оба будутъ дружески сотрудничать, вмѣсто того, чтобы враждовать, и Теософическое Общество выиграетъ отъ сочетанія юности и зрѣлости.

Мнѣ нужно сдѣлать заявленіе, которое прошу перепечатать всюду: въ Адіаръ нельзя пріѣзжать безъ моего разрѣшенія. Прежде всего желающій долженъ ознакомиться съ правилами, выработанными для проживающихъ въ Адіарѣ, и подписаться подъ ними. Число живущихъ неизбѣжно ограничено мѣстомъ и, кромѣ того, не всякій желающій пріѣхать является подходящимъ элементомъ. Случалось нѣсколько разъ, что гости пріѣзжали безъ приглашенія и досадовали, что не оказывалось свободной комнаты; двое-трое были совершенно не подходящіе, двое явились безъ гроша. Очень непріятно отказывать, но Адіаръ не гостинница, на которую каждый имѣетъ право, а Главная Квартира Теософическаго Общества, которая должна быть использована для теософическихъ цѣлей. Это не пріютъ, содержимый благотворительностью, и не санаторія, въ которую можно отправляться для возстановленія разстроеннаго здоровья. Только тѣ члены могутъ быть приглашены, кои были не менѣе 3 лѣтъ въ Обществѣ, извѣстные мнѣ или генеральному секретарю мѣстнаго Ѳбщества, способные платить за себя и желающіе посвятить свою жизнь Теософическому Обществу, подготовивъ себя предварительно къ работѣ углубленнымъ изученіемъ Теософіи; они должны быть физически и душевно здоровы и согласны вести простую и скромную жизнь. Въ будущемъ году,

когда будутъ закончены новыя пристройки, кругъ гостей можетъ быть нѣсколько расширенъ и члены, имѣющіе не столь серьезные планы, могутъ пріѣхать на нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ въ Адіаръ, но только съ моего согласія: они должны заручиться моимъ отвѣтомъ и только тогда тронуться въ путь.

Въ Адіарѣ все идетъ отлично. Въ Маѣ пріѣзжаетъ много гостей изъ Бенареса, чтобы провести здѣсь часть каникулъ (Central Hindu College). Хорошо, что Адіаръ и Бенаресъ тѣсно связаны. Каждый гость оттуда сюда или отсюда туда помогаетъ ткать ту цѣпь любви и симпатіи, которая дѣлаетъ насъ сильными въ единеніи.

Ваша вѣрная слуга

Анни Безантъ

Предсѣдатель Теософическаго Общества.

Изъ Іинъ-Фу-Кингъ (Yin-Tu-King).

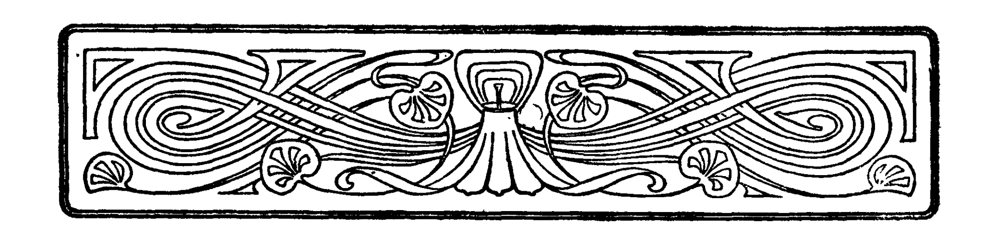
(Скрытая сторона печати *)

Человѣкъ есть нравственная сторона Невидимаго. Онъ воплощаетъ мотивъ—силу. Когда опредѣлено Тао Невидимаго, тогда готова и форма для человѣка.

Небо проявляетъ свои непрестанныя Энергіи и небо и созвѣздія начинаютъ свои вращенія; земля проявляетъ свои непрестанныя энергіи и на сухомъ материкѣ появляются драконы и змѣи; человѣкъ проявляетъ свои непрестанныя энергіи и онъ въ гармоніи съ небомъ и землей; эти сочетающіяся дѣйствія неба, земли и человѣка суть основа всѣхъ превращеній (трансформацій).

---

*) Древне-китайское Св. Писаніе, имѣющее болѣе древнее происхожденіе, чѣмъ „Тао-Те-Кингъ“.



Три желанія.

Е. П. Блаватская.

Извлеченіе изъ „Свѣта на Пути".

Правила эти начертаны для всѣхъ учениковъ; внимай имъ.

Прежде чѣмъ очи увидятъ, они должны быть недоступны слезамъ.

Прежде чѣмъ ухо услышитъ, оно должно утратить свою чувствительность.

Прежде чѣмъ голосъ можетъ заговорить въ присутствіи Учителей, онъ долженъ утратить способность наносить боль.

Прежде чѣмъ душа можетъ предстать передъ Учителемъ, стопы ея должны быть омыты кровью сердца.

1. Убей въ себѣ честолюбіе.

2. Убей желаніе жить.

3. Убей желаніе утѣхъ.

4. И трудись, какъ трудятся честолюбцы. Чти жизнь, какъ чтутъ и тѣ, которые желаютъ жить. Будь счастливъ, какъ счастливы тѣ, которые живутъ для счастья.

(*Стр. I, ч. I*).

На первый взглядъ три первыя правила „Свѣта на Пути" должны показаться настолько различнаго характера, что трудно уловить ихъ связь. Связь между ними чисто духовная. Честолюбіе есть высшая ступень личной дѣятельности, достигаемой разумомъ, и въ немъ есть нѣчто благородное даже для оккультиста. Поко-

ривъ въ себѣ желаніе стать выше своихъ товарищей и разбирая свои личныя желанія, страстный искатель духовнаго пути находитъ прежде всего въ себѣ жажду жизни. Ибо все то, что обыкновенно называется желаніемъ, уже давно было покорено, пережито или забыто, прежде чѣмъ началась эта неустанная духовная брань. Желаніе жизни есть всецѣло духовное желаніе, а не ментальное; и встрѣчаясь съ нимъ, человѣкъ встрѣчается со своей собственной душой. Немногіе пытались посмотрѣть ему въ лицо; еще меньше число тѣхъ, которые могутъ угадать его значеніе.

Такова связь между честолюбіемъ и желаніемъ жизни. Рѣдко бываютъ честолюбивы тѣ люди, въ которыхъ сильны животныя страсти. То, что обыкновенно принимается за честолюбіе въ людяхъ съ сильнымъ физическимъ организмомъ, есть чаще всего проявленіе большой энергіи для того, чтобы добиться полнаго удовлетворенія всѣхъ физическихъ желаній. Чистое, простое честолюбіе есть стремленіе мысли вверхъ, проявленіе врожденной интеллектуальной силы, которая возвышаетъ человѣка надъ равными ему.

Подниматься, превосходить другихъ въ чемъ бы то ни было, въ какомъ нибудь отдѣлѣ искусства, науки или мысли, есть самое сильное стремленіе тонко и высоко настроенныхъ душъ. Это нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ жажда познанія, которая всегда дѣлаетъ человѣка ученикомъ—вѣчно учащимся, какого бы величія онъ не достигъ. Честолюбіе возникаетъ не изъ любви къ чему-либо, но изъ чистаго себялюбія. „*Я* хочу знать, *я* хочу подняться, и моей собственной силой“.

„Кромвель, заклинаю тебя, бѣги честолюбія;
Чрезъ этотъ грѣхъ и ангелы падали“.

Завоеваніе положенія, въ смыслѣ котораго слово „честолюбіе“ первоначально употреблялось, отличается по степени, а не по существу отъ того болѣе отвлеченнаго значенія, которое теперь обыкновенно приписывается ему. Поэта считаютъ честолюбивымъ, когда онъ пишетъ для славы. Это правда; такъ оно и есть. Онъ быть можетъ не ищетъ мѣста при дворѣ, но онъ конечно добивается самаго высокаго положенія, которое ему только извѣстно. Мыслимо ли, чтобы какой-нибудь великій писатель былъ бы дѣйствительно анонимнымъ и остался таковымъ? Человѣческій разумъ возмущается теоріей Бэконовскаго авторства Шекспировскихъ произведеній не только потому, что эта теорія лишаетъ міръ блистательнаго образа, но тоже и потому, что это дѣлаетъ

изъ Бэкона чудовище, непохожее на другія человѣческія существа. Для обыкновеннаго ума непостижимо, чтобы человѣкъ могъ такъ безцѣльно скрывать свой свѣтъ.

Но для оккультиста понятно, что великій поэтъ можетъ быть вдохновляемъ другимъ еще болѣе великимъ, чѣмъ онъ самъ, стоящимъ вдали отъ міра и отъ всякаго соприкосновенія съ нимъ. Такой вдохновитель долженъ былъ бы побѣдить не только честолюбіе, но и отвлеченное желаніе жизни, прежде чѣмъ онъ сталъ бы способнымъ исполнить такую великую незримую работу. Потому что ему пришлось бы разстаться на вѣки со своимъ произведеніемъ, какъ только оно появилось бы въ міръ; оно никогда не принадлежало бы ему.

Человѣкъ, который можетъ представить себѣ, что онъ пересталъ предъявлять какія бы то ни было требованія міру и не желаетъ ни брать отъ него, ни доставлять ему наслажденій, можетъ имѣть слабое представленіе о душевномъ состояніи, котораго достигъ оккультистъ, разставшись съ желаніемъ жизни. Не думайте, что это значитъ, чтобы онъ никогда не давалъ и не бралъ наслажденій; онъ дѣлаетъ то и другое, поскольку онъ живетъ. Великій человѣкъ, полный дѣятельности и мысли, ѣстъ съ удовольствіемъ свою пищу; онъ не вкушаетъ ее мысленно и не думаетъ о ней, вкусивъ ее, подобно жадному ребенку или просто обыкновенному гастроному. Это очень грубый примѣръ, но иногда эти простыя иллюстраціи помогаютъ уму лучше какихъ-либо другихъ. По этой аналогіи легко видѣть, что опытный оккультистъ, который работалъ въ мірѣ, можетъ оставаться совершенно свободнымъ отъ желаній, и тѣмъ не менѣе принимать и съ интересомъ отдавать его успѣхи. Онъ достигъ возможности давать болѣе, чѣмъ принимать, потому что онъ неспособенъ ни на страхъ, ни на разочарованіе. Онъ не боится ни смерти, ни того, что называютъ уничтоженіемъ. Онъ не можетъ чувствовать разочарованія, такъ какъ хотя онъ и испытываетъ удовольствіе необыкновенно сильно и остро, но для него безразлично, наслаждается ли онъ имъ самъ или кто-либо другой. Это чистое простое наслажденіе, неомраченное личнымъ стремленіемъ или желаніемъ. Тоже самое относится и къ тому, что оккультисты называютъ „прогрессомъ“— т. е. восхожденіе со ступени на ступень познанія. Во всякой школѣ внѣшняго міра соревнованіе есть главное поощреніе къ успѣху. Оккультистъ, напротивъ, неспособенъ сдѣлать ни малѣйшаго шага, пока не пріобрѣтетъ способность относиться къ прогрессу, какъ къ отвлеченному дѣйствію.

Въ каждую данную минуту кто-нибудь долженъ стать ближе къ Божеству; прогрессъ долженъ быть непрерывенъ. Но ученикъ, который желаетъ быть именно этимъ прогрессирующимъ впереди всѣхъ человѣкомъ, можетъ отложить всякую надежду на прогрессъ. Никогда не долженъ онъ также предпочитать прогрессъ другого своему и оставить всякую мысль о какой-то замѣстительной жертвѣ.

Такія мысли въ нѣкоторомъ смыслѣ безкорыстны, но онѣ существенно характеризуютъ тотъ міръ, въ которомъ существуетъ раздѣленіе, и гдѣ на форму смотрятъ какъ на нѣчто имѣющее свою собственную цѣну. *Форму человѣка можно разсматривать такъ, какъ будто ни одна искра Божества не обитала въ ней*: ибо въ любой моментъ искра эта можетъ покинуть опредѣленную форму и передъ нами останется одинъ вещественный призракъ того человѣка, котораго мы знали.

Напрасно душа, послѣ перваго шага въ оккультизмѣ, цѣпляется за старыя мысли и вѣрованія. Время и пространство не существуютъ, они существуютъ только въ практической жизни для удобства. То же самое можно сказать и о дифференціаціи единаго божественно-человѣческаго духа во множествѣ людей на землѣ. Розы имѣютъ свой собственный цвѣтъ, а лиліи свой; никто не можетъ объяснить, почему это такъ, когда то же солнце, тотъ же свѣтъ даетъ краску каждому. Природа нераздѣлима. Она облачаетъ землю, и когда это покрывало сдернуто, она выдерживаетъ свое время и вновь одѣваетъ ее. Окружая землю, подобно атмосферѣ, она сохраняетъ ее вѣчно горячей и молодой, влажной и свѣтлой.

Подобно огненному духу, человѣческій духъ окружаетъ землю, живетъ надъ Природой, поглощаетъ ее, иногда бываетъ поглощенъ ею, но въ общемъ всегда остается болѣе эфирнымъ и возвышеннымъ, чѣмъ она. Какъ индивидуумъ человѣкъ сознаетъ огромное превосходство Природы; но когда онъ доходитъ до сознанія, что онъ есть часть нераздѣлимаго и неразрушимаго Цѣлаго, тогда онъ познаетъ также и то, что это Цѣлое стоитъ выше природы. Видъ звѣзднаго неба повергаетъ въ ужасъ человѣка, достигшаго ровно настолько сверхличности, чтобы сознавать свою собственную ничтожность, какъ индивидуума; оно почти-что подавляетъ его. Но дайте ему испытать ту мощь, которая исходитъ отъ сознанія себя частью бого-человѣческаго духа, и ничто не будетъ болѣе способно подавлять его своимъ величіемъ. Если бы дажа колеса непріятельской колесницы прошли по его тѣлу, то онъ забылъ бы, что это его тѣло и вновь всталъ бы на борьбу вмѣстѣ со своей соб-

ственной арміей. Но этого состоянія нельзя достигнуть, къ нему нельзя даже приблизиться, пока послѣднее изъ трехъ желаній не покорено, также, какъ и первое. Всѣ три должны быть вмѣстѣ постигнуты и преодолѣны.

Удобство, на языкѣ оккультистовъ, вполнѣ понятное слово. Для неофита нѣтъ никакой надобности искать неудобствъ или отдаваться аскетизму, подобно религіознымъ фанатикамъ. Онъ можетъ дойти до того, что будетъ отдавать предпочтеніе лишеніямъ и тогда они сдѣлаются его комфортомъ. Безпріютность есть то условіе, которому посвящаетъ себя религіозный Браминъ; и по внѣшней религіи считается, что такой браминъ исполняетъ свой обѣтъ, если онъ покидаетъ жену и ребенка, и дѣлается безпріютнымъ, нищимъ странникомъ. Но всѣ внѣшнія формы религіи— тѣ же формы комфорта, и люди, дающіе обѣтъ воздержанія, дѣйствуютъ въ томъ же духѣ, въ какомъ они вступаютъ въ какой нибудь товарищескій союзъ. Разница между этими двумя сторонами жизни только внѣшняя. Та безпріютность, которая требуется отъ неофита, вещь гораздо болѣе жизненная. Отъ него требуется уступка его права выбора или желанія. Обитая съ женой и ребенкомъ подъ семейною кровлею, и исполняя обязанности гражданина, неофитъ, въ эзотерическомъ смыслѣ, можетъ быть болѣе безпріютнымъ, чѣмъ будучи странникомъ или изгнанникомъ. Первый урокъ практическаго оккультизма, который дается посвященному ученику, состоитъ въ выполненіи всѣхъ непосредственныхъ, ближайшихъ обязанностей съ той же утонченной смѣсью энтузіазма и безстрастія, съ какою ученикъ чувствовалъ бы, вообразивъ себя властителемъ міровъ и правителемъ судебъ. Это правило встрѣчается въ Евангеліи и въ Бхагавадъ-Гитѣ. Непосредственная работа, какова бы она ни была, содержитъ въ себѣ отвлеченное требованіе долга, и относительная важность или маловажность ея не имѣютъ никакого значенія. Но закона этого нельзя исполнить, пока не будетъ разрушено на вѣки всякое стремленіе къ утѣхамъ жизни. Безпрестанныя самоутвержденія личнаго я должны быть отброшены на вѣки. Они столько же обладаютъ данными свойствами, какъ и желаніе имѣть извѣстный балансъ въ банкѣ, или удержать расположеніе любимаго лица. Они одинаково подвержены земнымъ измѣненіямъ; даже болѣе того, потому что неофитъ, дѣлаясь неофитомъ, просто входитъ въ теплицу. Перемѣна, разочарованіе, отчаяніе, безнадежность окружаютъ его по первому зову, потому что онъ желаетъ быстро выучить свои уроки. И по мѣрѣ того, какъ онъ

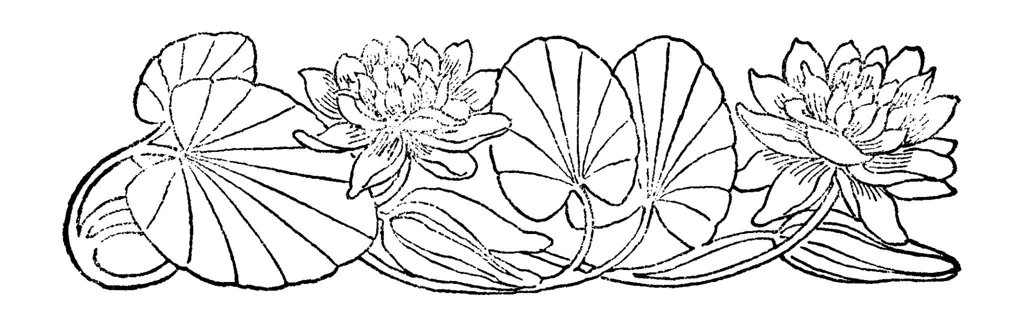
будетъ изгонять изъ себя все это зло—оно будетъ замѣщаться другимъ еще худшимъ:—страстное стремленіе къ обособленной жизни, къ ощущеніямъ, къ сознанію своего собственнаго роста налетять на него и опрокинутъ ту слабую преграду, которую онъ воздвигъ себѣ. И никакая преграда, будь то аскетизмъ или отреченіе, ничто отрицательное не устоитъ ни на одну минуту противъ этого могущественнаго наплыва чувства. Единственная преграда можетъ быть построена изъ новыхъ желаній. Напрасно сталъ бы думать неофитъ, что можетъ уйти за предѣлы сферы желаній. Это невозможно, пока онъ еще человѣкъ. Природа должна приносить цвѣты, пока она Природа; человѣческій духъ сразу утратилъ бы свое равновѣсіе въ этой формѣ существованія, если бы не продолжалъ желать. Индивидуальный человѣкъ, какъ существенная часть этой жизни, не можетъ мгновенно выбросить себя изъ нея. Онъ можетъ только измѣнить въ ней свое положеніе. Человѣкъ, въ которомъ интеллектуальная жизнь преобладаетъ надъ животной жизнью, поднялся надъ обыденностью, но онъ все же пока остается еще во власти желанія. Если ученикъ расчитываетъ однимъ только усиліемъ сдѣлаться безличнымъ, то результатомъ будетъ его паденіе въ бездонную пропасть. Овладѣйте новой цѣпью желаній, болѣе чистыхъ, широкихъ, благородныхъ, и тогда твердою стопою вступите на лѣстницу. Только на послѣдней и высочайшей ступени лѣстницы, у самаго входа въ Божественную жизнь, возможно удержать то, что не имѣетъ ни матеріи, ни существованія.

Первая часть „Свѣта на Пути“ подобна музыкальной струнѣ; ноты должны звучать всѣ вмѣстѣ, хотя каждая изъ нихъ должна быть тронута отдѣльно. Изучайте и пріобрѣтайте новыя желанія, прежде чѣмъ выбросите старыя, иначе вы погибнете въ бурѣ. Человѣкъ, пока онъ человѣкъ, имѣетъ въ себѣ матерію и нуждается въ опорѣ, въ какой-нибудь мысли, которой онъ могъ бы держаться. Но пусть это будетъ возможно меньшая опора. Учитесь, подобно акробату, медленно и осторожно, что бы сдѣлаться болѣе независимымъ. Прежде чѣмъ разстаться съ демономъ честолюбія, съ желаніемъ чего нибудь, хотя и утонченнаго и возвышеннаго внѣ вашего я, овладѣйте желаніемъ найти свѣтъ мира внутри себя самихъ. Прежде чѣмъ отбросить желаніе сознательной жизни, научитесь желать недостижимаго или, говоря иначе, того, что можете достигнуть лишь теряя личное сознаніе. Зная, что цѣль ваша такого высокаго характера, что она не дастъ вамъ ни сознательнаго успѣха, ни утѣхъ, что никогда не до-

стигнете вы черезъ нее въ вашемъ временномъ личномъ Я какого либо мѣста отдохновенія или пріятной дѣятельности, вы урѣзываете всю силу и могущество желаній низшей астральной природы. Ибо, понявъ эти факты, какое можетъ быть еще желаніе обособленныхъ ощущеній или роста?

Оружіе воина, который встаетъ сражаться за васъ въ битвѣ, описанное во второй части „Свѣта на Пути", подобно рубашкѣ счастливаго человѣка въ старинномъ разсказѣ. Король могъ быть вылеченъ отъ всѣхъ своихъ недуговъ, проспавъ въ такой рубашкѣ; но когда нашли счастливаго человѣка въ его королевствѣ, то онъ оказался нищимъ, беззаботнымъ, безстрашнымъ — и безъ рубашки. Таковъ и божественный воинъ. Никто не можетъ пользоваться его оружіемъ, потому что у него его нѣтъ. Король не могъ найти счастья, подобнаго счастью беззаботнаго нищаго. Міряининъ, какъ бы утонченно ни было его воспитаніе, скованъ тысячью мыслей и чувствъ, которыя должны быть отброшены прежде, чѣмъ онъ можетъ стать на порогѣ оккультизма. И замѣтьте это, онъ скованъ, главнымъ образомъ, тѣмъ оружіемъ, которое онъ носитъ и которое обособило его. Онъ обладаетъ еще личной гордостью, самопочитаніемъ. Все это должно умереть вмѣстѣ со смертью личности. Процессъ, описанный въ первой части „Свѣта на Пути", состоитъ въ сбрасываніи на вѣки этой скорлупы или вооруженія. Тогда возстаетъ воинъ, безоружный, беззащитный, безобидный, отожествляющій себя съ обидчиками и обиженными, гнѣвающимися и прогнѣвляющими, сражающійся ни за одну изъ враждующихъ сторонъ, но за Божественное, которое стоитъ выше всего.

Перев. **М. Жукъ.**



Мистики.

Д-ра Штейнера.

*(Продолженіе *).*

Кардиналъ Николай Кузанскій.

Яркой звѣздой на небесахъ средневѣковой духовной жизни является Николай Chryppfs Кузанскій (родился въ Трирѣ 1401—1464). Онъ стоялъ на высотѣ науки своего времени. Въ области математики онъ далъ выдающіяся работы. Въ области естествознанія на него можно указать, какъ на предшественника Коперника, ибо онъ стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что земля такъ же подвижна, какъ и остальныя небесныя тѣла. Онъ уже порвалъ съ тѣмъ воззрѣніемъ, на основаніи котораго—цѣлое столѣтіе спустя—знаменитый астрономъ Тихо де-Браге бросилъ ученію Коперника такое возраженіе: „Земля есть грубая, тяжелая и къ движенію неспособная масса; какъ можетъ Коперникъ дѣлать изъ нея движущуюся въ воздушномъ пространствѣ звѣзду?“ Человѣкъ, который былъ способенъ не только охватить всю науку своего времени, но и вести ее впередъ, обладалъ въ то же время и высокою способностью оживотворять знаніе, чтобы оно не только выясняло явленія внѣшняго міра, но и оказывало содѣйствіе пробужденію духовной жизни въ сокровенныхъ глубинахъ человѣческой души. Если сравнить Николая Кузанскаго съ такими индивидуальностями, какъ Экхартъ или Таулеръ, получится интересное сопоставленіе. Первый представляетъ собою научнаго мыслителя, исходящаго изъ изслѣдованія окружающаго міра и отсюда уже поднимающа-

---

*) „Вѣстникъ Теософіи“ 1910 г., № 5—6.

гося къ высшему міровоззрѣнію; Экхартъ и Таулеръ исходятъ изъ вѣры и въ ея содержаніи ищутъ высшую жизнь духа.

Въ итогѣ Николай Кузанскій приходитъ къ той же внутренней жизни, какую мы видѣли у Мейстера Экхарта, но онъ обогащаетъ ее обильнымъ научнымъ содержаніемъ. Особенность послѣдней станетъ ясной, если имѣть въ виду, какъ опасно для человѣка, занятаго въ отдѣльныхъ областяхъ науки, упустить значеніе того общаго метода познаванія, который бросаетъ свѣтъ на отдѣльныя области знанія. При этомъ легко притти къ ошибочному убѣжденію, что существуетъ лишь одинъ способъ познаванія, и упустить изъ вида, что способъ этотъ можетъ быть цѣлесообразенъ лишь для той или другой опредѣленной науки. Можно легко или переоцѣнить, или недостаточно оцѣнить его. Въ первомъ случаѣ мыслитель будетъ подходить къ предметамъ высочайшихъ духовныхъ проблемъ такимъ же образомъ, какъ въ физической задачѣ, и обращаться съ ними такъ же, какъ съ силой электричества или съ силой тяготѣнія. И тогда міръ предстанетъ передъ нимъ или въ видѣ слѣпо дѣйствующей машины, или въ видѣ организма, или же какъ цѣлесообразное построеніе личнаго Бога. Возможно также, что міръ предстанетъ передъ нимъ въ видѣ управляемаго болѣе или менѣе ясно представляемой „Міровой Душой“ и проникнутаго ею. Въ другомъ случаѣ, убѣждаясь, что методъ, которымъ онъ владѣетъ, можетъ годиться лишь для познаванія явленій физическаго міра, онъ легко можетъ превратиться въ скептика, говорящаго себѣ: мы не можемъ познать явленія, превышающаго область чувственнаго міра. Наше знаніе имѣетъ границу. Для потребностей нашей духовной жизни годится лишь незатронутая научными изслѣдованіями вѣра. Для ученаго теолога и въ то же время естествоиспытателя, какимъ былъ Николай Кузанскій, опасность второго рода была особенно возможна. По своему научному воспитанію онъ исходилъ изъ школы схоластиковъ, изъ того міропониманія, изъ тѣхъ пріемовъ мысли, которые царили въ научной жизни средневѣковой церкви, и которую Ѳома Аквинскій (1227—1274), этотъ король схоластиковъ, довелъ до величайшаго расцвѣта. Этотъ способъ мышленія и нужно имѣть всегда въ виду, если хочешь понять личность Николая Кузанскаго.

Схоластика — явленіе человѣческаго остроумія. Логическая способность праздновала въ ней свое высочайшее торжество. Кто стремится къ тому, чтобы вырабатывать свои понятія въ наиболѣе острыхъ и чистыхъ контурахъ, тотъ долженъ итти въ обученіе къ схоластикамъ. Они являются высшей школой техники мышле-

нія. Они обладаютъ неподражаемою ловкостью и подвижностью въ полѣ чистой мысли. И то, что они способны были творить на этомъ полѣ, болѣе цѣннѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. И происходитъ это оттого, что въ большинствѣ иныхъ областей знанія подобное творчество мало доступно для людей науки. Такой же высоты мысль достигаетъ лишь въ области счисленія и математики, и при размышленіи надъ связью геометрическихъ построеній мы можемъ считать, прибавляя въ мысляхъ единицу къ опредѣленному числу, не призывая на подмогу никакихъ чувственныхъ представленій. И мы можемъ вычислять безъ подобныхъ представленій въ одномъ чистомъ элементѣ мышленія. Относительно геометрическихъ построеній намъ извѣстно, что они не покрываются въ полной мѣрѣ никакими чувственными представленіями. Въ чувственной дѣйствительности не существуетъ никакого (идеальнаго) круга. И, тѣмъ не менѣе, наша мысль занимается чисто идеальнымъ кругомъ. Для вещей и явленій болѣе сложныхъ, чѣмъ числовыя и пространственныя построенія, гораздо труднѣе найти идеальныя соотвѣтствія. Это обстоятельство повело даже къ утвержденію, что отдѣльныя области познаванія заключаютъ въ себѣ истинную научность лишь въ той мѣрѣ, въ какой онѣ подлежатъ измѣренію и исчисленію. Дѣло въ томъ, что большинство людей не способно мыслить тамъ уже, гдѣ не можетъ быть рѣчи объ измѣряемости и исчисляемости. Того, кто не способенъ на чистое мышленіе въ высшихъ областяхъ жизни и знанія, можно приравнять въ этомъ смыслѣ къ ребенку, который не умѣетъ еще считать иначе, какъ прибавляя одну горошину къ другой. Мыслитель, сказавшій, что въ каждой области знанія можно найти лишь настолько истинной науки, насколько въ ней заключено математики, былъ плохо освѣдомленъ.

Вѣрнѣе сказать, что со всѣмъ, не подлежащимъ измѣренію и исчисленію, слѣдовало бы обращаться такъ же, какъ съ числовыми и пространственными построеніями. Такому требованію послѣдователи схоластики удовлетворяли въ полной степени. Они отыскивали вездѣ мысленное содержаніе вещей такъ, какъ математикъ отыскиваетъ его въ области измѣренія и исчисленія.

Несмотря на такое совершенное логическое искусство, схоластики достигли лишь односторонняго и подчиненнаго понятія о познаваніи. Понятіе это состоитъ въ томъ, что человѣкъ при познаваніи создаетъ въ себѣ образъ того, что онъ хочетъ познать. Изъ этого слѣдуетъ, что при подобномъ познаваніи изъ познаваемаго должна извлекаться всякая дѣйствительность, ибо при

такомъ познаваніи можно улавливать не самую вещь, *а лишь образъ* этой вещи. Точно такъ же и въ самопознаніи человѣкъ улавливаетъ не самого себя, а познаваемое имъ есть лишь образъ его самого. Исходя изъ вѣрно понятаго духа схоластики, большой ея знатокъ Вернеръ говоритъ въ своей книгѣ „Францъ Суарецъ и схоластика послѣдняго столѣтія“: „Человѣкъ не обладаетъ во времени представленіемъ о своемъ я—этой скрытой причинѣ его духовной сущности и духовной жизни;... онъ никогда не будетъ въ состояніи созерцать себя, ибо въ отчужденіи отъ Бога онъ будетъ видѣть лишь бездонную, мрачную бездну, безконечную пустоту, или же, соединившись съ Богомъ, устремляя взоръ внутрь себя, онъ найдетъ лишь одного Бога, солнце благости котораго свѣтитъ въ немъ, *образъ* котораго отпечатлѣвается въ духовныхъ чертахъ его сущности“. Кто *такъ* мыслитъ познаваніе, тотъ имѣетъ понятіе лишь о томъ познаваніи, которое примѣнимо къ внѣшнимъ вещамъ. Чувственная сторона вещей останется для насъ всегда внѣшней. Поэтому относительно чувственной стороны міра мы можемъ воспринимать въ наше сознаніе лишь образы. Когда мы воспринимаемъ цвѣтъ или камень, мы не можемъ для познаванія цвѣта или камня сами превратиться въ цвѣтъ или камень. Не болѣе того можетъ и цвѣтъ или камень превратиться въ частицу нашей собственной сути. Но при этомъ возникаетъ вопросъ: можно ли считать подобное, на внѣшнюю сторону вещей устремленное познаваніе за исчерпывающее?

Для схоластиковъ всякое человѣческое познаваніе совпадаетъ— во всемъ существенномъ—именно съ *такимъ* познаваніемъ. Другой знатокъ схоластики—Отто Вильмонъ въ своей „Исторіи Идеализма“ *) характеризуетъ это направленіе мысли такимъ образомъ: „Нашъ Духъ, соединенный въ земной жизни съ тѣломъ, направленъ прежде всего на окружающій міръ формъ, но въ то же время сопряженъ съ духовнымъ, съ сущностями, природами, формами вещей, элементами бытія, родственными ему и являющими собою ростки для поднятія въ область сверхчувственнаго; такимъ образомъ, поле нашего познаванія есть область опыта, но мы должны все даваемое этимъ опытомъ понимать, проникать въ его смыслъ и тѣмъ самымъ раскрывать для себя міръ мысли“.

Иное понятіе о познаваніи для схоластика было недоступно. Все догматическое содержаніе его теологіи служило препятствіемъ къ тому. Если бы, внутри себя, онъ устремилъ свое духовное

*) Geshichte des Idealismus. 2 Band, s. 395.

зрѣніе на то, въ чемъ онъ видитъ лишь *образъ* вещи, онъ увидалъ бы, что въ этомъ мнимомъ образѣ раскрывается *духовное содержаніе* самой вещи, и тогда бы онъ убѣдился, что внутри его Богъ не только *отражается*, но и въ дѣйствительности *живетъ*, существенно присутствуетъ. Взирая внутрь себя, онъ нашелъ бы не темную бездну и не безконечную пустоту, но также и не просто *образъ* Божій. Онъ почувствовалъ бы, что въ немъ бьется жизнь, которая и есть сама божественная жизнь, и что его собственное бытіе и есть бытіе Бога. Этого схоластикъ не могъ допустить. По его представленію Богъ не могъ проникнуть въ человѣка и говорить черезъ него; онъ могъ пребывать въ немъ только какъ образъ. Въ дѣйствительности Божественность оставалась внѣ человѣческаго я. Поэтому она и не могла обнаруживаться внутри человѣка, посредствомъ духовной жизни, а раскрывалась извнѣ путемъ сверхъестественнаго откровенія. Но самая цѣль, къ которой человѣкъ стремится при этомъ, достигается менѣе всего. Наивысшаго пониманія о Богѣ не получается. Въ дѣйствительности Богъ принижается до уровня всѣхъ остальныхъ вещей, съ той разницей, что остальныя вещи обнаруживаются передъ нами естественнымъ путемъ опыта, тогда какъ Богъ раскрывается сверхъестественнымъ образомъ. Разница между познаваніемъ Божественнаго и сотвореннаго достигается у схоластиковъ тѣмъ, что сотворенное намъ дается опытнымъ путемъ, что мы его *познаемъ*, тогда какъ познаваніе Божественнаго дается намъ не путемъ опыта, а лишь путемъ *вѣры*. Такимъ образомъ, для схоластика высочайшія вещи являются не предметомъ знанія, а одной лишь вѣры.

Но и съ схоластической точки зрѣнія отношеніе знанія къ вѣрѣ нельзя представлять себѣ такъ, что въ одной области заключается одно лишь знаніе, а въ другой господствуетъ одна лишь вѣра, ибо и само познаваніе существующаго возможно для насъ потому, что оно само исходитъ изъ творческаго познаванія; всѣ вещи существуютъ *для* духа, ибо онѣ исходятъ *изъ* духа, и онѣ имѣютъ сказать намъ нѣчто, ибо обладаютъ смысломъ, вложеннымъ въ нихъ высшимъ Разумомъ" *). Такъ какъ Богъ сотворилъ міръ актомъ мышленія, то и мы, схватывая мысли, лежащія въ основѣ міра, можемъ путемъ мышленія различить слѣды Божественнаго въ мірѣ. Что же касается истинной сущности Бога, ее мы можемъ познать лишь благодаря откровенію, даваемому намъ

*) Willmann, Geshichte des Idealismus. 2 Band,s 383.

сверхъестественнымъ путемъ, въ которое мы должны просто вѣрить. Относительно нашего познанія высочайшихъ вещей рѣшаетъ не человѣческая наука, а только вѣра, а „къ области вѣры принадлежитъ все, заключенное въ Св. Писаніи Новаго и Ветхаго Завѣта и божественныхъ преданіяхъ“ *).

Мы не можемъ здѣсь входить въ обоснованіе правильнаго отношенія между содержаніемъ вѣры и содержаніемъ науки. Въ дѣйствительности всякое содержаніе вѣры исходитъ изъ когда-либо бывшаго внутренняго опыта. Всѣмъ своимъ внѣшнимъ содержаніемъ этотъ опытъ сохраняется, но обладающій имъ человѣкъ не сознаетъ, когда и какимъ образомъ онъ былъ пріобрѣтенъ. Является представленіе, что онъ возникъ путемъ сверхъестественнаго откровенія. Все содержаніе христіанской вѣры было принимаемо схоластиками такимъ именно образомъ. Знаніе и внутреннее переживаніе оставались въ сторонѣ; связь между ними и Богопознаніемъ считалась бы невозможной претензіей. Какъ наука не могла создать дерева, такъ же невозможно было и для схоластики создать понятіе о Богѣ; она принимала готовое откровеніе такъ же, какъ естественная наука принимаетъ готовое дерево. Что духовное понятіе можетъ само вспыхнуть внутри человѣка и жить въ немъ, этого схоластикъ допустить не могъ. Поэтому онъ и ограничивалъ силу научнаго познаванія однимъ лишь внѣшнимъ опытомъ. Человѣческое познаваніе не способно произвести понятіе о высшихъ сущностяхъ. Схоластика признавала лишь откровенное понятіе о нихъ, не допуская, чтобы такія понятія могли возникнуть въ различныхъ ступеняхъ духовной жизни самого человѣка.

Вслѣдствіе этого, по мѣрѣ развитія схоластики, изъ нея исчезали всѣ идеи, указывающія на то, какимъ образомъ человѣкъ создавалъ понятія о Божественномъ. Въ первые вѣка христіанства, во времена Отцовъ Церкви, мы видимъ, какъ все содержаніе теологіи—шагъ за шагомъ—возникало благодаря принятію внутреннихъ, духовныхъ переживаній. У Скота Эригена, который стоялъ на высотѣ христіанскаго теологическаго познанія IX столѣт'я, мы находимъ это содержаніе основаннымъ всецѣло на внутреннихъ переживаніяхъ. У схоластиковъ послѣдующихъ столѣтій этотъ характеръ внутреннихъ переживаній исчезаетъ вполнѣ; они замѣняются внѣшнимъ сверхъестественнымъ откровеніемъ.

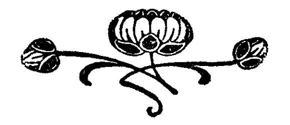
---

*) Ioseph Kleutgen. Die Theologie der Vorzeit. 1 Band, s. 39.

Поэтому дѣятельность мистическихъ теологовъ — Экхарта, Таулера, Сузо и ихъ современниковъ можно охарактеризовать слѣдующимъ образомъ: содержанiе церковныхъ ученiй, которому теологiя придала значенiе сверхъестественнаго откровенiя, вызвало въ нихъ потребность создать подобное же содержанiе, но уже исходящее изъ внутренняго переживанiя.

(Продолженiе слѣдуетъ).

Пер. Е. П.



„Зерцало чистоты" (Classic of purity *).

Небо и земля проявляются и питаются Предвѣчнымъ, Тао безъ аттрибутовъ.

По велѣнiю Предвѣчнаго, Неизмѣннаго Тао, вращаются солнце и луна.

Все существующее растетъ и держится Предвѣчнымъ, Тао, которому нѣтъ имени.

Тао содержитъ въ себѣ свѣтлое и мутное. Тао активно и неподвижно.

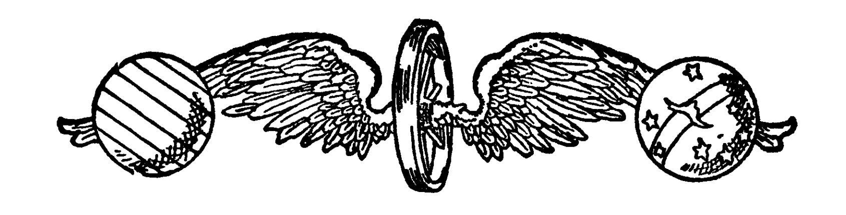
Свѣтлое—причина мутнаго. Активное—причина покоя. Если бы человѣкъ могъ быть въ одно и тоже время свѣтлымъ и покойнымъ, то небо слилось бы съ землей.

Духъ человѣка любитъ чистоту, но его умъ нарушаетъ ее. Умъ человѣка любитъ покой, но его желанiя дѣлаютъ его невозможнымъ.

Когда желанiе не возбуждается, то является настоящiй покой.

---

*) Древне-китайское Св. Писанiе, комментарiи къ книгѣ Лао-Тсе: Тао-Те-Кингъ.



Древняя Мудрость на протяженіи вѣковъ.

Д-ра **Теофиля Паскаль.**

(*Окончаніе* *).

Современная Теософія и ея главныя ученія.

Въ двухъ предшествующихъ лекціяхъ я говорилъ о Великихъ Учителяхъ человѣчества, о божественныхъ старшихъ Братьяхъ, опередившихъ насъ въ эволюціи и возвращающихся періодически, чтобы указать намъ на распутьи вѣрную дорогу и освѣщать намъ путь, когда наступаетъ ночь, или поддержать человѣчество, когда его силы слабѣютъ и имъ начинаетъ овладѣвать отчаяніе.

Сегодня я постараюсь указать, какъ разрѣшаются въ свѣтѣ ихъ ученія нѣкоторыя изъ наиболѣе важныхъ сторонъ тайны жизни, той тайны, которая раскрывается только постепенно на протяженіи медленной эволюціи, цѣною безчисленныхъ опытовъ и страданій.

Что такое человѣкъ? Откуда онъ приходитъ? Куда уходитъ? Что такое сущность и что такое существа? Что такое безконечность, что Богъ? Вселенная? Каковы ея начало и ея цѣль? Что такое законы природы? Что такое міровыя силы? Эволюція? Каковы ея дѣйствующія силы и ея пути?

Изъ всѣхъ этихъ задачъ мы возьмемъ лишь тѣ ихъ стороны, которыя особо интересуютъ человѣчество и изъ нихъ выберемъ только самыя главныя.

Я постараюсь передать вамъ о нихъ то, что мнѣ самому выяснилось, благодаря теософическому ученію.

Это ученіе, какъ я уже говорилъ, также древне, какъ само человѣчество, и было принесено ему на зарѣ его существованія первыми Учителями. Сохраняя свое внутреннее тождество, оно мѣняло лишь свои названія съ теченіемъ вѣковъ; въ Атлантидѣ

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“ 1910 г., № 5—6.

и Египтѣ его называли родовымъ именемъ „Мистерій"; въ Индіи оно носитъ и до сихъ поръ названіе „Тайной мудрости" (*Gupta Vidya*); Христосъ также называлъ его „Мистеріями", доступными лишь для его ближайшихъ учениковъ; христіанскіе философы первыхъ вѣковъ называли его *Гнозисомъ*,—познаніемъ; Неоплатоники стали называть его Теософіей, что означаетъ „Божественная мудрость", а въ концѣ прошлаго столѣтія то же имя было возобновлено Е. П. Блаватской въ примѣненіи къ тому же ученію.

Но дѣло не въ имени.

Способъ передачи этого ученья оставался однимъ и тѣмъ же на протяженіи всѣхъ вѣковъ: лишь одна его часть раскрывалась для всѣхъ, а другая хранилась въ тайнѣ и выдавалась лишь небольшому числу людей, готовыхъ для ея воспріятія. Обнародывалось только то, что не представляло никакого неудобства для открытія всѣмъ, а остальное передавалось избраннымъ, которые могли понять высокія истины, слишкомъ священныя для всенароднаго раскрытія или слишкомъ опасныя для неочистившагося и эгоистическаго человѣчества. Къ этому мы еще вернемся въ слѣдующей лекціи. Сегодня же мы будемъ разсматривать теоретическую сторону, оставивъ для будущей лекціи ту сторону, которая имѣетъ дѣло съ практическими пріемами, ведущими къ непосредственному прямому, объективному доказательству ученій, о которыхъ будетъ рѣчь.

Если бы въ моемъ изложеніи встрѣтились ошибки, за нихъ отвѣтственность прошу возложить на меня одного, а не на Теософію.

Предметъ сегодняшней лекціи включаетъ нѣкоторыя теософическія положенія величайшей важности о Богѣ, о вселенной, объ эволюціи; все это вопросы столь великіе, что къ нимъ трудно подойти безъ робости даже и обладающему несравненно большей храбростью, чѣмъ обладаю я.

Что такое Богъ? Я говорю здѣсь о той Сути, о томъ *Нѣчто*, которое мы смутно сознаемъ въ глубинѣ нашихъ сердецъ, которое чувствуемъ, не будучи въ состояніи ни понять, ни опредѣлить доступнымъ намъ опредѣленіемъ. Да и трудно объяснить необъяснимое, выразить словами невыразимое, сдѣлать понятнымъ сокровенный корень всего.

Здѣсь я могу только молчать.

Древніе философы, такъ же какъ и современные, могли говорить о Богѣ только при помощи отрицанія. Они говорили иногда, что это—Нѣчто, неимѣющее сознанія, т. е. что самое совершенное

сознаніе, какимъ только можетъ обладать человѣкъ, не походитъ нисколько на сознаніе Бога. Вотъ почему говорятъ о *Безсознательномъ*, желая этимъ выразить, что Богъ есть абсолютное сознаніе.

Встрѣчается и такое выраженіе, что Богъ есть Не—бытіе; и этимъ хотятъ выразить, что всѣ существа ограничены, несовершенны и неполны. Абсолютное Бытіе есть истинное Бытіе, относительно котораго всѣ конечныя существа только виды и грани, подобно тому, какъ различно окрашенные свѣтовые лучи, отбрасываемые съ поверхности брилліанта, являются лишь различными видами того свѣта, который проникъ въ брилліантъ и исходитъ изъ его граней.

Ничего иного нельзя сказать о Богѣ: Онъ слишкомъ великъ.

Но мы можемъ до извѣстной степени говорить о томъ, что существуетъ, о проявленномъ и относительномъ, о существахъ, заключенныхъ въ Вселенной.

Прежде всего, что такое Вселенная?

Это есть Тѣло проявленнаго Бога, это есть проявленіе Бога.

Но какимъ образомъ можетъ проявиться что либо въ томъ, что само по себѣ есть абстракція? Посредствомъ противоположеній и различій. Спросите художника, можетъ-ли онъ написать картину одной краской? Онъ отвѣтитъ, что нельзя создать формъ безъ противоположеній.

Для того, чтобы Богъ, Который есть совершенная однородность и Который поэтому невидимъ и неосязаемъ, могъ проявить себя, нужно, чтобы Его воля вызвала двѣ противоположности во Вселенной. Я говорю двѣ, но только съ точки зрѣнія теоретической и ради объединенія, ибо въ дѣйствительности существуютъ милліарды противоположностей, исходящихъ изъ тѣхъ двухъ первичныхъ; идея эта присуща всѣмъ философіямъ, она составляетъ антиномію всѣхъ существующихъ умозрительныхъ системъ.

Что же представляютъ собою эти противоположности? Онѣ представляютъ собою то, что наука называетъ *вибраціями,* силами.

Что такое вибрація? Это, какъ говоритъ физика, болѣе или менѣе быстрое движеніе — взадъ и впередъ — частицъ матеріи. Опредѣленіе это не достаточно, и я полагаю подойти къ нему ближе, добавивъ, что вибрація есть результатъ воли Бога, проявляющійся тѣмъ, что мы называемъ *движеніе.*

Богъ проявляетъ Вселенную, бросая въ абстрактное пространство,—я говорю „абстрактное“, т. к. объективнаго міроваго пространства не существовало, пока не было объективной Все-

ленной—двѣ огромныя основныя силы, противоположныя одна другой, а какъ только въ однородномъ появилась двойственность,—актъ творчества совершился.

Эти двѣ противоположныя энергіи существуютъ всюду; и въ самомъ дѣлѣ, возможно ли представить себѣ силу, не вообразивъ одновременно и сопротивленія, противъ котораго сила эта дѣйствуетъ? Попробуемъ опредѣлить силу, которой противодѣйствуетъ слабое сопротивленіе воздуха; эластичность послѣдняго послужитъ для измѣренія этой силы; а теперь произведемъ палкой давленіе на стѣну; когда сила, приведенная въ дѣйствіе, будетъ равна сопротивленію стѣны, то самое легкое добавочное усиліе можетъ произвести въ ней проломъ.

Возьмемъ другой примѣръ: электричество проявляется посредствомъ двухъ противоположныхъ полюсовъ, и то различіе въ потенціальности или электрической основѣ, которое существуетъ между положительнымъ и отрицательнымъ полюсами,—вызываетъ движеніе отъ одного полюса къ другому, которое и называется токомъ.

Дѣйствіе магнитовъ также неизмѣнно опредѣляется существованіемъ двухъ равныхъ, но противоположныхъ полярностей.

Всюду во вселенной великій законъ *дѣйствія*, вызывая *противодѣйствіе*, ведетъ къ равновѣсію и *гармоніи*. Три гуны (*gounas*) древней Индусской философіи: *Rajas* (энергія), дѣйствующая противъ *Tamas* (инерціи), чтобы произвести *Sattva* (гармонію), признаются подъ другими именами и западной наукой.

Такимъ образомъ, Вселенная есть не что иное, какъ совокупность вибраціи до безконечности разнообразныхъ, и ставшихъ видимыми или проявленными для нашихъ глазъ, благодаря тѣмъ противодѣйствіямъ, какія онѣ встрѣчаютъ на своемъ пути.

А теперь, что же такое матерія?

Утверждающіе, что сотвореніе міра произошло *ex nihilo*, т. е. изъ ничего, правы, если называть *ничѣмъ* Божественную Силу, которая, въ сущности, является всѣмъ; придавая словамъ обычный имъ смыслъ, мы должны сказать, что міръ сотворенъ божественнымъ движеніемъ, и что все существующее есть ничто иное, какъ это движеніе.

Что же представляетъ собою то, что мы называемъ *матеріей*? Философы говорятъ, что она не существуетъ, что она—иллюзія и они въ общемъ правы. Я постараюсь это доказать.

Матерія потому иллюзія, что она не то, чѣмъ мы ее считаемъ: желѣзо и дерево совсѣмъ не то, чѣмъ мы ихъ воображаемъ,—они

не болѣе какъ вибраціи, движеніе. Въ этомъ смыслѣ матерія и есть иллюзія; но вибрація есть дѣйствительность, она есть божественное движеніе, измѣняемое по волѣ Бога. Такова точка зрѣнія, на которую становятся философы, когда говорятъ объ иллюзіи матеріи.

Возьмемъ примѣръ. Человѣкъ, держащій въ рукѣ горящую палку, описываетъ въ пространствѣ кругъ. Если его движеніе станетъ настолько быстрымъ, что наша сѣтчатка не будетъ въ состояніи схватить всѣ послѣдовательныя положенія горящаго дерева, тогда для нашихъ несовершенныхъ глазъ это движеніе станетъ непрерывнымъ и мы увидимъ огненный кругъ. Между тѣмъ этотъ кругъ будетъ иллюзія, т. к. въ дѣйствительности это не кругъ, а двигающійся въ пространствѣ горящій конецъ палки.

Другой примѣръ. Начнемъ колебать натянутую веревку. Если ея колебанія будутъ достаточно быстры, такъ чтобы наше зрѣніе не могло уловить всѣ ея остановки въ пространствѣ, веревка представится намъ какъ поверхность, какъ колеблющійся ромбъ; если веревку замѣнить раскаленной проволокой, поверхность представится огненной.

Возьмемъ болѣе конкретный предметъ, возьмемъ кристаллъ. Это плотное геометрическое тѣло ограничено нѣсколькими плоскими поверхностями, опредѣляемыми извѣстными отношеніями къ тѣмъ направленіямъ, которыя называются кристаллографическими осями. Въ дѣйствительности же это—колебательныя движенія частицъ матеріи, расположенныхъ сообразно тѣмъ планамъ, которые для нашихъ чувствъ являются поверхностями кристалла. Эти поверхности—тѣ же иллюзіи, подобныя тѣмъ, о какихъ мы уже говорили по поводу вибрирующей веревки и огненнаго круга. Такъ какъ совокупность вибрацій частицъ, расположенныхъ по тому или другому направленію граней кристалла, настолько быстры, что наше осязаніе не въ состояніи различить ихъ послѣдовательныя движенія, то вмѣсто ряда толчковъ, мы имѣемъ ощущеніе неподвижной силы, противодѣйствующей намъ; это то противодѣйствіе мы и называемъ *поверхностью*. Такимъ образомъ каждый предметъ есть ни что иное какъ цѣлый рядъ колебаній въ дѣйствіи. Иллюзія заключается въ мысли, что существуетъ поверхность, или что поверхность есть нѣчто реальное само по себѣ, нѣчто неподвижное и находящееся въ покоѣ, тогда какъ она есть рядъ такихъ быстрыхъ колебаній, которыя наше несовершенное осязаніе не можетъ различить и которыя становятся для насъ неподвижной силой, плотнымъ препятствіемъ.

Вселенная, въ своей совокупности, представляетъ цѣлую систему чрезвычайно сложныхъ силъ, и когда говорятъ, что Вселенная сотворена *Словомъ*, то представляется картина полная величайшей истины и глубокаго философскаго смысла.

Что такое Слово или Глаголъ (Логосъ)? Звукъ, колебаніе, воля Бога, вызывающая систему вибрацій, созидающихъ вселенную. Лишь Богъ можетъ произвести подобное дѣйствіе.

Система силъ, представляющихъ собой Вселенную, можетъ быть разложена на извѣстное число первичныхъ силъ. Во главѣ этихъ силъ находится та пара „противоположныхъ", о которыхъ я уже говорилъ. Начало Вселенной есть нѣчто неопредѣленное, хотя уже проявленное; его можно назвать безразличной матеріей, такъ какъ мы не имѣемъ слова, вѣрно опредѣляющаго *эту* стадію; хотя въ дѣйствительности эта матерія уже представляетъ собою множественность, тройственная *докосмическая* матерія, проявляющаяся ранѣе той, которая составляетъ—собственно говоря—нашу семиричную вселенную, составленную изъ семи типовъ атомовъ, осуществляющихъ нашъ міръ.

Почему три вверху и семь внизу? На это можно сказать одно, что всѣ философіи и всѣ религіи утверждали одно и тоже, и что силы природы произошли, теоретически по крайней мѣрѣ, такъ: *Одинъ* порождаетъ *три*, три, поляризируя одного, даютъ *семь*.

Направьте свѣтовой лучъ на призму, и вы получите семь различныхъ цвѣтовъ. Свѣтовой лучъ представляетъ Единство (Бога), призма—Троицу, а спектръ есть подобіе семи атомовъ; по утвержденію философовъ для того, чтобы единство, абстрактное, проявилось, стало объективнымъ для чувствъ, необходима двойственность, противоположеніе; а такъ какъ двойственность, предоставленная себѣ, дала бы двѣ теряющіяся въ безконечности линіи, необходима для того, чтобы ихъ ограничить, третья линія, перерѣзающая ихъ и производящая треугольникъ.

Треугольникъ есть первая фигура, проявленная во Вселенной.

Черезъ эту тройственность проявляются семь великихъ силъ, представляемыхъ семью лучами спектра или, скорѣе, аналогичныхъ этому спектру и имѣющихъ каждая въ своемъ корнѣ единый атомъ.

Каждому атому соотвѣтствуетъ свой міръ. Первичный атомъ своими многообразными соединеніями образуетъ шесть вторичныхъ атомовъ, слѣдующихъ за нимъ. Атомы одного и того же міра, соединяясь между собою милліонами различныхъ способовъ,

образуютъ всѣ состоянія матеріи этого міра, и такъ какъ существуетъ семь типовъ атомовъ—которые Вильямъ Круксъ назвалъ бы семью протилами—изъ этого слѣдуетъ, что существуетъ семь состояній матеріи и семь міровъ, если подъ мірами подразумѣвать совокупность различныхъ состояній матеріи, соотвѣтствующихъ особому атомистическому типу.

Это же самое говорятъ намъ и религіи, только другими словами, когда учатъ насъ, что за Богомъ слѣдуютъ Три Лица св. Троицы, а за Троицей—семь первенствующихъ Духовъ.

На вершинѣ или, лучше сказать, въ центрѣ Вселенной находится Единое Божественное Движеніе, и, если мнѣ позволено будетъ взять еще одинъ примѣръ изъ физическаго міра, я постараюсь показать, какъ Совершенное Движеніе или Божественная Сила ограничиваетъ себя, проходя черезъ различные проводники или черезъ различныя состоянія матеріи и проявляя различныя свойства и силы.

Сущность электричества намъ неизвѣстна. Она является передъ нами подъ различными видами иныхъ физическихъ силъ, если мы пропускаемъ ее черезъ различные подходящіе проводники. Электричество есть энергія въ движеніи. Оно даетъ намъ свѣтъ съ помощью пріемника, будь то дуговая или калильная лампа, но само по себѣ электричество не есть свѣтъ. Если мы замѣнимъ лампу гальванопластическимъ аппаратомъ, оно измѣнитъ свое свойство и проявится какъ химическое дѣйствіе. Если же на его пути поставить аппаратъ, могущій проявлять движеніе, электричество станетъ двигателемъ. И наконецъ, если передъ нимъ поставить телефонъ, оно дастъ намъ звукъ. Несмотря на всѣ эти различія, сущность электричества остается всегда одной и той же. Итакъ, я сравниваю электричество съ чистымъ движеніемъ, съ божественной Силой, единой, которая, проходя черезъ различные, оживляемые ею проводники, проявляетъ безчисленное разнообразіе силъ Вселенной; подъ этими проводниками Вселенной слѣдуетъ понимать не только міры, но и всѣ существа, и предметы, и всѣ составы, изъ которыхъ состоятъ эти міры.

Остановимся на важнѣйшихъ изъ силъ Вселенной. Богъ, дѣйствующій въ трехъ первыхъ видахъ матеріи, названной нами безразличной, не вышедшей изъ равновѣсія (первый треугольникъ), проявляетъ три главныя силы, недоступныя нашему познаванію, такъ какъ для этого мы слишкомъ ограничены, но которыя мы познаемъ какъ Волю, Любовь и Разумъ: три Лица Троицы. Послѣдняя превосходитъ насъ всею своей необъятностью, но она

находится и въ насъ, она оживляетъ и образуетъ наше существо, мы чувствуемъ ее въ себѣ въ зачаткѣ. Каждое человѣческое существо обладаетъ этими тремя первичными аспектами: разумомъ, любовью—хотя бы только къ себѣ самому—и волею; чѣмъ далѣе подвинулся человѣкъ по пути эволюціи, тѣмъ значительнѣе его разумъ, воля и любовь.

Когда божественная Сила проявилась въ трехъ аспектахъ *до-космической* матеріи и осуществила то, что мы называемъ Троицей, личнымъ Богомъ, Единымъ, но въ трехъ Лицахъ—тогда Она воздѣйствуетъ на Вселенную, поляризуясь на семь различныхъ энергій, которыя въ каждомъ мірѣ являютъ основную, лишь этому міру свойственную силу.

Мы будемъ говорить объ этихъ силахъ, когда очередь придетъ изслѣдовать человѣка, такъ какъ тогда мы ихъ лучше поймемъ и, кромѣ того, убѣдимся, что тѣ же силы мы можемъ чувствовать и въ себѣ самихъ. Всѣ философіи говорятъ, что человѣкъ есть малая вселенная (микрокозмъ) и поэтому, достигнувъ полнѣйшаго развитія, онъ будетъ обладать свойствами всѣхъ силъ вселенной, тѣхъ силъ, различныя соединенія которыхъ даютъ милліарды различій, видимыхъ нами вокругъ себя.

Какова цѣль Вселенной, этого поразительно сложнаго соединенія силъ и свойствъ матеріи? Вселенная не есть результатъ случайной божественной забавы; она имѣетъ цѣлью сотворить наибольшее число центровъ сознанія, созданныхъ „по образу и подобію Божью", какъ говоритъ Библія, существъ, которыя рождаются, развиваются, ростутъ, усовершенствуются и становятся—не Богомъ,—нельзя достигнуть Безконечнаго,—но подобными Богу. Итакъ, Вселенная ведетъ къ образованію значительнаго числа существъ, которыя развиваются и подвигаются къ божественности: къ всевѣдѣнью, всемогуществу и совершенной мудрости.

* * *

Какимъ способомъ могутъ быть создаваемыя живыя существа?

Проникнуть въ эту тайну трудно, однако, мы должны попытаться, и тогда все остальное развернется передъ нами безъ затрудненія и жизнь освѣтится со всѣхъ своихъ различныхъ сторонъ, раскрывая передъ нами много своихъ тайнъ.

Каждое живое существо есть частица Непостижимой Сущности, заключенная въ оболочку изъ матеріи.

Какъ можетъ она сдѣлаться тѣмъ сознательнымъ существомъ, тѣмъ „я“, сознающимъ все окружающее?

Прежде всего мнѣ предстоитъ сказать—если слова возможны для выраженія этого понятія—какъ происходитъ это внѣдреніе божественной частицы въ проводникъ или, лучше сказать, въ рядъ проводниковъ, которые будутъ служить для нея тѣломъ.

Богъ—Богъ подъ своимъ аспектомъ Творца или третьяго лица Троицы—своимъ Разумомъ творитъ тѣ идеальные типы, которые проявятся въ теченіи міровой эволюціи подъ различными видами—отъ самыхъ величайшихъ до самыхъ микроскопическихъ. Каждый изъ этихъ объектовъ будетъ заключать въ себѣ частицу безконечной Сущности, и эта частица, подъ воздѣйствіемъ вибрацій окружающей среды, разовьется и пріобрѣтетъ мало-по-малу сознаніе своего „я“.

Такимъ образомъ, каждая частица божественной Сущности эволюціонируетъ и становится центромъ сознанія, подъ вліяніемъ бьющихъ на нея вибрацій. Безъ этого центра сознанія не можетъ быть живого существа; но разъ центръ образовался, оно будетъ чувствовать себя отдѣльнымъ отъ всего, что окружаетъ его; это чувство *обособленности* необходимо при рожденіи живого существа; благодаря этому чувству оно въ состояніи сознавать породившія его вибраціи, анализировать ихъ, обсуждать, сличать, находить въ нихъ необходимый элементъ для развитія и итти благодаря этому впередъ по пути эволюціи.

Физическія колебанія вселенной, ударяя по центру сознанія, развиваютъ въ немъ сперва *ощущеніе*, что можно видѣть во всей природѣ. Ощущеніе начинается у минераловъ: у нихъ—химическое сродство не что иное, какъ одинъ изъ видовъ ощущеній, которыя создаютъ сродство и отталкиваніе.

У растеній ощущеніе становится сильнѣе и опредѣленнѣе: мимоза чувствуетъ прикосновенія и складываетъ свои листья; многія породы растеній закрываются при заходѣ солнца.

У животныхъ способность ощущенія увеличивается и обнаруживается тѣмъ яснѣе и сильнѣе, чѣмъ сложнѣе ихъ нервная система.

Въ то время, какъ ощущеніе дѣйствуетъ на центръ сознанія, т. е. на божественную Сущность (монаду), послѣдняя начинаетъ постепенно отличать себя отъ полученныхъ ощущеній, а когда милліарды ощущеній произвели свое воздѣйствіе на нее, въ ней разовьется чувство своего *я* и чувство *не я*. Послѣднее вызывается предметомъ, который вызвалъ въ ней ощущеніе. Сознаніе

начинаетъ анализировать полученное ощущеніе и медленно развивать различные виды разума. Такъ, гармоническія вибраціи оно находитъ пріятными для своего чувствительнаго аппарата, когда же онѣ превышаютъ нормальную гамму вибрацій его тѣла, тогда онѣ отражаются на немъ болѣзненно; кончается тѣмъ, что однѣ вибраціи становятся для него желанными, а другія ненавистными. Позднѣе эти же ощущенія превращаются, благодаря вмѣшательству разума, въ чувство любви и въ чувство ненависти.

Постепенно, сознательное существо начинаетъ анализировать яснѣе и глубже; оно вспоминаетъ и предвидитъ, оно начинаетъ избѣгать нѣкоторыхъ ощущеній и доставлять себѣ другія.

Но работа „я" не останавливается на этомъ. Когда оно изслѣдовало тщательно какую-либо силу природы, оно начинаетъ овладѣвать этой силой.

Такъ зарождается наука; она усваиваетъ проявленія массы силъ, анализируя и понимая ихъ, и чѣмъ глубже ея пониманіе этихъ силъ, тѣмъ полнѣе становится ея господство. Центръ сознанія, дѣлаясь болѣе разумнымъ, становится и болѣе могущественнымъ.

Развитіе сопровождается все большимъ расширеніемъ силы чувствъ; чѣмъ болѣе развито сознательное существо, тѣмъ сложнѣе его чувствующій аппаратъ.

Сознавать можно только то, что оставляетъ впечатлѣніе, поэтому полное понятіе Вселенной требуетъ способности чувствовать *всѣ* вибраціи этой Вселенной. Понадобятся безчисленные вѣка, чтобы пріобрѣсти совершенное познаніе міра. Современный ученый еще далекъ отъ полнаго знанія даже и физическаго міра. Микроскоповъ и телескоповъ уже не достаточно, необходимы болѣе совершенные органы чувствъ.

Когда зрѣніе станетъ совершеннымъ, человѣкъ будетъ ясно видѣть и сквозь плотныя тѣла; ему не нужно будетъ лучей Рентгена, которые, кстати сказать, даютъ только смутные образы. Примѣры такого болѣе совершеннаго зрѣнія проявляются уже у нѣкоторыхъ людей, и тотъ, кто его обнаруживаетъ, есть предвѣстникъ будущаго человѣчества.

Но наше познаніе не должно ограничиваться однимъ только физическимъ міромъ; есть еще міры, которые соотвѣтствуютъ другимъ типамъ атомовъ, инымъ шести „протиламъ", и на этомъ пути эволюція готовитъ намъ много неожиданностей, много новыхъ знаній и способностей.

Когда мы пройдемъ черезъ всѣ міры и пріобрѣтемъ познаніе о всей вселенной и о всѣхъ ея силахъ, мы все же не получимъ всевѣдѣнья: наша вселенная лишь точка, лишь малая частица тѣхъ твореній, которыя Богъ—Всевѣдѣнье можетъ творить, тѣхъ милліоновъ вселенныхъ, которыя Онъ образуетъ, и которыя всѣ различаются одна отъ другой.

Цѣль проявленной матеріи—пробудить и воспитать центры сознанія; когда они пробудились, и когда развивающіяся существа сознали свое *я*, тогда послѣднія становятся *безсмертными*.

Эти центры сознанія, достигая послѣдовательнаго познанія всѣхъ силъ своей вселенной, пріобрѣтаютъ всевѣдѣнье и всемогущество въ предѣлахъ этой вселенной.

* * *

Но не будемъ забывать, что сознаніе своего я называется „иллюзіей обособленія".

Центръ сознанія въ своемъ несовершенствѣ начинаетъ чувствовать себя отдѣленнымъ отъ другихъ существъ. Въ своей первой стадіи онъ—тотъ зарождающійся несовершенный разумъ, который раздѣляетъ, анализируетъ, разсѣкаетъ все, что ему подвластно. Но онъ растетъ и позднѣе начинаетъ охватывать всю сумму предметовъ и сопоставлять ихъ сходныя черты: онъ распредѣляетъ предметы уже не по различію ихъ, но по ихъ сходству; такъ увеличиваясь, разумъ становится синтетическимъ, доходитъ до сознанія единства и до понятія, что всѣ проявленныя существа по своей божественной сущности—частицы Высшаго Существа, и что ничѣмъ инымъ, какъ частью этого Единаго и Безконечнаго Существа они и быть не могутъ; и все, что существуетъ, не смотря на кажущееся раздѣленіе, составляетъ проявленіе въ различныхъ аспектахъ одного и того же Неизмѣннаго Единства.

По мѣрѣ того, какъ эволюція двигается впередъ, центръ сознанія развивается все сильнѣе и, если можно такъ выразиться, радіусъ его удлиняется; посредствомъ особаго чувства, которое такъ же сильно, какъ и необъяснимо, онъ постигаетъ, что онъ не что иное, какъ жизнь другихъ существъ и что жизнь другихъ существъ — его жизнь. Ранѣе онъ только *сознавалъ* единство, теперь онъ *чувствуетъ* истинное братство всѣхъ существъ. Еще позднѣе, развиваясь въ этомъ новомъ направленіи, онъ начинаетъ не только понимать свое единство со всѣми существами, но и открываетъ великую тайну: онъ узнаетъ, что онъ — не что иное,

какъ центръ въ Великомъ Центрѣ, въ Богѣ, въ верховномъ Единствѣ. Съ этихъ поръ иллюзія отдѣльнаго „я“, которая была для него полезна и даже необходима, побѣждена навсегда; она является во всей своей иллюзорности, но созданная ею богоподобная индивидуальность—живетъ въ Богѣ, какъ отдѣльное „я“, благодаря непрерывной нити памяти прошлаго, оставленной этимъ „я“ позади, нити, которая отождествляетъ его на всемъ протяженіи пройденной эволюціи.

Такимъ образомъ совершается Великое Странствіе человѣческой души и осуществляется Божественное Творчество.

* * *

Но вотъ центръ сознанія приблизился къ цѣли своей эволюціи; мы не будемъ заниматься тѣми вершинами, которыя его еще ожидаютъ въ высотахъ безпредѣльнаго неба; онъ есть „асимптота“ *), постоянно приближающаяся къ Богу, постоянно обожествляющаяся, но не могущая исполнить Безконечное.

Эта необозримая эволюція имѣетъ свой вѣнецъ; мы видимъ длинный рядъ ступеней эволюціи, начиная отъ самыхъ простыхъ существъ до самыхъ сложныхъ; здѣсь встрѣчаются всѣ царства, расположенныя одно надъ другимъ и связанныя между собою безконечнымъ развитіемъ и передачей пріобрѣтенныхъ свойствъ.

Взгляните на человѣчество: оно развертываетъ кольца своей спирали отъ дикаря до великихъ святыхъ и до великихъ мудрецовъ! Съ другой стороны, каждый индивидуальный циклъ эволюціи проявляетъ только частицу прогресса. Даже и человѣкъ, способный, благодаря воздѣйствію разума и воли, къ быстрому движенію по пути эволюціи,—въ состояніи совершить весьма немногое въ теченіе одной жизни. Какимъ же образомъ могъ онъ изъ дикаго состоянія подняться къ состоянію культурному? Изъ дикаря стать святымъ, стать мудрецомъ?

Это приводитъ къ необходимости вывести изъ закона эволюціи законъ многочисленныхъ существованій человѣческой души, при чемъ ею сохраняются навсегда всѣ свойства, пріобрѣтенныя во время всѣхъ ея воплощеній на землѣ. Теряя свое физическое тѣло, человѣкъ сохраняетъ всѣ результаты своихъ переживаній; возвращаясь снова къ земному существованію, онъ все это приноситъ съ собой; безъ этого прогрессъ былъ бы немыслимъ.

---

*) Несходящаяся линія.

Итакъ, прогрессъ требуетъ перевоплощенія. Перевоплощеніе—первый выводъ изъ закона эволюціи; но есть и другіе, къ которымъ мы и перейдемъ:

Кто совершаетъ эволюцію? И каковы ея дѣйствующія силы?

Богъ—Творецъ создаетъ цѣлую іерархію формъ, чтобы центръ сознанія для своего индивидуальнаго „я" могъ пройти черезъ цѣлую серію все болѣе усложняющихся проводниковъ, начавъ свой опытъ съ азбуки, и поднимаясь до самыхъ сложныхъ представленій.

Въ началѣ центръ сознанія можетъ воспринимать лишь самыя простыя—употребляя языкъ математиковъ—вибраціи, такія, которыя достигаютъ до него при посредствѣ органовъ чувствъ. Болѣе сложныя первоначальныя вибраціи, соотвѣтствующія сложнымъ организаціямъ, могутъ быть восприняты имъ много позднѣе, послѣ того, какъ болѣе простыя будутъ вполнѣ усвоены многочисленнымъ опытомъ, точно такъ же, какъ пониманію высшей математики должно предшествовать полное усвоеніе математики элементарной. Этимъ объясняется постепенность формъ въ природѣ.

* * *

Начавшіе свою эволюцію ранѣе насъ и, слѣдовательно, опередившіе насъ, являются нашими помощниками. И не потому, чтобы Богъ не могъ одинъ совершить всю эволюцію, но потому, что сознательное существо должно рости и для этого оно нуждается въ упражненіи своихъ способностей; чтобы стать божественнымъ надо дѣйствовать божественно. Когда человѣкъ достигаетъ состоянія, которое можно бы назвать сверхчеловѣческимъ, онъ становится безконечно лучше, чѣмъ современное ему человѣчество, и начинаетъ желать только одного: помогать и отдавать себя; и даже въ наше время постоянной борьбы, лучшіе изъ людей считаютъ помощь своимъ братьямъ—людямъ истинной цѣлью своей жизни.

Поэтому совершенно естественно, что Старшіе нашей расы дѣятельно помогаютъ всѣмъ живымъ существамъ, хотя Богъ и не нуждается въ ихъ помощи; они помогаютъ, движимые своимъ сердцемъ, которое охватываетъ все живое, все, что нуждается въ помощи, и дѣйствуя такъ, они участвуютъ въ божественномъ Творчествѣ и становятся въ свою очередь богоподобными.

* * *

Тѣ живыя существа, которыя не пріобрѣли своего „я", т. е. индивидуальнаго разума,—участвуютъ въ эволюціи безсознательно,

побуждаемыя инстинктомъ, который есть ни что иное, какъ воля Бога, проявляющаяся въ низшей природѣ: но когда они достигаютъ ступени разума, они начинаютъ развивать индивидуальную волю и участвовать въ эволюціи болѣе или менѣе сознательнымъ образомъ.

Когда разумное существо начинаетъ понимать и желать, его свободная воля вліяетъ на его рѣшенія, и когда оно ищетъ въ какомъ-либо дѣйствіи удовольствія или удовлетворенія, на него падаетъ отвѣтственность, степень которой измѣняется сообразно развитію его разума и воли.

Когда человѣкъ дѣйствуетъ въ направленіи эволюціонныхъ силъ,—онъ какъ бы плыветъ по теченію, выполненный законъ помогаетъ ему и онъ получаетъ удовлетвореніе физическое и моральное; когда же онъ идетъ противъ этихъ силъ, онъ испытываетъ затрудненіе какъ пловецъ, желающій плыть противъ теченія: въ результатѣ получается утомленіе и страданіе. Страданіе—великій воспитатель, оно голосъ Бога, голосъ природы, предостерегающій насъ, когда мы поступаемъ противъ закона, и указывающій намъ, гдѣ добро и гдѣ зло. Добро заключается въ томъ, чтобы согласовать свою жизнь съ закономъ, идти по пути, начертанному Богомъ; зло заключается въ борьбѣ противъ божественнаго Закона.

* * *

Всякое дѣйствіе имѣетъ два послѣдствія: вліяніе на внѣшній міръ и вліяніе на того, кто совершалъ это дѣйствіе. Такимъ образомъ мысль человѣка дѣйствуетъ и внѣ его, и внутри; если она хорошая—послѣдствія ея благодѣтельны какъ для окружающей среды, такъ и для самого человѣка; если же она дурная,—вліяніе ея вредно какъ для него самого, такъ и для среды. Необходимо отмѣтить и то внутреннее измѣненіе, которое происходитъ при этомъ въ человѣкѣ; оно—непосредственное, такъ какъ человѣкъ приспособляетъ свои проводники или для выраженія добра, или для выраженія зла; это и есть главнѣйшій способъ, посредствомъ котораго человѣкъ собираетъ плоды своихъ дѣйствій.

* * *

Перейдемъ къ закону *Справедливости*. Человѣкъ не можетъ собрать болѣе того, что онъ посѣялъ; точно также онъ не можетъ собрать болѣе зла, чѣмъ онъ сдѣлалъ; поэтому нельзя допустить,

чтобы добродѣтельная жизнь могла дать *вѣчный рай*, а грѣховная жизнь—*вѣчный адъ*.

Слова: рай и адъ выражаютъ дѣйствительное состояніе, они выражаютъ ту среду, гдѣ человѣкъ получаетъ то, что называютъ наградой и наказаніемъ. Я сказалъ: „*что называютъ* наградой и наказаніемъ", ибо для Бога нѣтъ ни награды, ни наказанія. Онъ не можетъ ни ненавидѣть (наказывать), ни быть довольнымъ (награждать) въ томъ смыслѣ, какой невѣжественное человѣчество придаетъ этимъ словамъ.

Люди уже переросли эти мысли, и онѣ могутъ служить пугаломъ лишь для очень молодыхъ душъ. Награда создается тѣми дѣйствіями самого человѣка, которыя, гармонируя съ Божественнымъ Закономъ, полезны въ одно и то же время и для другихъ, и для тѣхъ, кто ихъ производитъ, ибо они ускоряютъ эволюцію какъ своего творца, такъ и всѣхъ другихъ. Наказаніе вызывается созданіемъ такихъ силъ, которыя, нарушая божественный законъ, задерживаютъ эволюцію своего творца и отзываются вредно и на общей эволюціи.

Но Богъ не наказываетъ и не награждаетъ въ томъ смыслѣ, какой мы придаемъ этимъ словамъ, ибо его твореніе—человѣкъ—еще слишкомъ невѣжественно для того, чтобы заслуживать наказаніе. Богъ есть совершенная справедливость и любовь.

Нужно помнить, что во Вселенной существуетъ не одна справедливость, но и любовь, любовь Бога къ своему творенію,—то, что называется Провидѣніемъ.

Провидѣніе не есть то капризное нѣчто, которое изображается то награждающимъ, то наказывающимъ человѣка, смотря по тому, какъ онъ вѣритъ и какую исполняетъ религію. Богъ не можетъ проявлять предпочтеній, Онъ—Отецъ всего сущаго; всѣ пути ведутъ къ Нему, и тѣ, которые воображаютъ, что ихъ путь—единственный ведущій къ Богу, обнаруживаютъ глубокое невѣжество.

Провидѣніе есть Богъ, воплотившійся во всей Вселенной, какъ въ величайшихъ мірахъ, такъ и въ мельчайшихъ атомахъ. Богъ все сохраняющій и все направляющій неустанно; Богъ, препятствующій тому, чтобы наше бремя не было чрезмѣрно тяжкимъ и не раздавило бы насъ; Богъ, поставившій незыблемый законъ справедливости надъ міровой жизнью. И если бы не было такъ, Онъ не былъ ни могущественнымъ, ни добрымъ, ни справедливымъ, Онъ не былъ бы Богомъ.

Справедливость должна царить вездѣ, объ этомъ намъ сердце возвѣщаетъ раньше, чѣмъ то же самое докажетъ разумъ.

* * *

Таковы нѣсколько мыслей, которыя я стремился передать вамъ—въ самой общей и краткой формѣ; иначе это было невозможно, такъ какъ каждая изъ нихъ сама по себѣ должна бы составить предметъ особой лекціи. Вкратцѣ эти мысли можно формулировать такъ:

Вселенная есть проявленіе Божественной любви.

Законы Вселенной являютъ эту любовь въ дѣйствіи.

Всѣ живыя существа суть частицы Вселенской Сущности, вѣтви космическаго дерева, и связываетъ ихъ одна и та же жизнь; вѣтви, воображающія, что могутъ жить своею особой жизнью, и отпадающія отъ дерева,—высыхаютъ и погибаютъ. Солидарность необходима, и никто не можетъ избѣжать ее.

Прогрессъ достигается личнымъ усиліемъ и свободой.

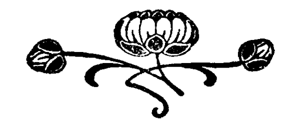
Мы пожинаемъ то, что посѣяли.

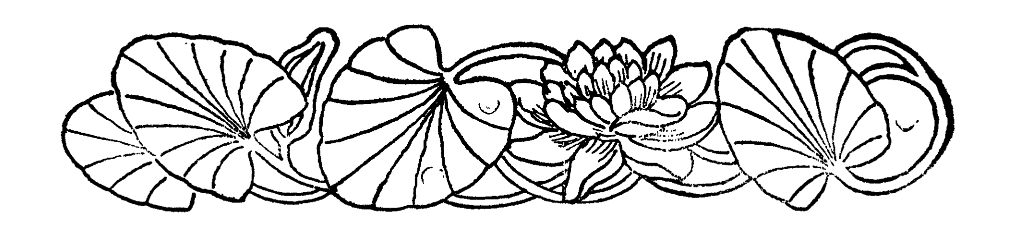
Іерархія живыхъ существъ образуется различными ступенями эволюціи, до которыхъ существа эти достигли; опередившія остальныхъ являются старшими, отставшія отъ нихъ—младшими; какъ мы не должны завидовать нашимъ старшимъ, такъ и они не должны презирать своихъ младшихъ: всѣ мы происходимъ отъ одного корня, идемъ по одному и тому же пути и достигаемъ одной и той же цѣли.

Богъ заботится о томъ, чтобы ни одна несправедливость не произошла во вселенной, чтобы ни одно существо не было задавлено бременемъ, которое оно несетъ, проходя по долинѣ необходимыхъ испытаній.

Пер. **А. Гралевская.**

(Продолженіе слѣдуетъ).





Елена Петровна Блаватская.

Краткій біографическій очеркъ Н. Желиховской.

*(Продолженіе *)*

Въ началѣ 1884 года было рѣшено, что основатели Теософическаго Общества поѣдутъ этимъ лѣтомъ въ Европу. Полковникъ долженъ былъ выяснить какой-то вопросъ, касавшійся цейлонскихъ буддистовъ, въ министерствѣ колоній; онъ думалъ было ѣхать одинъ, но доктора посовѣтовали временную перемѣну климата и морское путешествіе Еленѣ Петровнѣ, а потому было рѣшено, что она съ нимъ отправится въ южную Европу. Она, вѣроятно, докторовъ бы не послушалась, но крѣпко захотѣлось ей повидаться со своими близкими. Тетокъ своихъ, сестеръ матери, она не видала съ семьдесятъ четвертаго года, меня же болѣе двадцати лѣтъ. Она мнѣ писала въ Одессу: „Если бы не надежда съ вами свидѣться, я бы не тронулась съ мѣста... Не все ли равно, гдѣ умирать?... Здѣсь даже лучше: у меня въ саду костеръ сандальнаго дерева стоитъ готовый для сожженія моего поношеннаго, расползающагося грѣшнаго тѣла, спасибо одинъ добрый Раджа не поскупился дорогой матеріалъ для моего âuto-da-fe преподнести мнѣ въ презентъ! А въ Европѣ пожалуй и сжечь своихъ жировъ мнѣ послѣ смерти не позволятъ?... Но ужь такъ и быть—рискну! Вѣдь наши каждое лѣто за границу ѣздятъ?... Ужь такъ бы хотѣлось хоть разъ еще въ жизни свидѣться съ тобой, съ Надеждой Андреевной. **) То-то бы радость была!..“

Отъѣздъ ихъ изъ Индіи былъ назначенъ въ концѣ января. Зная это, мы съ декабря перестали ей писать, такъ какъ письма

---

*) Вѣстникъ Теософіи 1910 г., № 5—6.

**) Надежда Андреевна Ѳаддѣева—меньшая сестра матери нашей, тетка, съ которой Елена Петровна съ дѣтства была особенно дружна.

въ Мадрасъ шли отъ трехъ до четырехъ недѣль. Въ это самое время дядя нашъ, Р. А. Ѳаддѣевъ, болѣлъ своею предсмертною болѣзнью. 29 декабря (1883 года) онъ скончался, а во второй половинѣ января мы получили отъ Е. П. Блаватской отчаянное письмо, которымъ она просила подробностей о смерти его, говоря, что она видѣла его при переѣздѣ изъ Мадраса въ Бомбей, на пути въ Европу. Этотъ фактъ меня не особенно удивилъ, такъ какъ былъ не первымъ. *) Елена Петровна часто насъ предупреждала о смерти людей, жившихъ съ нами въ Россіи, изъ-за большихъ разстояній. Послѣдній такого рода фактъ случился лѣтомъ 1886 года, кода, живя въ Петергофѣ, мы получили отъ нея письмо изъ Остенде, гдѣ она извѣщала насъ о кончинѣ А. М. Бутлерова, ранѣе чѣмъ это извѣстіе появилось въ нашихъ газетахъ. Елена Петровна очень любила профессора Бутлерова и была съ нимъ въ постоянной перепискѣ. Она писала:

„Пожалуйста соберите все, что появится въ русскихъ газетахъ о смерти А. М. Бутлерова. Онъ умеръ, я знаю: я его видѣла, но хотѣла бы знать подробности о болѣзни его и смерти“.

Я тогда недоумѣвала, „съ чего ей вздумалось похоронить Александра Михайловича?!“ никакъ не предполагая, что въ тотъ же день, открывъ газету, на первомъ же столбцѣ увижу объ этомъ объявленіе.

7 февраля основатели Теософическаго Общества оставили Бомбей и въ началѣ марта высадились въ Марсели, гдѣ ихъ уже встрѣтили депутаціи англійскихъ и французскихъ членовъ ихъ братства и цѣлые вороха писемъ и телеграммъ, на расхватъ умолявшихъ Елену Петровну пріѣхать гостить въ Парижъ, въ Ниццу, въ Италію и въ Англію, пока президентъ Общества будетъ занятъ въ Лондонѣ. Туда она въ началѣ ни за что не хотѣла ѣхать. На морѣ она себя лучше чувствовала, а высадившись оказалась совсѣмъ больною и приняла ближайшее приглашеніе—въ Ниццу, къ леди Кэтнессъ, герцогинѣ де-Помаръ, представительницѣ парижской вѣтви Société Théosophique d'Orient et d' Occident. Она рада была отдаться въ распоряженіе автора *Изиды*, основательницы движенія, предъ которой восторженно преклонялась, и дѣй-

*) Цѣлый рядъ такихъ явленій изъ загробнаго міра Е. П. Блаватская видала въ моемъ деревенскомъ домѣ, когда возвратилась въ шестидесятомъ году, послѣ десятилѣтняго отсутствія. Она описывала разныхъ лицъ, жившихъ когда-либо въ этомъ, вновь купленномъ мною имѣніи, и старые дворовые люди узнавали ихъ по описаніямъ нашимъ. Все это и многое другое въ такомъ родѣ мною описано въ брошюрѣ *Правда о Е. П. Блаватской,* журналъ *Ребусъ* конца 1883 года.

ствительно дѣлала все, что было возможно для спокойствія и удовольствія Елены Петровны. Въ Ниццѣ оказалось, разумѣется, нѣсколько русскихъ дамъ, изъ которыхъ двѣ-три прежде были знакомы съ Блаватской, знали ее еще какъ M-lle Hahn и теперь восторженно съ нею носились. Полковнику Олькоту удалось излѣчить одну или двухъ изъ этихъ россійскихъ дамъ: одну отъ глухоты, другую отъ ревматизма магнетическими пассами. Это еще болѣе прибавило имъ престижа и популярности... Парижскія газеты заговорили о нихъ гораздо ранѣе, чѣмъ было рѣшено, что они туда переѣдутъ.

Но Е. П. Блаватская только и думала о свиданіи со своими и въ виду этого, усиленно упрашивая насъ пріѣхать, не хотѣла принимать никакихъ приглашеній, а наняла въ Парижѣ помѣщеніе въ пять комнатъ, куда въ началѣ мая я съ Н. А. Ѳаддѣевой пріѣхали и прожили съ ней шесть недѣль.

Звуковые и другіе феномены, *) происходившіе въ это время, были мною описаны,по просьбѣ одесскихъ редакцій, въ *Новороссійскомъ Телеграфѣ* и въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* (іюнь и іюль 1884 года). Повторять ихъ не стану, но остановлюсь нѣсколько на пестромъ обществѣ, вѣчно окружавшемъ насъ въ маленькомъ домикѣ улицы Notre Dame des Champs, 46.

Подъ однимъ кровомъ съ нами жили, кромѣ Елены Петровны и полковника Олькота (когда онъ возвращался изъ постоянныхъ поѣздокъ), представитель американскихъ теософовъ, Mr. William Q. Judge, прилетѣвшій изъ Нью-Іорка для свиданія со своими друзьями и для соглашенія по нѣкоторымъ теософическимъ вопросамъ. Нѣкто Mr. Bertram Keightley, юный лондонецъ, впослѣдствіи одинъ изъ секретарей Елены Петровны и преданнѣйшій ученикъ ея и другъ. Наконецъ, двое индусовъ, молодой браманъ Могини-Чаттерджи, смутившій своими газельими бархатно-черными глазами не одно сердце молодыхъ парижанокъ и даже англичанокъ за время своего пребыванія въ Европѣ, и Бабула, слуга Елены Петровны, преданный, услужливый, вмѣстѣ съ тѣмъ веселый и большой юмористъ, говорившій по англійски и по французски и очень гордившійся необычайнымъ эффектомъ, который производили его тюрбаны изъ розоваго газа или глазета, когда онъ прохаживался по Парижу.

Посѣтителей бывала ежедневно масса. Елена Петровна успѣвала заниматься лишь раннимъ утромъ отъ 6 часовъ утра до

*) Между прочимъ и только-что разсказанный,—съ письмомъ.

полуденнаго завтрака, а день весь проходилъ въ пріемахъ и суетѣ. Общество осаждало ее разнообразное, но все изъ интеллигентныхъ классовъ. Нѣсколько французовъ-легитимистовъ и имперіалистовъ льнули къ ней почему-то въ то время; многіе ученые, доктора, профессора, психіатры, магнетизеры, пріѣзжіе со всѣхъ сторонъ свѣта и мѣстные. Доктора Шарко тогда въ Парижѣ не было, но Рише и Комбре, его помощники, были своими людьми. Фламмаріонъ бывалъ очень часто; Леймари—издатель Revue spirite; старичекъ магнетизеръ Эветъ, другъ барона Дю-Поте, постоянно конкуррировалъ съ Олькотомъ въ излѣченіяхъ присутствовавшихъ больныхъ. Русскихъ бывало множество мужчинъ и дамъ, и все это усиленно напрашивалось въ дружбу и въ послѣдователи ученія.

Въ квартирѣ Елены Петровны собственно происходили, за малостью ея, лишь дѣловыя засѣданія лицъ, непосредственно причастныхъ дѣлу; открытыя же собранія, ради пропаганды, происходили больше у герцогини де-Помаръ, у графа и графини де-Барро и у другихъ Парижанъ, осѣдлыхъ, если можно такъ выразиться. Графъ и графиня d'Adhèmar пріѣзжали очень часто изъ своего имѣнія возлѣ Enghien; и мы ѣздили къ нимъ и провели двое сутокъ въ ихъ прелестной виллѣ, гдѣ все еще было полно дивованія по поводу *чудесъ*, происходившихъ во время двухнедѣльнаго здѣсь пребыванія сестры, ранѣе нашего пріѣзда...

Послѣ отъѣзда нашего изъ Парижа въ концѣ іюня Елена Петровна, склонившись на неотступныя мольбы лондонскихъ теософовъ, поѣхала въ Англію, гдѣ и пробыла до начала августа. Объ ея прибытіи прошелъ скоро. слухъ, и тамъ она была осаждаема посѣтителями, поклонниками и просто любопытными еще болѣе чѣмъ въ Парижѣ, хотя жившіе съ нею свидѣтельствуютъ, что всѣ старанія ея были обращены на устраненіе утреннихъ посѣщеній ради дѣла. Она работала отъ ранняго утра до вечера надъ *Тайною Доктриной*, выходя изъ своей комнаты лишь къ семи часамъ и послѣ обѣда уже отдавала себя на растерзаніе посѣтителей.

„Хотя ее осаждали сильно члены психологическаго общества и другіе охотники собственно до феноменовъ, но они составляли лишь часть постоянно окружавшей насъ толпы“,—пишетъ хозяйка дома, гдѣ она гостила, мистриссъ Арёндэль. Многіе серьезные люди, занятые глубокими соображеніями и изученіемъ философіи, приходили поучаться день за днемъ, привлеченные силой ума, ясностью изложеній ея по всѣмъ вопросамъ, съ которыми къ ней

обращались". Кто изъ друзей и учениковъ Е. П. Блаватской не помнитъ ея оригинальной, высокой, крупной фигуры, съ дѣтски добродушнымъ, юмористически или ласково улыбающимся лицомъ; одѣтую въ широкія складки своихъ вѣчныхъ хламидъ, не смѣняемыхъ ни ради самаго избраннаго общества, погруженную въ спокойное кресло, со своей непремѣнной табачной корзинкой возлѣ нея на столѣ и съ постоянной сигареткой, которыя она и себѣ и гостямъ своимъ любила сама скручивать?.. Такою единодушно описываютъ ее всѣ, ее знавшіе; такою поминаетъ ее и мистриссъ Арёндэль, повѣствуя о времени, когда Блаватская у нихъ гостила. Съ нею былъ слуга ея, Бабула, возведенный ею изъ паріевъ въ члены Теософическаго Общества. Онъ, обыкновенно, одѣтый въ національное платье и тюрбанъ, торжественно вносилъ и ставилъ на столъ *русскій самоваръ*. Чашки чая ходили вокругъ стола, а во главѣ его, окруженная сѣдовласыми профессорами изъ Кэмбриджа и Оксфорда, писателями, докторами, духовными лицами, путешественниками, мужчинами и женщинами, собравшимися со всѣхъ концовъ свѣта, чтобы видѣть ее и слышать ея рѣчи, сидѣла Елена Петровна, спокойно покуривая, и, будто шутя, отвѣчая на глубокіе ученые вопросы о законахъ, управляющихъ матеріей, о теоріяхъ космогоніи и происхожденія человѣчества.

— Въ тѣ дни № 77 Эльгинъ-Крессента (домъ г-жи Арёндель) былъ не таковъ, какъ бывалъ прежде, и никогда болѣе такимъ не бывать ему!—горестно восклицаетъ она *).

Въ теченіе этого лѣта, во время пребыванія основателей Теософическаго Общества въ Европѣ, какъ ранѣе было сказано, разыгрался въ Адіарѣ заговоръ, который до того измучилъ своими послѣдствіями Елену Петровну, что она вновь заболѣла такъ тяжело, что едва не умерла. „И умерла бы *непремѣнно,* если бы выздоровленіе ея зависѣло отъ обыкновенныхъ докторовъ и лѣкарствъ!" говорятъ единогласно всѣ, окружавшіе ее въ то время. „Но *тогда,* не окончивъ своей миссіи, не написавъ еще *Тайной Токтрины*, ей умереть было *нельзя*! Она была задержана въ отказавшемся служить тѣлѣ... Въ немъ жизнь поддерживалась волей, мощью ея необычайнаго духа, возбуждавшагося энергіей *учителей*, вливавшихъ въ нее силы своего магнетизма каждый разъ, когда являлась опасность".

Такъ загадочно пишутъ и говорятъ теософы... Но факты таковы, что она не знала покоя отъ физическихъ и нравственныхъ

---

* *Lucifer,* July 1891.

страданій, вліявшихъ на нее такъ разрушительно, что одно время она рѣшила отказаться отъ дѣятельности оффиціальной, отъ своего званія Corresponding Secretary, котораго формально держалась, будучи на дѣлѣ *всѣмъ* въ своемъ обществѣ: его душой, головой и правою рукой.

Взбрело ей на умъ, что оно будетъ благополучнѣе процвѣтать если она, „ненавидимая *лично* множествомъ враговъ, посрамляемая навѣтами Психическаго Общества, навлекающая на него напраслины и подозрѣнія,—уйдетъ!..“ Она серьезно писала о томъ своимъ близкимъ; извѣстила почти оффиціально о своемъ намѣреніи Олькота и Джеджа, увѣряя ихъ, что своимъ уходомъ она, предоставивъ дѣятельную власть имъ однимъ,—спасетъ ихъ общее дѣло.

„Позвольте мнѣ избавить васъ отъ моей безпокойной, разрушающейся, навлекающей на васъ одни нареканія и бѣды особы, писала она имъ.—Удалившись отъ дѣятельной службы Обществу, я лучшую услугу ему сослужу: займусь *Доктриной* и скорѣе ее окончу!..“

Однако ее до этого не допустили: все теософическое братство, какъ одинъ человѣкъ, возстало противъ ея замысла и не позволило ей его исполнить.

Въ началѣ ноября они отправились обратно въ Индію черезъ Суэзскій каналъ. Съ Еленой Петровной поѣхали друзья ее, мистеръ и мистриссъ Куперъ-Оклей. Проѣздомъ они побывали въ Египтѣ. Спутники ея, описывая пребываніе ихъ въ Каирѣ, удивляются ея глубокимъ и подробнымъ знаніямъ мѣстностей и связанныхъ съ ними историческихъ преданій.

„Извѣстный египтологъ Масперо провелъ съ нами цѣлый день въ Булакскомъ музеѣ; онъ былъ пораженъ ея знаніями! разсказываетъ мистриссъ Куперъ-Оклей. Съ величайшимъ интересомъ слушалъ онъ ея эзотерическія объясненія значенія сказаній о короляхъ, мимо изображеній которыхъ мы проходили, ея указанія различныхъ степеней ихъ посвященія въ таинства религіи Озириса и Изиды...“

Когда они высадились, сначала въ Коломбо, а потомъ въ Мадрасѣ, восторженныя встрѣчи и привѣты мѣстныхъ жителей вознаградили ее за незаслуженныя оскорбленія Европейцевъ. На Цейлонѣ они пробыли два дня. Тамъ ихъ встрѣтилъ президентъ Общества съ нѣкоторыми мѣстными представителями вѣтвей и и съ первосвященникомъ Сумангалой во главѣ. Они посѣтили

храмы и нѣсколько интересныхъ мѣстъ въ Коломбо, потомъ направились далѣе...

На Мадрасскомъ берегу туземцы всѣхъ классовъ, студенты и сѣдобородые раджи, устроили Е. П. Блаватской такую овацію, что всѣ ихъ спутники и городскія власти были поражены. Начать съ того, что завидѣвъ пароходъ, нѣсколько лодокъ съ музыкантами отплыли на встрѣчу имъ и такимъ образомъ, при громѣ духового оркестра и восторженныхъ крикахъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, Елену Петровну усадили на разукрашенныя цвѣтами носилки и на рукахъ снесли съ палубы на пристань; откуда „окруженную радостными темными лицами, улыбавшимися ей, тѣснившимися со всѣхъ сторонъ, чтобы поймать ея взглядъ, пожать ей руку“, ее принесли въ какой-то „Pacheappah's Hall“, разсказываетъ ея спутница, *) (вѣроятно гостинницу), гдѣ тоже все было разукрашено цвѣтами...

Тамъ ихъ буквально окутали гирляндами розъ, опрыскали духами и розовой водой; а студенты мадрасской коллегіи преподнесли Е. П. Блаватской адресъ, за подписью болѣе 800 человѣкъ **). Въ немъ они привѣтствовали возвращеніе ея изъ Европы, свидѣтельствуя „свое безсиліе передать въ достаточно краснорѣчивыхъ словахъ сознаніе громадности своего долга ей, безконечной, сердечной благодарности“, за труды ея для возрожденія Индіи, для ознакомленія Запада съ ея философіей и классическою литературой.

Послѣ торжественнаго чтенія адреса ихъ проводили и усадили въ открытую коляску, присланную однимъ раджой, членомъ Теософическаго общества, и доставили въ Адіаръ, гдѣ опять ожидала ихъ торжественная встрѣча многочисленныхъ представителей различныхъ вѣтвей Теософическаго Общества, уже начавшихъ съѣзжаться туда со всѣхъ странъ свѣта на обычную ежегодную конвенцію.

Здѣсь вскорѣ объяснилось дерзкое коварство, жертвой котораго сдѣлалась добрая слава Е. П. Блаватской и столько потерпѣло ея здоровье.

Едва она вошла въ свои комнаты верхняго этажа, гдѣ за долгое свое отсутствіе позволила жить экономкѣ Куломбъ, мужу

---

*) *Lucifer* 1891.

**) Подлинникъ этого восторженнаго адреса хранится въ библіотекѣ Адіара, подписанный 320 студентамм Мадрасской *Христіанской Коллегіи* и 474 воспитанниками другихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Индіи. Копіи разосланы всѣмъ теософическимъ центрамъ.

которой поручила, въ то же время, сдѣлать нѣкоторыя поправки и деревянныя работы въ своей спальнѣ и рабочемъ кабинетѣ, такъ какъ онъ былъ столяръ по ремеслу, какъ въ изумленіи начала призывать всѣхъ посмотрѣть, что за удивительныя сооруженія надѣланы имъ. Въ кабинетѣ оказались *потайныя двери* въ спальню, о которыхъ она никогда не помышляла; а въ стѣнномъ шкафу *двойное дно на шалнерахъ*, но такъ грубо и неловко устроенное, что сейчасъ бросалось въ глаза каждому. Оказалось, впрочемъ, что работы еще не были кончены и ни шалнеры, ни раздвижныя двери не дѣйствовали и дѣйствовать въ такомъ видѣ не могли бы...

Разумѣется послѣдствіемъ всѣхъ этихъ волненій была новая сильная болѣзнь Елены Петровны. Три недѣли она боролась съ одолѣвавшимъ ее недугомъ и наконецъ слегла, въ состояніи полнаго безсилія. Сердце еле билось, болѣзненные припадки учащались каждый разъ, оставляя ее въ болѣе и болѣе безнадежномъ состояніи... Наконецъ, мадрасскіе доктора объявили, что надежды нѣтъ никакой, что вопросъ въ нѣсколькихъ днявъ страданій.

Но мистриссъ Оклей пишетъ, что почему-то не могла этому вѣрить! Полковника Олькота не было въ Адіарѣ; онъ долженъ былъ выѣхать вскорѣ по возвращеніи изъ Европы въ Бурму и ничего не зналъ объ опасности, въ которой была Е. П. Блаватская, при которой единственнымъ отвѣтственнымъ лицомъ оставалась эта дама.

„Ужасно тоскливы были дни и въ особенности ночи, которыя мнѣ одной пришлось проводить подлѣ больной, но таково было ея успокоительное вліяніе даже въ болѣзни, что я ни мало не боялась, увѣренная, что хотя она лежитъ недвижима, но что опасности нѣтъ. Даже въ послѣднюю ночь, когда докторъ заявилъ, что она болѣе въ себя не придетъ; когда она уже нѣсколько часовъ была въ полномъ безпамятствѣ и я, говоря по-человѣчески, должна была сознавать, что все кончено, я не переставала надѣяться!.. Никогда не забуду этой ночи, но *не могу* входить въ подробности... Одно скажу: въ восемь часовъ утра „Н. Р. В.“ открыла глаза и совершенно спокойно, голосомъ, котораго мы много дней у нея не слышали, попросила позавтракать... Когда пріѣхалъ докторъ, я вышла ему навстрѣчу: изумленіе его было велико!.. „Н. Р. В.“ встрѣтила его словами: „Ахъ! докторъ, вы не вѣрите нашимъ великимъ учителямъ!..“ Съ этого дня она стала быстро оправляться, а врачи (отмѣнивъ смертный приговоръ) начали усиленно посылать ее въ Европу... Но я за ней ужъ не

могла тотчасъ ѣхать; всѣ эти волненія осилили меня, я сама съ ногъ свалилась!"

Мр-съ Куперъ Оклей кончаетъ свой разсказъ, какъ оканчиваются всѣ статьи, писанныя объ Еленѣ Петровнѣ послѣ смерти ея, хвалебнымъ ей словомъ; поминая ея доброту къ самымъ заклятымъ врагамъ ея, ласковую простоту ея обхожденія, она обращаетъ вниманіе на одну исключительную черту, замѣчавшуюся, впрочемъ, многими:

„Говорятъ, будто бы фамильярность порождаетъ небреженіе; но замѣчательно, что съ ней, чѣмъ ближе и интимнѣе мы сходились, чѣмъ неразлучнѣй становились въ повседневной жизни, тѣмъ большее уваженіе мы къ ней чувствовали, тѣмъ глубже научались почитать ее!.. Удивительная, таинственная демаркаціонная черта всегда ее окружала, ограждая внутреннюю, духовную жизнь ея отъ внѣшняго, обыденнаго существованія"...

XIV.

Едва оправившись отъ тяжкаго недуга Е. П. Блаватская тотчасъ же потребовала законнаго разслѣдованія этого вопіющаго заговора и обвиненія, основаннаго на подкупѣ слугъ, на подложныхъ письмахъ, которыхъ ни ей, и никому изъ ея повѣренныхъ не хотѣли показать, и на устройствѣ ловушекъ... Но на нее поднялся весь ареопагъ, съѣхавшійся на конвенцію, и не допустили ее до суда.

„Мнѣ пришлось заявить, что я тотчасъ же оставлю общество и выйду въ отставку, чтобъ удержать ее отъ процесса! разсказываетъ Олькотъ[1]). Но комитетъ, составленный изъ опытныхъ законниковъ (членовъ теософической конвенціи), единогласно рѣшилъ, *что въ этомъ случаѣ обращаться къ закону*—безуміе!.. Вопервыхъ потому, что *никогда присяжные въ Англо-Индійскомъ судѣ не разрѣшатъ въ пользу туземцевъ дѣла*, въ которомъ замѣшаны вопросы о восточныхъ вѣрованіяхъ, о существованіи недосягаемыхъ для судей и адвокатовъ Раджъ-Іоговъ; а во-вторыхъ потому, что каково бы ни было рѣшеніе ихъ—оно не измѣнитъ мнѣній о ней ея враговъ и друзей: первые оправданію ея не повѣрятъ; вторые—въ немъ не нуждаются, зная истинную силу ея духовныхъ даровъ. А между тѣмъ, судебное разбирательство,

---

[1]) H. P. B's Death. The Theosophist June.

касаясь столь священныхъ для нихъ (туземцевъ) предметовъ, навѣрное оскорбить ихъ чувство и можетъ имѣть плачевныя послѣдствія... Я ей напомнилъ, что мы принадлежимъ не себѣ, а дѣлу и своему обществу, и она должна была покориться необходимости"! заявляетъ представитель теософическаго братства въ своихъ воспоминаніяхъ о многостраданіяхъ физическихъ и нравственныхъ послѣднихъ лѣтъ жизни Е. П. Блаватской. Она такъ волновалась грубыми клеветами, взводимыми на нее, несправедливостью и неблагодарностью людскими, часто ее поражавшими, которыя проявлялись въ людяхъ, которыхъ она считала друзьями самыми преданными, что, не будь даже у нея хроническаго разстройства сердца, она, подъ вліяніемъ такихъ безпрерывныхъ тревогъ, могла бы умереть; а тутъ еще этотъ убійственный климатъ Индіи, удесятерявшій опасность. Консиліумъ докторовъ опредѣлилъ, что только немедленное переселеніе въ болѣе умѣренныя страны, куда-либо въ южную Европу, можетъ спасти ее отъ немедленной смерти.

И вотъ, когда Е. П. Блаватскую перенесли на носилкахъ и въ безчувствіи подняли на пароходъ,—господа Патерсонъ-Ходжсонъ и К° сочли благоприличнымъ пустить вслѣдъ ей, умирающей, еще одну клевету: сочинили, что она, *обокравъ кассу общества,* убѣжала въ Европу, испугавшись преслѣдованія полиціи и тюрьмы вслѣдствіе того, что *открылось достовѣрно, что она агентъ и шпіонъ, на жалованіи у русскаго правительства (!?!)...*"

И во главѣ этой нелѣпой лжи въ нехристіанской сторонѣ, которую они старались *просвѣтить*, стояли гг. миссіонеры, да будетъ имъ стыдно вдвойнѣ!..

Горькія письма писала, въ то время, въ промежутки тяжкихъ страданій Е. П. Блаватская роднымъ своимъ и знакомымъ изъ Неаполя раннею весной, а позже изъ Вюрцбурга въ Германіи, куда переселилась на довольно долгое время.

Съ первой же минуты ея вторичнаго появленія въ Европѣ, на нее вновь посыпались приглашенія; но она хотѣла уединенія, тихой жизни; хотѣла заняться новымъ дѣломъ, писать новую книгу, для которой *была оставлена еще на время*—такъ она была увѣрена.

Въ началѣ декабря графиня Вахтмейстеръ[1]), жившая съ Е. П. Блаватской въ Вюрцбургѣ, писала Синнету: „Я считаю себя чрез-

---

[1]) Бывшая фрейлина нашей Императрицы при датскомъ дворѣ, вдова министра иностранныхъ дѣлъ въ Стокгольмѣ. Она отдала всю жизнь свою и все состояніе дѣлу теософіи, была неразлучна съ Е. П. Блаватской и постоянно работала въ лондонской конторѣ теософическаго общества, въ Сити (7 Duke street).

вычайно счастливою, что мнѣ позволено быть свидѣтельницей изумительнаго способа, которымъ пишется это сочиненіе (Secret Doctrine)". Въ то же время она писала и мнѣ, прося моего содѣйствія для книги, которую Синнетъ тогда готовился писать о жизни сестры моей.

„Каждое утро она вставала въ шесть часовъ (пишетъ графиня объ Е. П. Блаватской)—и добрый часъ работала до утренняго завтрака, за которымъ до восьми читала письма и газеты, и снова садилась за письменный столъ. Тутъ она иногда призывала меня, говоря, что указанія на различныя книги и рукописи даны ей „хозяиномъ", съ обозначеніемъ главъ и страницъ, для точныхъ ссылокъ въ ея сочиненіи; но что такъ какъ она читаетъ ихъ въ астральномъ свѣтѣ, запечатлѣнными *наоборотъ*, то очень боится перепутать цифры; а потому и проситъ, чтобъ я написала различнымъ друзьямъ, чтобъ они провѣряли ихъ въ разныхъ публичныхъ библіотекахъ. И это опасеніе раза два оправдалось, напримѣръ: ея ссылка на страницу двадцать третью оказывалась подтвержденною на страницѣ тридцать второй и т. д. Обѣдъ ей подавали между часомъ и двумя, сообразуясь съ возможностью ей оторваться отъ работы, за которую она принималась тотчасъ же послѣ обѣда и продолжала до шести вечера, когда подавался чай. По вечерамъ она развлекалась, раскладывая свои всегдашніе пасьянсы, а я читала ей письма или что-нибудь изъ журналовъ, что считала для нея интереснымъ. Около десяти часовъ Н. Р. В. уходила, ложилась, въ постели читая русскія газеты и книги до полночи, послѣ чего тушила огонь и успокаивалась до ранняго утра. И такъ день за днемъ... Порядокъ нашей жизни лишь нарушался, когда какой-нибудь злой человѣкъ присылалъ злорадный пасквиль, въ родѣ донесенія Ходжсона. Тогда подымалась буря волненій и негодованія, смущавшая жизнь нашу на нѣсколько дней...

Разъ вечеромъ Н. Р. В. сказала мнѣ:

— Вы не можете себѣ представить, какъ тяжело чувствовать множество противныхъ теченій, недобрыхъ мыслей, противъ васъ направленныхъ! Точно будто васъ колятъ тысячи иглъ!.. я постоянно должна (силой воли) воздвигать вокругъ себя стѣну, въ огражденіе отъ этихъ токовъ.

— Я спрашивала ее, знаетъ ли она, откуда шли эти недружелюбные помыслы, и она отвѣчала:

— Къ несчастію—да! Я стараюсь не видѣть и не знать, но это трудно.

— „И въ доказательство она часто заранѣе говорила мнѣ, кто что о ней пишетъ, цитируя цѣлыя фразы и пассажи, которые я впослѣдствіи цѣликомъ находила въ получаемыхъ мною письмахъ.

Всѣ, кто знали, какъ я, Н. Р. В., знаютъ до чего она была достойна любви; какое очарованіе доброты, ласки, веселости, остроумія разливалось отъ ея дѣтски-веселаго, порой, лица!"

Графиня Вахтмейстеръ говоритъ, что никогда она не видала, чтобъ Елена Петровна относилась безразлично къ людямъ: для каждаго человѣка у нея была особая манера, хотя всегда ласковая, но прямо бившая на слабыя стороны даннаго лица, которыя ей очевидно были извѣстны. Эти слабости, въ общеніи съ ней, выступали такъ, чтобы становиться болѣе замѣтными и ему самому. Такимъ образомъ, каждому она давала возможность лучше познать самого себя и пользоваться ея практическимъ способомъ учить ближнихъ самоусовершенствованію... Разумѣется, „многимъ этотъ способъ исправленія былъ не по вкусу и многіе оставляли ее; но тѣ, которыхъ тщеславіе выдерживало искусъ, оставаясь ей вѣрными, скоро начинали замѣчать въ себѣ развивающійся внутренній ростъ,—*единый вѣрный путь къ познанію оккультизма*"... „Вѣрнѣе и преданнѣе друга нельзя было найти! Я считаю величайшимъ благомъ своей жизни время, проведенное въ такой близости къ Н. Р. В., и до смерти буду работать, стараясь распространять благородное дѣло, которому она пожертвовала жизнью и за которое столько страдала!"

О феноменахъ, которые, заявляетъ она, „случались ежедневно",—графиня разсказывать не хочетъ, ибо они казались ей *обычными явленіями жизни*, такъ она привыкала къ ихъ проявленіямъ, живя подъ однимъ кровомъ съ Еленою Петровной.

Здѣсь я должна обратить вниманіе тѣхъ, кто пожелалъ бы ближе познакомиться съ дѣломъ, на замѣчательно вѣскія письма графини Вахтмейстеръ и доктора Гартмана въ книгѣ Синнета о Е. П. Блаватской (стр. 317—321). Графиня въ своемъ письмѣ кается искренно въ сильнѣйшихъ предубѣжденіяхъ своихъ противъ Блаватской, которую до пребыванія въ Вюрцбургѣ она очень мало знала и „не поѣхала бы за ней ухаживать въ болѣзни, еслибы не считала себя все же обязанною быть ей признательною за то, что чрезъ сочиненія ея познакомилась съ теософическимъ ученіемъ. Но проведя съ ней нѣсколько мѣсяцевъ не только подъ однимъ кровомъ, но почти въ одной комнатѣ, днемъ и ночью имѣя доступъ къ ней, ко всѣмъ ея вещамъ,

письмамъ и малѣйшимъ подробностямъ жизни, видя *постоянно проявлявшіяся доказательства особыхъ силъ, ей присущихъ,* для которыхъ нѣтъ на языкѣ человѣчества другого опредѣленія, какъ „чудо“ или „феноменъ“,—она винится и открыто, искренно заявляетъ, что *стыдится самой себя,* своихъ прежнихъ подозрѣній. Она убѣдилась, что Блаватская „честная, правдивая, преданная дѣлу даже до смерти женщина, оскорбляемая и оклеветанная поверхностными профанами“... „Она несчастна—судя по житейскому; но съ высшей точки зрѣнія она необыкновенно счастлива, благодаря своимъ глубокимъ знаніямъ и необычайно развитымъ духовнымъ дарамъ, которыхъ не могутъ отнять у нея никакіе враги, завистники или невѣжды“...

XV.

Лѣтомъ 1886 года я снова навѣстила сестру въ Германіи, въ Элберфельдѣ, гдѣ она гостила у друзей своихъ Гебгардовъ. Она собственно ѣхала лѣчиться морскими ваннами въ Остенде, но была задержана два мѣсяца на пути вывихомъ ноги, уложившимъ ее на нѣсколько недѣль неподвижно. Она, какъ всегда, была окружена множествомъ лицъ, пріѣзжавшихъ со спеціальною цѣлью видѣть ее, кто вновь познакомиться, кто возобновить старую дружбу; но здѣсь у нея было, казалось, гораздо болѣе добрыхъ друзей, расположенныхъ лично къ ней безо всякихъ скрытыхъ цѣлей и разсчетовъ. Вначалѣ Елена Петровна не могла ничѣмъ заниматься; но когда ей стало лучше, то время проходило очень занимательно, въ оживленныхъ бесѣдахъ на террасѣ или въ саду, а иногда въ чтеніяхъ подготовительныхъ матеріаловъ для *Тайной Доктрины.* Тогда обыкновенно всѣ желавшіе слушать переходили въ отдѣльную „восточную“ комнату, такъ названную по ея убранству. Во время этихъ чтеній, которымъ благоговѣйно внимали разные ученые, меня поражали двѣ особенности, а именно: удивительная образность и подробность описаній, въ которыя устно входила Елена Петровна, вдаваясь въ разъясненія по разнымъ вопросамъ, ей предлагаемымъ спеціалистами, и полнѣйшее неумѣніе ея строго держаться научныхъ доказательствъ и формулъ. Она разсказывала увлекательно, но едва доходило дѣло до какихъ-нибудь математическихъ данныхъ, то она очень часто сама не умѣла прочесть ею же написанныхъ алгебраическихъ или геометрическихъ выводовъ... Возлѣ нея обыкновенно сидѣлъ профессоръ Стокгольмскаго университета

Бергенъ, или кто другой изъ представителей присяжной науки и помогали ей формулировать выкладки, всегда вѣрныя, но въ которыхъ она при чтенiи путалась и справиться устно не умѣла...

Когда я, оставаясь наединѣ съ ней, дивилась этому,—„какъ же де ты сама высчитала и написала, а прочесть не умѣешь?!"— Сестра мнѣ всегда отвѣчала со смѣхомъ:

„—Да откуда-жъ мнѣ задачи высшей математики знать, матушка моя?.. Это твои дочери, bas bleus, все въ нынѣшнихъ премудрыхъ женскихъ гимназiяхъ проходили. А мы съ тобой, сама знаешь, рядомъ учились! Едва четыре правила одолѣли".

— Да какъ же ты писала объ этомъ, если сама не знаешь?!

„— Ну, вотъ! Мало о чемъ я пишу, чего прежде и во снѣ не видала!.. Не *я* пишу,—а я только *съ готоваго списываю*... Хоть ты никогда мнѣ не вѣрила, а вотъ тебѣ и еще доказательство, что я только орудiе, а не мастеръ."

— Но описываешь ты мастерски!.. Будто все это сама видѣла, сама вездѣ была.

„— Бывать не бывала, а видѣть—видала! Постоянно вижу, когда пишу то, что описываю."

Таковы всегда были ея неизмѣнные отвѣты.

Въ концѣ iюля мы переселились въ Остенде, гдѣ я скоро оставила Елену Петровну, окруженную наѣхавшими изъ Англiи, Швецiи и Францiи друзьями. Раньше всѣхъ прiѣхалъ Синнетъ съ кипой корректурныхъ листовъ печатавшейся книги его *Incidents in the life of M-me Blavatsky*.

Е. П. Блаватская оставалась въ Остенде до весны 1887 года. Хотя одну ее никогда не оставляли, но когда въ октябрѣ прiѣхала къ ней вновь графиня Вахтмейстеръ, мы стали спокойнѣй, зная, что никто, въ случаѣ осложненiя болѣзни, которыя вообще ее не оставляли,—не присмотритъ за нею такъ, какъ она.

И правы мы были! Къ концу зимы она захватила бронхитъ, и хроническая болѣзнь почекъ, милое наслѣдiе Индiи, до того ухудшилась, что бельгiйскiе доктора объявили ее безнадежною... Пусть она сама за себя разскажетъ все дѣло, болѣзнь свою и спасенiе.

„Милая ты моя, не бойся,—еще разъ надула я *курносую*: выходили меня!.. удивительные казусы со мной все творятся. Ты пишешь: „Можно ли быть такою неосторожною!"—Да развѣ же я по неосторожности простудилась?.. Съ кресла не вставала, изъ комнаты не выходила, какъ прикованная сидя надъ своею *Доктриной*; всѣмъ работы съ нею задала: и графинѣ, и доктору

Китлей, двоюродному брату того, что ты въ Парижѣ видала; онъ пріѣхалъ изъ Лондона депутатомъ, звать меня къ нимъ туда,— а я его за работу!.. Видишь ли, дней за десять до болѣзни стало Лондонское общество усиленно меня призывать: нужна-де я имъ! Безъ меня ничего не подѣлаютъ, учиться оккультизму хотятъ, а поэтому сгораютъ желаніемъ лишить Остенде моего благотворнаго присутствія... Прежде все вороха писемъ умоляющихъ получала и отмалчивалась... Ну-де, васъ совсѣмъ! думала.—Дайте вы мнѣ покойно книгу свою писать. Не тутъ-то было: депутацію прислали! Keightley увѣряетъ: „и домъ чудесный въ саду наняли, и все приготовили, и на рукахъ васъ на мѣсто доставимъ,—только согласитесь!“ Я было и рѣшилась. Графиня ужъ укладываться начала, хотѣла меня упаковать, съѣздить въ Швецію, продать тамъ свое имѣніе, чтобы жить при мнѣ неотлучно, и вдругъ я свалилась!.. Такая, видно, моя *планида*!.. Да еще какой тутъ *пассажъ* вышелъ. 27 марта назначено было намъ выѣхать, а 17 я ни съ того, ни съ сего, сидя въ креслѣ послѣ обѣда, заснула. Ты же знаешь, что со мной никогда этого не бывало!.. Заснула я прекрѣпко и вдругъ говорю ей, какъ она разсказываетъ, я-то ничего не помню совершенно:

„— Хозяинъ говоритъ—вы не должны ѣхать, потому что я буду смертельно больна“... Она какъ закричитъ: „что вы говорите?!“ Я проснулась и тоже кричу, въ удивленіи „Чего вы кричите? Что случилось?!“ Tableau!.. Дня черезъ два мы было и забыли объ этомъ, какъ получаю я еще одно письмо изъ Лондона, отъ нѣкоего члена, котораго я и въ глаза не видала,—Ashton Ellis—докторъ при Вестминстерской больницѣ, мистикъ, Вагнеристъ, великій музыкантъ, еще молодой человѣкъ... Тоже умоляетъ меня переѣзжать, на томъ, вишь, основаніи, что *видалъ меня передъ собой*,—по портретамъ, говоритъ узналъ... Стою я, говоритъ, черезъ столъ его, на которомъ онъ писалъ, и смотрю на него... Мы съ Constance (графиней) еще смѣялись надъ его восторженными увѣреніями: „My life seems strangely linked with yours!.. Моя жизнь связана, пишетъ, съ вами и Теософическимъ Обществомъ. Я знаю,—*я скоро долженъ васъ увидѣть!..*“ Посмѣялись и объ этомъ забыли... Тутъ я горло простудила, сама не понимаю какъ, а потомъ—еще хуже! Какъ слегла я, да на пятый день остендскіе доктора объявили, что надежды нѣтъ, потому что началось отравленіе крови отъ бездѣйствія почекъ, а я все дремала, да такъ и должна была заснуть на вѣки въ этой дремотѣ,—графиня и вспомнила, что вѣдь этотъ Аштонъ-Эллисъ

докторъ извѣстный. И телеграфировала ему, прося прислать хорошаго спеціалиста.

„Вдругъ этотъ, доселѣ чужой человѣкъ, телеграфируетъ:

„—Ѣду самъ, прибуду ночью".—Я, какъ во снѣ, еле помню, что кто-то въ самомъ дѣлѣ ночью пришелъ, взялъ мою руку, поцѣловалъ ее, давалъ мнѣ что-то глотать; присѣлъ на кровати и началъ массировать мнѣ спину. Представь себѣ, что этотъ человѣкъ три ночи и три дня не ложился и каждый часъ растиралъ меня и массировалъ".

Далѣе Елена Петровна разсказываетъ, какъ она слышала говоръ присутствовавшихъ о томъ, что если умретъ она, не подписавъ своей воли, то безъ завѣщанія не позволятъ сжечь ея тѣла.

„Тутъ проснулось во мнѣ сознаніе всего ужаса быть похороненною, лежать здѣсь съ католиками, а не въ Адіарѣ... Я позвала ихъ и говорю: „скорѣй, скорѣй нотаріуса!" и повѣришь ли—*встала!..* Артуръ Гебхартъ, только что вернувшійся изъ Америки и пріѣхавшій съ матерью, прослышавъ о моей болѣзни, побѣжалъ, привезъ нотаріуса и американскаго консула; а у меня откуда силы взялись?—Сама диктовала и подписала завѣщаніе"... „Покончивъ, чувствую—не могу дольше! Опять въ постель и говорю себѣ: „Теперь—до свиданія! Помирать буду!.." Но Аштонъ тутъ изъ себя вышелъ: цѣлую ту ночь онъ опять меня массировалъ и поилъ какою-то дрянью. Но я ужь видѣла, что у меня тѣло сдѣлалось сѣрымъ и въ сине-желтыхъ темныхъ пятнахъ и, впадая въ безпамятство, только съ вами мысленно прощалась"...

Массажъ однако подѣйствовалъ; проспавъ цѣлыя сутки, Елена Петровна проснулась внѣ опасности. Разсказывая впослѣдствіи объ уходѣ за ней этихъ „постороннихъ людей"—графини, M-me Gebhard и въ особенности совсѣмъ незнакомаго, свѣтскаго, моднаго доктора, поплатившагося сильно своею службой за то, что самовольно, безъ отпуска, уѣхалъ въ ту же минуту, какъ получилъ телеграмму,—вспоминая ихъ „неустанныя, самоотверженныя услуги, заботы ихъ, усталь и тревоги ради спасенія нѣсколькихъ лѣтъ, быть-можетъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ жизни чужой имъ старухи", сестра мнѣ далѣе пишетъ:

„...Не знаю, что̀ и думать! Что̀ я имъ?.. За что̀ графиня такъ привязана ко мнѣ, что готова жизнь отдать для меня? Что̀ я такое для Эллиса, никогда меня не видавшаго, чтобъ онъ не задумываясь рискнулъ, безъ позволенія, бросить для меня госпиталь на *семь* дней; теперь потерялъ мѣсто съ прекраснымъ содержа-

ніемъ и квартирой при Westminster Dispensary; съѣздилъ туда, вернулся и смѣется: совсѣмъ, говоритъ, не жалѣетъ! Больше времени будетъ для теософіи работать, съ одною практикой... Ну, что̀ значитъ? Что́ имъ во мнѣ?.. Что̀ за судьба моя такъ влiять на судьбу другихъ людей? Я тебѣ говорю серьезно:—*мнѣ страшно!..* Я перестаю понимать причины и теряюсь! Знаю только одно: я вызвала какую-то невѣдомую силу, которая связываетъ судьбы людей съ моей судьбой, и моею жизнью... Знаю также къ своему счастію, что многіе между преданными мнѣ людьми считаютъ меня своею спасительницей. Многіе были безсердечными эгоистами, матеріалистами безвѣрными, свѣтскими, легкомысленными сластолюбцами и превратились въ серьезныхъ, работающихъ безъ устали людей, всѣмъ пожертвовали дѣлу: положеніемъ, временемъ, достояніемъ и только объ одномъ помышляютъ: о своемъ духовномъ и умственномъ развитіи. Они подѣлались какими-то жертвами искупленія, живутъ только для блага другихъ; во мнѣ видятъ свое спасеніе и просвѣщеніе, а я, что?.. Я сама та же... что̀ и была. По крайней мѣрѣ, въ отношеніи ихъ, право!.. Я готова отдать послѣднюю каплю крови за теософическое дѣло, но не могу я лично никого любить,—кромѣ васъ, родныхъ моихъ... Что я за слѣпое орудіе въ рукахъ,—надо правду сказать,—того, кого я зову *Master?..* Не знаю! *Не знаю!* И *не знаю!..* Для меня, какъ и для всѣхъ, феноменальное возникновеніе, по *моей* иниціативѣ, нашего общества; его ростъ не по днямъ, а по часамъ; его несокрушимость ни подъ какими ударами враговъ—не разгаданная загадка! Не знаю, какова тому логическая причина, но вижу, знаю, что ему, теософическому обществу, суждено міровое значеніе. Оно станетъ міровымъ событіемъ!.. Въ немъ заключается нравственная и психическая сила, подъ давленіемъ которой оно, какъ девятый валъ, зальетъ, смететъ и затопитъ съ береговъ все то, что меньшія волны человѣческаго мышленія выкинули на нихъ чуждыхъ осадковъ, обрывковъ системъ и философій. Я—слѣпой его двигатель, но въ немъ—зрячая, великая сила!“

„Великая сила“ эта вѣроятно поддержала и на сей разъ столько разъ уже спасенное ею отъ окончательнаго крушенія тѣло, изъ котораго сотворила себѣ орудіе. Въ Бельгійскомъ медицинскомъ журналѣ появилась статья о рѣдкомъ, почти небываломъ случаѣ выздоровленія Е. П. Блаватской. Передо мной статья д-ра медицины А. Китлей, подтверждающая то же. Онъ самъ черезъ мѣсяцъ вернулся въ Остенде, чтобы перевезти черезъ Ламаншъ Елену Петровну на пароходъ и съ парохода ее перенесли

на носилкахъ, но въ общемъ она довольно благополучно достигла Англіи, гдѣ и прошли послѣдніе четыре года ея кипучей, необыкновенной дѣятельности.

XVI.

„Ну, вотъ я и въ Альбіонскихъ туманахъ поселена!“ писала она мнѣ на первыхъ порахъ: „именно *поселена*, а не сама поселилась! Перетащими меня мои *адмираторы*,—чуть не на кровати все время везли и на рукахъ переносили. Далась я имъ!.. Рѣшили, что безъ меня и дороги въ Царство Небесное не найдутъ: прислали депутацію съ петиціей въ 72 имени теософовъ, твердо рѣшившихся лишить бѣдное Остенде моего „облагораживающаго“ присутствія, и „благодѣтельныхъ магнетическихъ токовъ“,—excusez de peu!!.. Я ли на нихъ не ворчу? Не гоню отъ себя, не запираюсь отъ этихъ *мистическихъ вампировъ*, высасывающихъ изъ меня всѣ силы духовныя,—нѣтъ! льнутъ, какъ мухи къ меду! „Возчувствовали мы, говорятъ, духъ святости и духовнаго усовершенствованія въ вашей *атмосферѣ*. Вы одни можете просвѣтить насъ и оживить впадающее въ спячку и бездѣйствіе лондонское общество!“ Ну вотъ, я пріѣхала и поддала жару,—пусть не пеняютъ... Я сижу у стола и пишу, а они всѣ у меня ходуномъ-ходятъ и подъ мои пѣсенки пляшутъ. Вчера былъ митингъ, сформировали новую вѣтвь теософическаго общества и, вообрази, назвали единодушно—Blavatsky Lodge of the T. S.!!..“

„Это ужъ прямо въ глазъ, а не бровь, психическому обществу—знай нашихъ!“... „Основываемъ свой журналъ, *Lucifer*. Ты не пугайся: это не *чортъ*, въ котораго переврали католики это связанное всему древнему міру названіе *звѣзды утренней*,—„носителя свѣта“, по-латыни *Eosphoros*, какъ часто называли Римляне Божью Матерь и Христа. Да и самъ Іисусъ въ Откровеніи св. Іоанна развѣ не называетъ себя—я, Іисусъ, звѣзда утренняя“—(XXII, ст. 16)? Хоть бы этимъ вразумились!.. Быть-можетъ *до паденія* мятежнаго ангела и звали Люсиферомъ; но по его превращеніи, его нельзя такъ называть“... „Дѣла у меня—страхъ!.. Изъ Парижа пишутъ: тамъ тоже общество раздѣлилось. Не хотятъ признавать ту вѣтвь, гдѣ президентомъ lady Caithness, герцогиня Помаръ; а требуютъ тоже моего предсѣдательства, какъ и здѣшніе, вѣдь также Синнета не захотѣли, а чтобы я была... Разорвись я для нихъ! Изображай „вездѣсущаго“ *генерала Бута*, съ его арміей

спасенія!.. Благодарю покорно, и тоже новый журналъ *le Lotus* *) затѣваютъ и какъ я наотрѣзъ отказалась отъ редакторства, такъ посмотри на заглавіе,—посылаю тебѣ проектъ—*Sous l'inspiration de M-me H. P. Blavatsky.* Какъ тебѣ нравится? Какъ это я буду ихъ инспирировать?... Электрическіе токи буду посылать на Габоріо, его издателя и сотрудниковъ, что ли?... Твоя сестра въ моду, очевидно, и въ Европѣ входитъ: смотри посвященіе книги Гартмана „моему *генію*" **). И какъ я всюду поспѣю?—журналы, уроки оккультизма, „Доктрина", которой еще и первая часть не готова,— сама не знаю!"

Позже, осенью 1887 года, когда „Lucifer" обратилъ вниманіе прессы, а контора въ City и своя типографія, Theosophical Publishing C⁰ и еженедѣльныя брошюрки, подъ общимъ названіемъ *T. P. S.* (Theosophical Publisched Siftings) были въ полномъ ходу,—

Елена Петровна мнѣ писала:

„Здѣсь составилось цѣлое общество католическаго духовенства и *High Church* фанатиковъ противъ твоей сестры. Было ужъ три митинга... Въ первомъ они доказывали, что я—ни много, ни мало,—самъ чортъ въ юбкѣ; но мои теософы возстали и протестовали, попросивъ права голоса тамъ же, на мѣстѣ, и отлично доказали, что сами они іезуиты и нехристи, поклонники Ваала и Маммоны. Во второмъ, поднята была старая канитель: она де шпіонка, агентъ русскаго правительства и опасна для британскихъ интересовъ... Тутъ поднялись Lane Fox, Sinnett и Sir W. Grove и превосходно убѣдили публику, что боящіяся моего руссофильства противники теософіи, ближайшіе родственники Валаамовой ослицы, но нѣсколько тупѣй ея, ибо та, по крайности, видала ангела и говорить умѣла, а они отъ ханжества всюду видятъ лишь чортиковъ и въ добавокъ говорить не умѣютъ!.. На третьемъ митингѣ возбужденъ былъ вопросъ: не антихристъ ли я?.. Тогда молодой лордъ Портманнъ всталъ и громко прочелъ имъ мой отвѣтъ, гдѣ я коротко и ясно повѣдала свѣту, ежели что $2 \times 2 = 4$, то они круглые невѣжды и клеветники!.. Эффектъ превысилъ даже мои ожиданія,—какъ увидишь изъ отчетовъ, какой былъ энтузіазмъ моихъ друзей"... „Теперь еще громче заплачутъ: „Lucifer" убьетъ нашихъ

---

*) Впослѣдствіи, когда Парижскій журналъ *Lotus* перешелъ подъ другую редакцію подъ заглавіемъ *Le Lotus Bleu*, его издатель таки вытребовалъ право поставить имя *H. P. Blavatsky*, какъ *Rédacteur en chef.*

**) Въ сочиненіи д-ра Гартмана *Paracelsus* такое посвященіе: „To the genius of Helene Petrovna Blavatsky, *the Martyr of a great cause,* and defender of the rights of Humanity, this work is respectfully dadicated.

противниковъ! Даже личные враги мои—всѣ его хвалятъ... А все таки скучно и скучно!.. Эхъ, кабы увидѣться намъ"...

По поводу успѣховъ ея я упрекала сестру за вѣчную ея хандру, постоянно высказывавшуюся въ письмахъ, въ ея горячихъ призывахъ, „чего-нибудь *своего*, кого-нибудь *русскаго*"; она всегда рада бывала истратить всѣ свои личныя деньги, всѣ небольшія экономіи, чтобы выписать меня и дѣтей моихъ къ себѣ, не имѣя возможности сама къ намъ пріѣхать изъ-за дѣла и постоянныхъ болѣзней. Привязанности къ роднымъ и къ роднѣ не могла въ ней искоренить никакая разлука.

Зная ея желаніе сношеній съ русскими людьми, я предложила ей написать въ Лондонъ Е. К. Смирнову, нашему посольскому священнику, съ которымъ сама была знакома прежде. На это она отвѣчала, что „рада бы была радешенька, да захочетъ ли онъ?... „Можетъ быть и онъ меня за антихриста считаетъ?.."

Весной слѣдующаго года въ моей семьѣ случилось великое горе. Когда все было кончено, сестра, все время относившаяся ко мнѣ съ горячимъ участіемъ, начала неотступно призывать меня со старшею дочерью къ себѣ и когда я отвѣчала согласіемъ, она радостно откликнулась:

„Ради Бога не передумай! Надежда на твой пріѣздъ оживила меня. Это первая радость; первый свѣтъ во тьмѣ горя и страданія, моего *одиночнаго*, несказуемаго за тебя страданія!.. Пріѣзжай, родная..."

Мы съ дочерью выѣхали въ началѣ іюля и пробыли въ Лондонѣ все лѣто. Здѣсь я застала Елену Петровну основательно устроившуюся въ довольно большомъ домѣ Вестъ-Энда. Съ нею жили графиня Вахтмейстеръ, двое секретарей ея; тогдашняя соиздательница *Люсифера*, мистриссъ Кукъ, предпочитавшая называть себя дѣвичьимъ своимъ именемъ Мэбль Коллинзъ, жила тутъ же, черезъ садъ. Толпы народа посѣщали этотъ центръ теософическаго ученія ежедневно. Ждали изъ Мадраса президента, а потому въ Лондонъ ужъ начинали съѣзжаться отовсюду представители вѣтвей изъ разныхъ странъ. Замѣтно было, болѣе чѣмъ когда-либо, въ числѣ посѣтителей Лэнсдаунъ-Родъ множество людей, стоящихъ во главѣ западной науки, а сама Елена Петровна никогда не была такъ окружена всеобщимъ вниманіемъ и уваженіемъ. Занята она была непрерывно, отъ ранняго утра до поздней ночи, но казалась бодрѣе и здоровѣе, чѣмъ прежде.

Какъ было ей не заниматься по восемнадцати часовъ въ сутки, когда, кромѣ поглощающихъ работъ надъ вторымъ томомъ

Secret Doctrine, она сама держала корректуры печатавшагося перваго тома ея и ежемѣсячно изготовляла для своего журнала по три, по четыре статьи за подписью, какъ передовыя и беллетристическія, такъ и безъ подписей, скрытыя различными псевдонимами. Сотрудница ея, М. Коллинсъ, была въ то время больна при смерти и Блаватской приходилось работать за двоихъ. Она оставляла перо ранѣе по четвергамъ и по субботамъ, когда бывали ея „*at home*". За то единодушные отзывы одобренія о первой части *Доктрины* вознаграждали ея труды.

Я помню еще нѣкоторые изъ нихъ. Профессоръ Эйтонъ, Оксфордскаго университета, напримѣръ, утверждалъ, что, „впервые разоблаченныя міру въ этой книгѣ тайныя ученія изъ области космографіи и философскихъ системъ древней Индіи *должны совершить переворотъ въ наукѣ*"... Прочтя первыя главы въ корректурныхъ листахъ, онъ писалъ ей: „Ваши откровенія (revelations) поразительны неопровержимою ясностью и логикой, столько же какъ и неожиданною новизной теорій".

Профессоръ Круксъ заявилъ, что это сочиненіе будетъ „смертью (ce coup de grace) научнаго матеріализма..."

Докторъ Бёкъ, профессоръ университета въ Цинциннати, тоже по прочтеніи корректуръ еще неизданной книги, написалъ цѣлую брошюру о нихъ, которую и прислалъ Е. П. Блаватской. Говоря въ ней объ авторѣ ея и первомъ сочиненіи ея „Изидѣ", профессоръ Бёкъ предрекаетъ ей чрезъ нихъ великую славу, которая освѣтитъ вѣчнымъ свѣтомъ „память ихъ многострадальнаго автора, когда онъ, оклеветанный и неоцѣненный современниками, сойдетъ съ лица земли..." „Трудно представить, что вытерпѣла эта благородная женщина", говоритъ онъ, „преслѣдуя свои высокія задачи. Она умѣетъ знать, трудиться, твердо желать, молчать и прощать" какъ истинный посвященный... „Много бываетъ Іудъ, предателей истины! восклицаетъ онъ въ заключеніе; еще болѣе послѣдователей Ѳомы невѣрнаго... Мало только послѣдователей Павла", этого посвященнаго въ великія таинства просвѣтителя, желавшаго подѣлиться съ человѣчествомъ свѣтомъ истины, даже вопреки своей безопасности.

Мудрено было сказать большую похвалу въ честь основательницы общества „Всемірнаго братства", цѣли и задачъ ея научныхъ трудовъ. Она была очень утѣшена такими отзывами и всѣ ее любившіе, въ особенности убѣжденные теософы, радовались за нее и за общее дѣло.

Когда въ августѣ пріѣхалъ изъ Адіара полковникъ Олькотъ, начались дѣловыя засѣданія, митинги, экстренныя собранія, то въ домѣ на Ленсдаунъ-Родъ, то въ дѣловомъ Office, въ конторѣ въ Ситти, то въ наемныхъ залахъ, и дѣла прибавилось столько, что, несмотря на множество добровольныхъ помощниковъ, весь составъ главныхъ дѣятелей сбился съ ногъ и переболѣлъ отъ утомленія и безпокойствъ. Разумѣется, прежде всего здоровье Елены Петровны разстроилось... Хорошо, что она могла себя избавлять отъ оффиціальнаго представительства.

Дѣло въ томъ, что какъ въ Америкѣ, при началѣ основанія теософическаго общества, она отказалась отъ всякаго оффиціальнаго званія, кромѣ весьма неопредѣленнаго и скромнаго секретарства, такъ и въ Лондонѣ, не желая обидѣть своего друга Синнета, она отказалась отъ званія президента, которое онъ носилъ,— ссылаясь на массу письменныхъ занятій.

Тогда ея личные приверженцы согласились между собой *неоффиціально* примкнутъ къ ней, съ тѣмъ, чтобъ учиться у нея и во всемъ ей содѣйствовать, какъ главѣ теософическаго движенія, „въ присутствіи которой ревностнымъ членамъ общества смѣшно признавать чей либо другой авторитетъ и представительство...“ Образовалась секція, члены которой, не отдѣляясь de jure отъ лондонской вѣтви, de facto устранились Синнета и образовали *ложу*, именно *Blavatsky Lodge*, къ которой примыкали всѣ теософы, желавшіе работать подъ ея руководствомъ непосредственно.

Вскорѣ, прослышавъ объ этой секціи, къ ней пожелали присоединиться многіе теософическіе центры другихъ странъ, выражая желаніе, чтобы прямому авторитету президента подчинялась Индія, Австралія и къ нимъ прилегающія страны, а чтобъ Е. П. Блаватская приняла званіе почетнаго президента европейскихъ и американскихъ теософовъ.

Америка первая и кличъ на то кликнула.

Съ величайшимъ трудомъ удалось основателямъ теософическаго общества, благодаря испытанной дружбѣ и уваженію другъ къ другу, а равно и дипломатическимъ способностямъ полковника Олькота мирно уладить возникшій расколъ. Блаватская не согласилась отдѣлиться отъ общаго, главнаго представительства полковника; но онъ, какъ президентъ, далъ ей полномочіе дѣйствовать во всемъ, что касалось бы европейскихъ и американскихъ вѣтвей общества, самостоятельно.

„Ужь если вы, друзья мои, желаете непремѣнно группироваться подъ моимъ знаменемъ исключительно, заявила Е. П. Бла-

ватская на первомъ же собраніи своей Blavatsky Lobge, то знайте, что я отъ членовъ своей ложи *) потребую болѣе строгихъ, исключительныхъ обязательствъ, которыхъ не налагаетъ обыкновенное членство".

Въ предпослѣднее мое посѣщеніе Елена Петровна еще разъ доказала мнѣ на дѣлѣ свое изумительное ясновидѣніе. Ни въ 1888 году, ни въ 1890 я не видывала отъ нея болѣе никакихъ феноменовъ, кромѣ этого послѣдняго, которымъ она меня избавила отъ тяжкихъ нравственныхъ страданій.

Дѣло было такое. Я получила изъ Россіи, изъ дому, извѣстіе, телеграмму, которой существенный смыслъ радикально былъ измѣненъ ошибкой, перемѣщеніемъ телеграфистами одного слова... Эта ошибка возвѣщала мнѣ еще одно несчастіе—*смерть*, которой въ сущности не было... Я въ ту же минуту собралась уѣзжать. Но сестра, видя мое отчаяніе, вскричала:

„— Да нѣтъ же! Нѣтъ!... Не можетъ быть этого!.. Бога ради успокойся!.. Сейчасъ я объясню, я увижу... Я скажу тебѣ *вѣрно* въ чемъ дѣло".

И тутъ же она опустилась на стулъ, закрыла руками лицо и такъ, въ полномъ молчаніи, пробыла неподвижно минуты двѣ-три... И встала съ просіявшимъ лицомъ.

„—Вѣра! Это ошибка! Онъ совершенно здоровъ!.. Телеграмму переврали: дай мнѣ ее! Вотъ въ чемъ дѣло".

И она переставила буквы, возстановила настоящій смыслъ извѣстія и разсказала мнѣ все происшедшее наканунѣ, за тысячи верстъ отъ насъ въ Москвѣ, съ такими подробностями, какъ будто сама тамъ была.

Отвѣты на наши запросныя телеграммы домой и на московскую телеграфную станцію, а дней черезъ пять и письма оттуда вполнѣ подтвердили неожиданныя происшествія, случившіяся въ моей семьѣ и *вполнѣ вѣрно* объясненныя мнѣ сестрой. Это *фактъ*, извѣстный многимъ и который я сочла себя обязанною, въ память сестры, заявить здѣсь.

Съѣздъ представителей теософическаго движенія изъ Америки и Европы еще былъ въ полномъ разгарѣ, когда я въ сентябрѣ разсталась съ сестрой.

---

*) Заграницей теософическіе центры часто носятъ названіе ложъ.

XVII.

Въ послѣдніе два года своей жизни Е. П. Блаватская, кромѣ трехъ большихъ томовъ *Тайной Доктрины* *) и множества статей въ *Lucifer* и др. теософическихъ журналахъ, издала еще двѣ книги, весьма цѣнимыя ея послѣдователями. Одна *Ключъ къ Теософіи*, объясняющая всю суть ученія и многое, что не всѣмъ понятно въ ея сочиненіяхъ; потомъ *Голосъ Безмолвія* (*Voice of the Silence*, Extracts from the book of the „Golden Precepts"), выдержки изъ древней книги *Золотыхъ Правилъ*, мистическаго сочиненія, никогда донынѣ не переведеннаго ни на какой языкъ, ибо Гуру (учителя) различныхъ философскихъ системъ держали ее втайнѣ. И наконецъ маленькая книга стансовъ, пословицъ, стихотвореній, тоже переведенныхъ ею изъ разныхъ восточныхъ твореній, подъ заглавіемъ *Gems from the East (Перлы Востока)*.

Во всѣхъ научныхъ, капитальныхъ трудахъ Е. П. Блаватской всего болѣе поразительная масса ссылокъ. При выходѣ *Изиды* и *Тайной Доктрины* множество оппонентовъ ея сейчасъ же обращали на нихъ свое критическое вниманіе; но какъ ни разыскивали неточностей, должны были отступить... **) Ихъ безошибочность, при невозможности имѣть подъ рукой и десятой доли источниковъ, на которые они указываютъ, служитъ всегдашнимъ поводомъ вѣрующимъ въ ея доктрины указывать на ихъ вдохновеніе свыше; для невѣрующихъ они всегда были и будутъ камнемъ преткновенія и великою задачей для всѣхъ! Правду сказалъ мнѣ архіепископъ Армянъ на Кавказѣ, преосвященный Айвазовскій, прочтя первое сочиненіе Елены Петровны *Isis Unveiled* и вмѣстѣ книгу Олькота *People from the other World*.

„—Зачѣмъ всѣ эти безсмысленныя, медіумическія проявленія?... *Они ничто передъ феноменомъ осмысленнымъ и неопровержимымъ этихъ двухъ томовъ со всѣми ихъ ссылками!* Въ нихъ заключается трудъ, который могъ бы поглотить цѣлую жизнь ученаго; а ихъ въ *семь мѣсяцевъ* написала женщина"!

Я часто впослѣдствіи вспоминала это вѣрное опредѣленіе преосвященнаго архіепископа.

---

*) III томъ оставленъ ею въ рукописи и нынѣ напечатанъ.

**) Недавно я слышала, будто такія неточности нашлись въ ея *русскомъ* сочиненіи *Изъ Пещеръ и Дебрей Индостана.* Это вѣроятно потому, что Елена Петровна болѣе небрежно относилась къ этому беллетристическому произведенію, безъ всякаго серьезнаго значенія, чѣмъ къ своимъ научнымъ трудамъ.

Къ этому времени принадлежитъ знакомство Е. П. Блаватской съ нѣкоторыми членами Общества Свободомыслящихъ (Freethinkers) и важное пріобрѣтеніе для Теософическаго Общества новаго энергическаго, преданнаго ему члена, несравненно болѣе знающаго, способнаго, вліятельнаго и полезнаго для дѣла, нежели большинство его членовъ,—я говорю объ Анни Безантъ. Эта энергичная, умная, въ высшей степени краснорѣчивая женщина имѣетъ огромную извѣстность въ Англіи. Она стояла во главѣ соціалистическихъ движеній въ пользу рабочаго люда, въ особенности за право женщинъ-работницъ противъ эксплоататоровъ-фабрикантовъ и заводчиковъ. Она была виднымъ дѣятелемъ во всѣхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, въ народныхъ школахъ, ассоціаціяхъ рабочихъ; извѣстною лекторшей, кассиршей, учительницей; она всю жизнь свою отдала энергичной дѣятельности на пользу бѣднѣйшихъ классовъ лондонскаго населенія и вообще чернорабочаго люда, за котораго ратовала печатно и устно, который признаетъ ее одною изъ своихъ преданнѣйшихъ заступницъ и боготворитъ ее. Въ прошломъ году умершій извѣстный дѣятель на пользу демократіи, атеистъ и вѣчный противникъ консерваторовъ и аристократіи, Брэдлоу, въ сущности добрѣйшій человѣкъ, который всегда былъ готовъ послѣднимъ подѣлиться съ неимущими, былъ первѣйшимъ другомъ миссисъ Безантъ. Пятнадцать лѣтъ они вмѣстѣ работали для народа, вмѣстѣ отстаивали права его въ печати и на митингахъ, вмѣстѣ читали лекціи,—пропагандируя *свободу совѣсти*, то-есть полное безвѣріе и матеріализмъ, и вдругъ, такой испытанный соучастникъ въ пропагандѣ дѣлаетъ главѣ британскихъ соціалъ-либераловъ volte-face и переходитъ въ лагерь—чей же? Верхъ оскорбленія и печали!—теософовъ! какихъ-то „полоумныхъ мечтателей, упразднившихъ реальную жизнь со всѣми ея благами въ пользу проблематическаго загробнаго ея существованія; вѣрующихъ въ колдуновъ и феномены, послѣдователей какой-то русской, обезславленной шарлатанки!“ Пресса долго и громко кричала по этому поводу. Клерикалы торжествовали, сатирическіе журналы потѣшались, прежніе единомышленники мистриссъ Безантъ негодовали; Брэдлоу приходилъ въ отчаяніе, жестоко пораженный; но она съ удивительнымъ хладнокровіемъ и мужествомъ выносила насмѣшки и упреки. Она прочла двѣ-три-лекціи, гдѣ объяснила свою перемѣну не легкомысліемъ, не „измѣной убѣжденіямъ всей жизни“, какъ ее ославляли ея порицатели, а постепеннымъ, логически развивавшимся убѣжденіемъ, „нравствен-

нымъ ростомъ", превосходно сравнивъ человѣка съ растеніемъ.— Невозможно обвинять корень въ томъ, что онъ стремится изъ земли на свѣтъ, а стебель въ томъ, что онъ развивается въ листья и цвѣтъ, изъ которыхъ пустоцвѣты опадаютъ, а здоровый даетъ плодъ—единый желанный результатъ его существованія!.

Она написала потомъ объяснительную, превосходную по логикѣ, силѣ и ясности изложенія брошюру, подъ заглавіемъ *Why I became a Theosophist.* Ея лекціи и послѣдующія статьи дали много приверженцевъ Е. П. Блаватской и ея обществу; а ее саму поставили, безо всякихъ съ ея стороны происковъ или желанія, во главѣ движенія. Если кто въ состояніи поддерживать его въ Европѣ послѣ смерти Е. П. Блаватской, то это конечно одна Анни Безантъ, какъ и сама сестра была въ томъ убѣждена. Сколько разъ она, съ глазу на глазъ со мной, выражала эту увѣренность; восхваляя искренность, стойкость убѣжденій, умъ и краснорѣчіе своей новой помощницы, она говорила:—„Нѣтъ! Эта женщина не измѣнитъ ни дѣлу, ни даже мнѣ"!

Елена Петровна оказалась въ этихъ предвидѣніяхъ вполнѣ права; Анни Безантъ по времени не долго ее знала, но едва ли не лучше всѣхъ ее узнала и не больше всѣхъ близкихъ ей ее полюбила; дѣлу же ихъ она готова пожертвовать всею своею жизнью: она теперь все оставила, отъ всего и всѣхъ отказалась, чтобы быть совершенно свободною и посвятить всѣ свои помыслы и все время пропагандѣ теософіи.

Зима съ 1889 на 1890 годъ въ Англіи была страшно холодная и снѣжная. Е. П. Блаватская болѣла постоянно и такъ ослабла, что врачи приказали ее увезти раннею весною на море.

Она уѣхала въ мартѣ въ Брайтонъ. Чистый морской воздухъ и животворная теплота Гольфштрема ее оживили на время, такъ что хотя всѣмъ окружающимъ очевидны были великія усилія воли, которыя она должна была употреблять, чтобы бороться съ одолѣвавшими ее страданіями, тѣмъ не менѣе они надѣялись на лучшее.

Возвратившись въ Лондонъ, она, какъ всегда, принялась за усиленныя занятія; по вечерамъ попрежнему выходила въ гостиную, гдѣ любила, чтобъ ее окружали жившіе съ ней вмѣстѣ сотрудники; только они начали замѣчать, что она рѣдко оживлялась попрежнему и, чего никогда не было, начала очень тяготиться посѣтителями и все чаще не показывалась за общимъ столомъ.

Во время ея отсутствія было пріискано въ другомъ концѣ города, въ Avenue Road, въ сосѣдствѣ Риджентсъ Парка, боль-

шое помѣщеніе, три отдѣльные дома на двѣ улицы, съ садомъ по срединѣ. Къ наибольшему изъ нихъ еще сдѣлали пристройки, большую залу для лекцій, разукрашенную символическими рисунками по крышѣ-потолку, съ огромнымъ, во всю стѣну, зеркаломъ въ глубинѣ, гдѣ на возвышеніи поставили большое кресло Еленѣ Петровнѣ, а возлѣ меньшее, для ея главной помощницы, миссисъ Безантъ. Съ возвышенія же всѣ желающіе могли держать слово на четверговыхъ митингахъ. Это новое помѣщеніе для состава главной квартиры Теософическаго Лондонскаго Общества было несравненно больше и роскошнѣй прежняго дома на Лэнсдоунъ Родъ, и было взято на имя Блаватской. Она одна считалась по смерть полною хозяйкой этого сожительства главныхъ дѣятелей Общества въ Лондонѣ. Кромѣ постояннаго штата Елены Петровны, въ домахъ теософической коммуны постоянно жили пріѣзжіе теософы изъ другихъ странъ; въ особенности американскіе и адіарскіе представители дѣла всегда имѣютъ pied â terre въ Лондонѣ въ этой „теософической главной квартирѣ", какъ гласитъ золотая надпись на главномъ порталѣ.

Но у самой Е. П. Блаватской не лежало сердце къ новому, роскошно приготовленному для нея помѣщенію.

„— Нѣтъ на этомъ домѣ моей цифры (*семи*), говорила она.— Я въ немъ не наживу".

И справедливо было ея предсказаніе! 3-го іюля 1890 года было торжественное открытіе этого теософическаго центра; собралось нѣсколько сотъ человѣкъ гостей въ „Lecture Hall", делегаты говорили блестящіе спичи. А въ началѣ мая слѣдующаго года главную хозяйку его отсюда вывезли на погребальномъ катафалкѣ, какъ она и предвидѣла, не разъ говоря окружавшимъ, что она отсюда не сама уѣдетъ, а увезутъ ее...

Здѣсь я въ послѣдній разъ видалась съ ней. Я съ дочерьми пріѣхала столько же для нея, какъ и для свиданія со старшею сестрой ихъ, только-что вернувшеюся съ мужемъ изъ Индіи. Елена Петровна не позволила намъ жить у нихъ, а непремѣнно потребовала, чтобы мы у нея поселились, хотя новый теософическій домъ еще далеко не былъ окончательно отдѣланъ: готовы были только собственныя комнаты сестры внизу, гостиная и зала для лекцій, гдѣ вмѣстѣ была общая столовая.

Днемъ мы боялись ее безпокоить и не входили къ ней въ кабинетъ. За то вечеромъ она ужъ ни за что не выпускала насъ изъ кабинета или гостиной, куда всегда выходила, когда была здорова, отдохнуть за своими пасьянсами. Они ей не мѣшали слу-

шать общую болтовню, вмѣшиваться въ разговоры о пустякахъ, переходя отъ нихъ къ серьезнымъ отвѣтамъ на научные вопросы, обращавшіеся къ ней часто и въ эти два часа досуга, которые она позволяла себѣ ежедневно на сонъ грядущій.

Но теперь, кромѣ дней, назначенныхъ для пріема, она не бывала ужъ такъ окружена массами посторонних, какъ прежде: она тяготилась ими и все чаще и чаще не принимала и сторонилась чужихъ. Любимѣйшимъ удовольствіемъ ея было въ эти послѣдніе наши вечера слушать русскія, простыя пѣсни... То и дѣло обращалась она то къ одной, то къ другой изъ дочерей моихъ съ заискивающею просьбой въ голосѣ:

„— Ну, попой что-нибудь, душа!.. Ну хоть *Ноченьку!..* Или *Травушку...* Что-нибудь наше родное спойте...“

Послѣдній вечеръ передъ отъѣздомъ нашимъ до полуночи дочери мои, какъ умѣли, тѣшили ее; пѣли ей *Среди долины ровныя*, и *Внизъ по матушкѣ по Волгѣ*, и русскій гимнъ нашъ, и русскія великопостныя молитвы.

Она слушала съ такимъ умиленіемъ, съ такою радостью, будто знала, что больше русскихъ пѣсенъ не услышитъ.

Выдающеюся чертой моего послѣдняго пребыванія у сестры было открытіе въ Истъ-Эндѣ (бѣднѣйшемъ краѣ Лондона, гдѣ нищета и развратъ конкуррируютъ въ погибели людей, въ особенности женщинъ) пріюта на *триста* работницъ, дѣвушекъ и молодыхъ безсемейныхъ женщинъ, служащихъ на фабрикахъ и заводахъ. Здѣсь эти несчастныя, за самую ничтожную плату, а иныя и даромъ, имѣютъ возможность найти не только чистый, теплый кровъ, но и здоровую пищу и даже ночлегъ, кровать съ чистою постелью и коммодъ со стуломъ и столомъ, отдѣленными другъ отъ друга ширмой. Сестрѣ хотѣлось, чтобъ я поѣхала съ ней на открытіе этого благодѣтельнаго учрежденія, перваго въ Англіи *клуба* рабочихъ женщинъ, свободнаго отъ всякой сектантской подкладки. Пока мы съ ней ѣхали изъ сѣверо-западной, аристократической стороны Лондона, на его восточныя, нищенскія окраины, Елена Петровна разсказала мнѣ, что первоначальнымъ капиталомъ, на который пріобрѣтенъ этотъ домъ, были 1.000 фунтовъ стерлинговъ, пожертвованные Обществу, правильнѣе, просто отданные однимъ богатымъ теософомъ въ ея распоряженіе, съ тѣмъ, чтобъ она ими распорядилась, какъ знаетъ. Она, посовѣтовавшись съ миссисъ Безантъ, рѣшила ознаменовать прочное основаніе въ Лондонѣ Теософическаго Общества такою помощью несчастнымъ отверженнымъ Истъ-Энда.

Это гуманное дѣло маленькой группы мало извѣстныхъ теософовъ очень понравилось Лондонцамъ. Въ слѣдующее воскресенье въ иллюстрированномъ *Pall Mall Budget* появилась даже картинка, видъ новаго Теософическаго Клуба, въ вечеръ открытія.

Вечеромъ, 26 апрѣля (н. ст. ровно за двѣнадцать дней до кончины Е. П. Блаватской), былъ третій митингъ въ Америкѣ и въ заключеніе его постановлено послать Е. П. Блаватской еще одну благодарственную и сочувственную телеграмму.

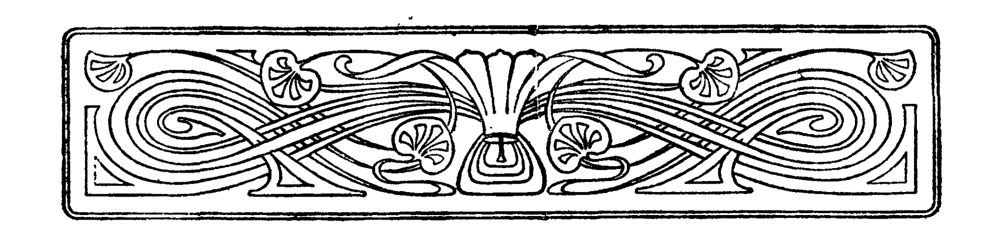
Вѣсти объ этихъ засѣданіяхъ и рѣшеніяхъ въ Америкѣ, пріемъ ея посланныхъ въ краѣ и успѣхъ конвенціи вообще были послѣдними радостями въ жизни Елены Петровны. Она ужъ съ 21 апрѣля была совершенно больна инфлуэнцей,—этимъ убійственнымъ для пожилыхъ людей новымъ бичемъ человѣчества, который съ нею одновременно свалилъ почти все общежитіе теософовъ въ Лондонѣ; но молодые люди поправились и выздоровѣли, а у нея, въ началѣ мая, сдѣлался рецидивъ. Она простудила грудь и горло въ вѣчныхъ сквозникахъ англійскихъ домовъ, отъ которыхъ къ несчастію не были изъяты и ея комнаты. Къ инфлуэнцѣ прибавился бронхитъ, и 8 мая, по нашему 26 апрѣля, въ третьемъ часу пополудни ея не стало.

Замѣчателенъ фактъ, что всѣ предыдущіе недуги были гораздо сильнѣе и всѣмъ, не исключая докторовъ, казались несравненно опаснѣе и серьезнѣе. Въ эту же послѣднюю болѣзнь никто не тревожился; докторъ ея, мистеръ Меннель, впродолженіи четырехъ лѣтъ поддерживавшій жизнь ея, былъ убѣжденъ, что она выздоровѣетъ, что болѣзнь повернула къ лучшему и опасности болѣе нѣтъ. Онъ такъ и сказалъ послѣ консиліума за нѣсколько дней и повторилъ то же въ то самое утро, навѣстивъ ее въ 11 часовъ. Онъ былъ, какъ громомъ пораженъ, когда пріѣхалъ въ три часа и ему сказали, что все кончено.

Е. П. Блаватская скончалась не въ кровати, а въ своемъ большомъ креслѣ, у письменнаго стола, въ которомъ столько работала на пользу науки и на преуспѣяніе дѣла, въ которое положила всю жизнь свою и душу.

Всѣ ея послѣдователи выражаютъ увѣренность, что *ей позволено было избавиться* отъ физическихъ страданій лишь вслѣдствіе того, что она „успѣла свершить свои главныя задачи“: она дала нравственный толчекъ міру и передала ему всю суть сокровенныхъ ученій теософіи въ трехъ фундаментальныхъ книгахъ *Тайной Доктрины.*

Н. Желиховская.



Бхагавадъ-Гита.

*(Продолженіе *).*

Пѣснь VII.

1.

Благословенный сказалъ:

Мысленно устремленный ко Мнѣ, о Партха[1]), выполняющій Іогу, обрѣвшій пріютъ во Мнѣ, выслушай, какъ можно прійти къ величайшему познанію Меня.

2.

Объявлю тебѣ знаніе и мудрость во всей ихъ полнотѣ; познавъ ихъ, не остается больше ничего познать.

3.

Среди тысячи людей едва одинъ стремится къ совершенству; среди успѣшно стремящихся едва одинъ познаетъ Мою сущность.

4.

Земля, вода, огонь, эфиръ, душа и разумъ, а также эгоизмъ— суть элементы Моей восьмиричной природы.

5.

Такова моя низшая природа. Познай иную, мою высшую, что составляетъ элементъ жизни, о Могущественный, и которою держится міръ.

---

*) „Вѣстникъ Теософіи" 1910 г., № 5 - 6.

1) Сынъ Притхы.

6.

Познай въ ней лоно всего сущаго. Во Мнѣ источникъ возникновенія вселенной и во Мнѣ исчезаніе ея.

7.

Нѣтъ ничего выше Меня, о Дхананджая[1]). Все это нанизано на Мнѣ, какъ зерны жемчуга на нити.

8.

Я—и вкусъ воды, о Каунтея[2]), —и блескъ луны и солнца, —и Священное слово[3]) въ Ведахъ, и звукъ въ эфирѣ, и человѣчность въ людяхъ.

9.

Я—чистый запахъ земли и свѣтъ огня; Я—жизнь всего сущаго и подвигъ подвижниковъ.

10.

Познай во Мнѣ вѣчное сѣмя всего сущаго, о Партха! Я—мудрость одаренныхъ разумомъ и великолѣпіе всего прекраснаго.

11.

Я—сила сильнаго, котораго оставили вожделѣніе и страсть. Въ твореніяхъ Я—желаніе, не противное долгу, о Повелитель Бхаратовъ[4]).

12.

Знай, что гармоничныя, дѣятельныя и лѣнивыя натуры, всѣ отъ Меня; воистину, не Я въ нихъ, а онѣ во Мнѣ.

13.

Весь этотъ міръ, введенный въ заблужденіе названными свойствами изъ трехъ гунъ[5]), не знаетъ Меня, Нетлѣннаго, стоящаго надъ ними.

---

[1]) Счастьемъ рожденный.

[2]) Сынъ Кунти.

[3]) Священное слово (Омъ), творческій глаголъ жизни, Пранава.

[4]) Потомковъ Бхарата.

[5]) Гуны—космическія силы, вошедшія въ природу человѣка: tamas, сила инерціи; rajas, сила стремительная, движеніе, страстность; sattwa, сила уравновѣшивающая двѣ первыя, гармонія.

14.

Воистину трудно проникнуть черезъ покровъ этой тройственной Божественной Майи[1]); приближающіеся ко Мнѣ проникаютъ черезъ нее.

15.

Творящіе зло, заблуждающіеся, низшіе среди людей, не приходятъ ко Мнѣ; майей[2]) лишенные мудрости, они предаются своей демонической[3]) природѣ.

16.

Есть четыре вида праведныхъ, поклоняющихся Мнѣ, о Арджуна: страдающіе, жаждущіе мудрости, ищущіе личныхъ благъ и мудрые, о Владыка Бхаратовъ!

17.

Ихъ всѣхъ превосходитъ уравновѣшенный и беззавѣтно преданный Мнѣ мудрый; воистинну Я дорогъ превыше всего и онъ дорогъ Мнѣ.

18.

Всѣ они благородны, но мудраго Я почитаю подобнымъ Себѣ; слившись со своимъ „высшимъ Я“, онъ не уклоняется отъ Меня, Верховнаго Пути.

19.

Въ концѣ многихъ рожденій исполненный мудростью приходитъ ко Мнѣ: „Васудева[4]) — все“, говоритъ онъ, достигшій рѣдкихъ качествъ Магатмы[5]).

20.

Тѣ, чья мудрость развѣяла желанія, обращаются къ инымъ источникамъ Свѣта[6]), исполняя внѣшніе обряды, соотвѣтствующіе ихъ собственной природѣ.

---

[1]) Тройственная Майя—это соединенная сила 3 Гунъ, увлекающая человѣка видимостью и субъективностью ощущеній.

[2]) Тоже.

[3]) Т. е. страстямъ, силамъ астральнымъ.

[4]) Одно изъ именъ Кришны, какъ сына Васудевы.

[5]) Магатма—великая душа, совершающая путь Богочеловѣческій.

[6]) Къ Свѣтозарнымъ.

21.

Я упрочу вѣру каждаго искренне вѣрующаго такого человѣка.

22.

Проникнутый этой вѣрой, онъ молится и получаетъ исполненіе своихъ желаній, которыя даруются воистину Мною.

23.

Воистину недолговѣченъ плодъ, принадлежащій неразумнымъ. Поклоняющіеся инымъ источникамъ Свѣта идутъ къ этимъ источникамъ, а возлюбившіе Меня идутъ ко Мнѣ.

24.

Лишенные мудрости думаютъ обо Мнѣ Непроявленномъ, какъ Проявившемся, не вѣдая Моей высшей Природы, непреходящей, исполненной превосходства.

25.

Скрытый въ моей творческой Майѣ[1]) не всѣми Я познанъ. Заблуждающійся міръ не знаетъ Меня, нерожденнаго, вѣчнаго.

26.

И прошедшія, и настоящія, и будущія творенія знаю Я, о Арджуна, но Меня никто не знаетъ.

27.

Благодаря иллюзіи двойственности, возникшей отъ притяженія и отталкиванія, о Бхарата, все сущее странствуетъ по вселенной въ полномъ заблужденіи, о Парантана![2]).

28.

Но люди чистыхъ дѣлъ, въ которыхъ прекратился грѣхъ, освобожденные отъ двойственности, поклоняются Мнѣ, вѣрные обѣтамъ своимъ.

---

1) За покровомъ видимаго міра пребываетъ Господь. Міръ называется Майей, иллюзіей, потому что онъ только покровъ Божества.

2) Парантана, совершенный въ tapas, т. е. въ подвигахъ.

29.

Во Мнѣ обрѣвъ пріютъ, они стремятся къ освобожденію отъ рожденія и смерти; они пришли къ познанію вѣчнаго [1]), и къ познанію своего „высшаго Я [2])" и всякаго дѣйствія.

30.

Познавшіе во Мнѣ великое познаніе: и элементовъ [3]), и Свѣтозарныхъ [4]) и жертвоприношенія [5]), тѣ, благозвучные въ душѣ, познаютъ воистину Меня въ часъ своего ухода [6]).

Такъ гласитъ славной Бхагавадъ-Гиты VII пѣснь, именуемая: Іога углубленнаго вѣдѣнія.

Перев. И. М. и Alba.

Начало непосредственности есть тишина; изъ нея родились Небо, Земля и всѣ явленія. Методъ Небо-Земли дѣйствуетъ постепенно; потому процвѣтаетъ двойственность, пассивное и активное начало чередуются и различныя превращенія (трансформаціи) являются ритмически.

Мудрый, святой человѣкъ знаетъ, что нельзя противиться Непосредственности и потому во всемъ, что онъ дѣлаетъ, онъ опирается на Тишину.

(„Изъ Іинъ—Фу—Кингъ", см. стр. 3).

---

1) Брамана.

2) Атма.

3) Адибхута.

4) Адидайва.

5) Познаніе черезъ внѣшній культъ и поклоненіе.

6) Ухода изъ тѣла, т. е. смерти.

Рихардъ Вагнеръ.

(Легенды о святомъ Граалѣ. Прелюдія Лоэнгрина. По Эдуарду Шюре *).

Je n'ai d'autres educateurs que l'art et la vie.
R. Wagner.

Обширная литература, посвященная Рихарду Вагнеру, могла бы составить цѣлую библіотеку. Въ городѣ Эйзенахѣ находится музей его имени, но врядъ ли все это можетъ такъ ярко обрисовать его личность, значеніе его творчества, всю глубину и силу его музыки и сюжетовъ его оперъ, какъ это сдѣлалъ Эдуардъ Шюре въ своей книгѣ „Richard Wagner, son oeuvre et son idèe“ (Le drame musical).

---

*) Рихардъ Вильгельмъ Вагнеръ родился въ Лейпцигѣ въ 1813 году, умеръ въ Венеціи въ 1883 г. Онъ учился музыкѣ въ Дрезденѣ. Великій музыкантъ и въ то же время поэтъ, тексты къ своимъ операмъ онъ писалъ самъ— это не простыя либретто, но настоящія литературныя произведенія, полныя необычайной драматической силы. Оперы сочиненныя имъ слѣдующія: „*Die Feen*“ „*La donna Serpente*“, „*Летающій Голландецъ*“, „*Тангейзеръ*“, „*Лоэнгринъ*“, „*Тристанъ* и *Изольда*“; трилогія „*Кольцо Нибелунговъ*“ (Золото Рейна, Валькиріи, Зигфридъ, гибель боговъ), „*Парсиваль*“ лебединая пѣсня Р. Вагнера. Кромѣ того онъ написалъ нѣсколько оркестровыхъ сочиненій, нѣсколько пѣсенъ съ фортепіано, много литературныхъ произведеній и критическихъ статей. Въ своихъ брошюрахъ „Die Kunst und die Revolution“, „Die Kunst der Zukunft“, „Oper und Drama“, онъ высказывается относительно причинъ упадка искусства. Онъ видитъ ихъ въ распаденіи міра искусства на отдѣльныя области и осуществляетъ мечту объединить ихъ, создавая музыкальную драму. Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ онъ выдвигаетъ текстъ музыкальной драмы, возстановляетъ значеніе, которое текстъ имѣлъ въ античной трагедіи. По мнѣнію Р. Вагнера только при совмѣстномъ дѣйствіи поэзіи съ искусствами можетъ быть достигнуто полное совершенство формы. Музыкальное достоинство оперъ Вагнера огромно, оркестръ онъ обогатилъ по отношенію къ благозвучности и полнотѣ звука. Біографическія подробности о Р. Вагнерѣ, также какъ и техническій разборъ его музыкальныхъ произведеній изложены въ книгахъ М. М. Adolfe Julien, Kufferat Alfred Ernst, Chamberlein, Nouffard, въ двухъ томахъ М. Глазенапа, М. Wolzogen и др.

Въ этой замѣчательной книгѣ, начинающейся съ личныхъ воспоминаній о Вагнерѣ, Э. Шюре, между прочимъ, называетъ его могущественнымъ волшебникомъ, имѣвшимъ власть пробуждать своей музыкой всѣ человѣческія чувства, и сравнивая его со „*свѣтоносцемъ*“, изображеннымъ на картинѣ однимъ художникомъ, онъ говоритъ: „темныя крылья и прекрасное лицо его погружены во мракъ, едва лишь слабый лучъ освѣщаетъ его печальное чело, обращенное къ безднѣ; но въ рукѣ онъ держитъ свѣтильникъ, который сіяетъ, какъ звѣзда, лучи ея проникаютъ далекія пространства...“ Этотъ образъ даетъ представленіе о Вагнерѣ и его геніи. Упоминая о колоссальной работѣ, выполненной имъ, Э. Шюре называетъ ее „геркулесовымъ трудомъ“. Преодолѣвъ непомѣрныя препятствія, Р. Вагнеръ проявилъ величайшую доблесть художника: вѣрность своему идеалу, которою онъ обладалъ до героизма, до самозабвенія. „Общій обзоръ его дѣятельности“, говоритъ далѣе Э. Шюре, „производитъ впечатлѣніе, аналогичное впечатлѣнію горныхъ высотъ: размѣры ихъ понятны только издали„.

Р. Вагнеръ—великій реформаторъ; нѣкоторые говорятъ про него, что онъ является заключеніемъ цѣлаго періода, другіе же болѣе дальновидные и способные признать сверхфизическія, еще неизвѣстныя силы человѣка, вѣрятъ въ то, что онъ есть указатель начала новаго цикла въ исторіи искусства. Новизна его твореній и значеніе его реформы заключаются въ характерѣ его произведеній, содержащихъ идеализмъ сверхчувственной мысли, связанной съ высшей силой выраженія жизни.

Въ творчествѣ Вагнера переходъ отъ оперы „Тангейзеръ“ къ „Лоэнгрину“ знаменуетъ духовный подъемъ его страстной земной природы, всецѣло выразившейся въ „Тангейзерѣ“ въ соблазнительномъ, языческомъ образѣ Венеры въ волшебномъ гротѣ. Но чистый образъ Елизаветы какъ бы на свѣтлыхъ крыльяхъ возноситъ духъ композитора къ лучезарнымъ эфирнымъ высотамъ.

Созерцаніе есть сокровенная мечта художника, но, достигнувъ ее, онъ жаждетъ отдать свое сокровище людямъ. „Едва я почувствовалъ себя въ этомъ блаженномъ одиночествѣ“, говоритъ Р. Вагнеръ, „какъ оно пробудило во мнѣ новое, непреодолимое желаніе, которое съ высотъ увлекаетъ насъ въ глубины, которое среди самаго чистаго сіянія небеснаго свѣта побуждаетъ насъ искать знакомую намъ тѣнь любви къ человѣчеству“.

Это желаніе то самое, которое побудило рыцаря Святого Грааля Лоэнгрина спуститься изъ лазурныхъ высотъ къ горячему сердцу земли и промѣнять свѣтлое царство блаженнаго покоя на

міръ борьбы среди людей.—Это стремленіе героя, генія и существа съ возвышенной душой, стремленіе отдать себя, свой покой и свое счастье смиреннымъ, кроткимъ, угнетеннымъ и тѣмъ, которые порывомъ души своей угадываютъ и узнаютъ ихъ".

Съ такимъ именно настроеніемъ Р. Вагнеръ, послѣ „Тангейзера", приступилъ къ творенію оперы „Лоэнгринъ", сюжетомъ для которой послужило кельтское сказаніе о Святомъ Граалѣ и Парсивалѣ, съ которымъ впослѣдствіи связывается легенда о рыцарѣ съ лебедемъ—Лоэнгринѣ, сынѣ Парсиваля.

Происхожденіе легендъ о „Святомъ Граалѣ".

Легенда о Святомъ Граалѣ одна изъ самыхъ значительныхъ средневѣковыхъ мистическихъ легендъ. Кельтское происхожденіе сказанія о чудотворной чашѣ вполнѣ доказано Вильмарке. Идея Священной чаши, наполненной магическими травами, дарующими мудрость и силу творчества,—идея чисто кельтская. Она потомъ одухотворилась подъ вліяніемъ христіанства и рыцарства и священная чаша стала Святою Чашею Таинства Евхаристіи, а Сила Ея,—даръ святости; обладаніе Ею—символъ высочайшей рыцарской доблести. Возможно, что измѣненіе этого сказанія совершилось при передачѣ его отъ Галловъ къ Норманамъ, оттуда—къ трубадурамъ, отъ нихъ въ Германію. Тамъ легенда приняла религіозно мистическій характеръ.

Легенды о Святомъ Граалѣ и Персивалѣ.

Средневѣковые повѣствователи и трубадуры говорятъ,
Что на востокѣ, быть можетъ въ Индіи далекой,
Есть въ самой глубинѣ страны высокая гора.
На самой вышинѣ ея надъ рощей кипарисовъ
Есть замокъ мраморный, а въ замкѣ лучезарный храмъ
Съ опаловыми колонадами, асбестовыми стѣнами,
Ониксовыми сводами; подъ ними носится благоуханіе алоя,
А въ глубинахъ его свѣтящихся аркадъ
Звучатъ невидимые хоры эфирныхъ голосовъ.
Тамъ рыцари живутъ и охраняютъ чашу,—Святой Грааль
Чудесъ великихъ онъ источникъ. Святая чаша эта та,
Въ которой на послѣдней трапезѣ своей съ учениками
Христосъ благословилъ вино и хлѣбъ.
Блаженный Іосифъ изъ Аримаѳеи въ нее принялъ Его Святую Кровь,
И чаша эта стала символомъ неизреченной чистоты Христа,
Его Любви и Его жертвы.
И человѣкъ, приблизившійся къ Ней, пріобрѣталъ великіе дары,
Но охранять ее могъ только непорочный.

По смерти Іосифа Святую Чашу вознесли ангелы на небо,
Но къ Титурелю, построившему храмъ
И основавшему въ немъ орденъ рыцарей, подобный темпліерамъ,
Они опять спустились съ неба, неся съ собой Святой Грааль
И поручили ему Чашу.
Достигнуть высоты Святого замка Монтсаваль
Возможно было только лабиринтомъ таинственныхъ тропинокъ и путей,
И рыцари, нашедшіе его, испытывали въ немъ высокое блаженство,
Но посвященье ихъ не ограничивалось высшимъ счастьемъ.
Оно готовило ихъ къ дѣятельной жизни и къ борьбѣ
И къ исполненію высокихъ миссій.
Являясь вѣстниками высшихъ силъ въ защиту слабыхъ,
Они всегда были увѣрены въ побѣдѣ, но лишь съ однимъ условіемъ:
Съ запретомъ называть себя.
Назвавшіе себя должны были вернуться въ святилище свое,
Ибо та сила, которая вліяла черезъ нихъ однимъ присутствіемъ своимъ,
Могла быть только принята на вѣру, не подвергаясь обсужденію.

Отъ Титуреля принялъ царство Парсиваль.
Воспитанный въ лѣсу своею матерью, (сестрою Титуреля)
Онъ не видалъ людей.
Чтобы спасти его отъ всѣхъ мірскихъ соблазновъ,
Она въ лѣсу его старательно скрывала,
И онъ все время проводилъ въ глубокомъ созерцаніи природы.
Но часто слыша слово „Богъ“ отъ матери своей,
Онъ спрашивалъ ее: „но кто же онъ?“
И мать отвѣтила ему:
„Все, что прекрасно въ мірѣ,—это Богъ“.
Однажды, встрѣтивши блестящихъ рыцарей въ лѣсу,
Онъ палъ предъ ними на колѣна и воскликнулъ:
„Скажите мнѣ,—кто изъ васъ Богъ!“
Но рыцари отвѣтили ему со смѣхомъ:
„Мы просто слуги короля Артура“.
Вернувшись къ матери, ей Парсиваль сказалъ,
Что ему страстно хочется стать рыцаремъ.
И не смотря на ея страхъ и горе, онъ снарядилъ коня,
Покинулъ лѣсъ и прибылъ къ королю Артуру.
Тамъ его встрѣтили радушно и вскорѣ оцѣнили высокія черты его характера.
Когда онъ принялъ рыцарское посвященье,
То по обычаю отправился скитаться по свѣту,
Чтобы исполнить подвигъ.
Однажды вечеромъ онъ достигаетъ замка.
Таинственно предъ нимъ открылись двери
И тамъ онъ встрѣтилъ старца, принявшаго его гостепріимно.
Во время трапезы,—увѣнчанныя чудными цвѣтами дѣвы
Проходятъ мимо нихъ, неся сверкающую драгоцѣнными камнями чашу.
Но Парсиваль изъ скромности не спрашиваетъ старца,
Ни имени его, ни смысла дивнаго видѣнья.
На другой день, проснувшись утромъ,

Онъ видитъ съ удивленьемъ, что замокъ совершенно пустъ,
И не узнавши ничего, задумчиво уходитъ.
Потомъ, гораздо ужъ позднѣй,
Онъ узнаетъ, что видѣлъ Монтсаваль и призванъ быть его царемъ.
Но только послѣ долгой жизни испытаній,
Достигнувъ совершенной чистоты,
Онъ вновь находитъ путь къ Святому замку
И Титурель его вѣнчаетъ тамъ на царство,
Провозгласивъ наслѣдникомъ своимъ.

Сказаніе о Лоэнгринѣ, сынѣ Парсиваля,
О свѣтломъ рыцарѣ неизъяснимой красоты
И несравненной доблести, гласитъ о томъ, что
Онъ приплылъ по синимъ волнамъ, изъ неземной, таинственной страны
На бѣломъ лебедѣ,
Чтобы спасти отъ клеветы невинное созданье—женщину,
Поставивъ ей единственнымъ условіемъ
Не спрашивать его, откуда онъ явился.
Она дала обѣтъ, онъ побѣдилъ ея враговъ и сталъ ея супругомъ.
Но любопытство женщины не устояло передъ тайной
И роковой вопросъ однажды былъ произнесенъ.
Тогда, съ невыразимою печалью, рыцарь, назвавъ себя,
Покинулъ вѣроломный міръ и возвратился
Къ таинственнымъ высотамъ Монтсаваля.

„Обобщая легенду о святомъ Граалѣ“, говоритъ Э. Шюре, „мы стараемся въ ней увидѣть истину, сокрытую за ея мистическимъ покровомъ. Она выражается стремленіемъ героя обрѣсти Святой Грааль, т. е. стремленіемъ къ благородному героизму, къ совершенному рыцарству, къ пламенно религіозному чувству. Всѣ легенды о Святомъ Граалѣ пополняютъ другъ друга и выясняютъ мысль рыцарскаго идеала. Мрачная дѣйствительность среднихъ вѣковъ пробудила грезы о далекомъ, свѣтломъ храмѣ добродѣтели, мужественной силы и чистоты, дѣятельной святости, свободной отъ всего монашескаго. Стремленіе обладать истиной души въ тихой обители надъ міромъ, въ крѣпости, защищаемой отъ всего злого и пошлаго, на вершинѣ земли, касающейся неба, есть еще стремленіе какъ бы земное, но Парсиваль, или исканіе Святого Грааля, представляетъ героическое стремленіе къ небесному, сперва наивное, потомъ сознательное и наконецъ совершенное это исканіе высшаго счастья совершается только путемъ страданія и битвъ.

Непорочный рыцарь Лоэнгринъ, рожденный въ этой высшей области, олицетворяетъ человѣка, который съ высоты блаженства

духовнаго созерцанія томится и вздыхаетъ о смиренномъ человѣчествѣ и стремится къ страдающимъ сердцамъ. Если образъ Парсиваля символизируетъ подъемъ человѣка къ идеалу, то Лоэнгринъ изображаетъ идеалъ, сходящій на землю и скорбно возвращающійся въ небо, разоблачивши свою тайну на землѣ.

Великій музыкантъ—драматургъ Вагнеръ остановился на второмъ фазисѣ этой легенды, выбравъ болѣе человѣческую и драматическую сторону ея *). Прелюдія Лоэнгрина единственная въ своемъ родѣ музыкальная страница. Она уноситъ насъ въ экстатической гармоніи звуковъ къ небесной области.

Съ первыхъ тактовъ, звуки скрипокъ поютъ pianisimmo мистическую тему на самомъ высокомъ своемъ регистрѣ и намъ уже кажется, что душа, освобожденная отъ всего земного, поднялась и паритъ въ дремлющемъ полѣ свѣтлаго эфира, испытывая полное блаженство. Потомъ она въ свѣтлыхъ волнахъ своей нѣжной любви постепенно опускается, вмѣстѣ съ религіозной темой все растущей звучности и силы, къ земной области, для того, чтобы погрузиться въ означенный океанъ чувствъ, выражающихъ могущество ея сверхчеловѣческой любви. Послѣ этого мгновеннаго слiянія, она вновь удаляется и, полная невыразимой грусти, прощаясь, возвращается къ недосягаемымъ высотамъ свѣтлаго эфира, чтобы остаться тамъ навѣки. Въ этой прелюдіи—продолжаетъ Эд. Шюре—композиторъ хотѣлъ открыть нашему чувству самую суть идеи Святого Грааля. Слушая ее съ этою мыслью, мистическая гармонія ея рождаетъ образы и передъ нами появляется видѣніе:

Въ свѣтлой долинѣ, на высотахъ Монтсаваля, посвященный молится. Восторженный взоръ его, полный сверхличнаго стремленія, обращенъ къ лазури неба.

Въ свѣтящихся небесныхъ глубинахъ тонкій эфиръ собирается въ невидимое облако, приковывая его взглядъ. Облачныя очертанія становятся видѣніемъ: сонмъ ангеловъ спускается на землю.

---

*) Послѣ оперы *Лоэнгринъ*, которая олицетворяетъ ту мысль, что идеалъ есть лишь мечта, Вагнеръ поддается пессимистическому вліянію философіи Шопенгауера и подъ этимъ вліяніемъ появляется опера „Тристанъ и Изольда" и его знаменитая *Трилогія*; но на склонѣ лѣтъ онъ снова становится лицомъ къ лицу съ проблемой, выраженной легендой о Святомъ Граалѣ, и онъ пишетъ поэму и музыку „Парсиваля". Это глубокое произведеніе благородно и достойно вѣнчаетъ всѣ его творенія. Г-нъ Эмиль Марсіе въ своемъ соч. „Parcival et l'idèe de la Redemption" (Фишербахъ 1893) прекрасно освѣщаетъ эзотерическую сторону этой драмы, сопоставляя христіанскую мистерію съ индусской философіей.

Прим. Эд. Шюре.

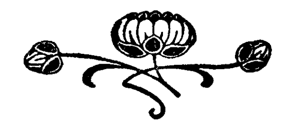
Золотыя облака благоуханія проникаютъ въ сердце ясновидца, наполняя его нѣмымъ восторгомъ. Мечи страданія и содраганія блаженства пронизываютъ его душу.

Ослѣпительно-лучезарные божественные геніи уже витаютъ близъ него и созерцаютъ смертнаго съ кроткимъ благоволеніемъ, Они несутъ Святую чашу, сіяющую пламенными лучами неизреченной любви.

Посвященный преклоняется и принимаетъ на главу свою огненное крещеніе рыцаря Святого Грааля.

Пламя огненнаго облака постепенно гаснетъ, сонмъ ангеловъ, вручивъ ему Святую чашу, возвращается къ лазурнымъ высотамъ, возносясь туда съ цѣломудренной улыбкой и взорами, все обращенными къ землѣ, постепенно исчезая въ свѣтящемся эфирѣ".

А. Унковская.



Истинное всегда отвѣчаетъ всему творенію. Истинное всегда обладаетъ Я.

Въ постоянномъ отвѣтѣ и постоянномъ безмолвіи есть постоянная чистота и покой.

Кто обладаетъ этой Чистотой и Покоемъ постепенно вступаетъ въ истинное Тао.

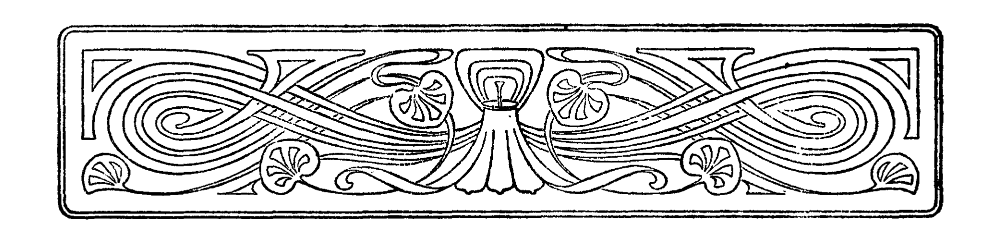
Вступившій въ истинное Тао именуется „Обладателемъ Тао".

Но хотя онъ и именуется „Обладателемъ Тао", онъ въ сущности ничѣмъ не обладаетъ.

Лишь тогда, когда онъ научился преображать все живое, онъ можетъ получить именованіе „Обладателя Тао".

Тотъ, кто въ состояніи это постигнуть, можетъ быть посвященъ въ Священное Тао.

(„Зерцало чистота", см. стр. 17).



Хроника Теософическаго движенія.

— Международный Теософическій Конгрессъ, назначенный на апрѣль 1911 г., въ Туринѣ, *переносится* на осень того-же года, сентябрь. Числа еще не назначены.

— Въ Вестбурнѣ (Норфолькъ, Англія), въ іюлѣ, были организованы Лѣтніе Теософическіе Курсы. Днемъ устраивались экскурсіи въ живописныя окрестности; утро посвящалось лекціямъ и изученію Тайной Доктрины Е. П. Блаватской; вечеромъ велись чтенія и бесѣды на религіозно-философскія темы. Матеріаломъ служили Бхагавадъ-Гита, Свѣтъ на Пути, Данте, Тао. Два вечера были посвящены вопросамъ искусства.

— Лѣтомъ д-ръ Р. Штейнеръ читалъ курсъ лекцій въ Вѣнѣ и въ Христіаніи. Въ августѣ онъ читаетъ въ Мюнхенѣ объ эзотеризмѣ Библіи. Къ этому времени готовится къ представленію Розенкрейцеровская мистерія.

— Открылось новое Теософическое Національное Общество: Шотландское, представителемъ котораго выбранъ Mr. Graham Pole. Молодое Общество имѣетъ уже 7 дѣятельныхъ центровъ и большое количество членовъ. Оно издаетъ свой органъ „Theosophy in Scotland“ (Теософія въ Шотландіи), редакторомъ котораго состоитъ генеральный секретарь, Г. Грээмъ Поль. Такимъ образомъ, въ настоящее время къ международному Теософическому Обществу примыкаетъ 17 національныхъ Обществъ.

— Теософическое Общество въ Англіи въ настоящемъ году потратило 33 ф. ст. (около 330 рублей) на разсылку „Теософиста“ въ 55 публичныя библіотеки и столько-же приблизительно на пропаганду его (газетныя объявленія *). 50 ф. ст. (500 р.) было по-

*) Кромѣ того было разослано безплатно 350 экз. Древней Мудрости въ публичныя библіотеки.

трачено на организацію публичныхъ лекцій въ тѣхъ городахъ, гдѣ движеніе еще слабо. На будущій годъ сумма эта будетъ удвоена въ цѣляхъ расширенія дѣла. Кромѣ того, 8 библіотечекъ, содержащія 30—35 книгъ каждая, и нѣсколько теософическихъ журналовъ были пожертвованы въ нѣсколько зарождающихся центровъ. Широко организована также дѣятельность безплатной летучей библіотеки, которая въ 1910 г. облетѣла 9 городовъ.

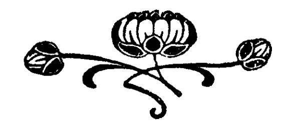
Въ самомъ Лондонѣ за истекшій сезонъ было организовано 11 публичныхъ лекцій (съ наймомъ большой залы) и кромѣ того, въ помѣщеніи Общества, еженедѣльно были собранія и бесѣды съ гостями.

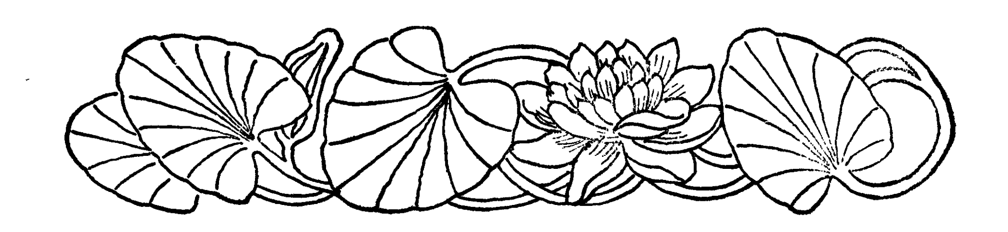
„Комитетъ Печати" при Т. О-вѣ въ Лондонѣ заботился о своевременномъ появленіи замѣтокъ и статей при пріѣздѣ лекторовъ, а также отчетовъ лекцій. Дѣятельность этого молодого учрежденія оказалась въ высшей степени полезной.

— Венгерское Теософическое О-во избрало своимъ представителемъ г. Липо Старкъ на мѣсто недавно ушедшаго г. Ю. Агостон'а. На помощь Венгерскому Обществу изъ Индіи пріѣхала г-жа И. Куперъ-Оклей.

— Въ Италіи при Теософическомъ О-вѣ открылись двѣ новыя лиги Ордена Служенія: „Лига силы Мысли" и „Лига распространенія теософической литературы". Первая Лига имѣетъ цѣлью работу самосовершенствованія; вторая стремится помочь читающей публикѣ ближе познакомиться съ идеалами Теософіи и дѣятельно распространяетъ Теософическія изданія.

Alba.





Обозрѣніе Теософической Литературы.

„Theosophist“ даетъ статью протестанскаго священника Скоттъ-Монкифъ: „Миссія Теософическаго Общества“. Авторъ смотритъ на Теософическое Общество, какъ на великій духовный союзъ, который долженъ спасти человѣчество отъ матеріализма и подготовить къ принятію Единой Вселенской Религіи, въ которой каждая изъ нынѣ существующихъ религіозныхъ системъ будетъ одной изъ граней Божественнаго Алмаза Истины.

Кончается статья А. Безантъ „Исламъ въ свѣтѣ Теософіи“. Авторъ неоднократно цитируетъ Коранъ и указываетъ на ноту широкой терпимости, звучащей въ словахъ Великаго Пророка: „Между Пророками нѣтъ разницы... Всѣ Пророки вѣрили въ Бога, Его ангеловъ, Его откровенія и въ Его посланниковъ. Мы не дѣлаемъ разницы между Его апостолами... Тому, кто вѣритъ въ Бога и Его апостоловъ, не дѣлая между ними различія, будетъ дана награда, ибо Богъ милостивъ и милосердъ“.

Въ біографическомъ отдѣлѣ идетъ очеркъ жизни генеральнаго секретаря Австралійской Секціи, г. Вильяма Джона. Онъ родился въ 1851 г. въ Лондонѣ и получилъ свое образованіе въ Англіи, но на 23-мъ году онъ уѣхалъ въ Индію, затѣмъ въ Новую Зеландію, гдѣ, рядомъ съ дѣлами, онъ усердно занимался изученіемъ Карелйля, Эмерсона и Рэскена. Въ 1885 году онъ основался въ Австраліи, въ Брисбанѣ. Здѣсь онъ впервые познакомился съ теософической литературой и присоединился къ теософическому движенію. Въ 1902 г. г. Джонъ былъ избранъ представителемъ Теософическаго Общества въ Австраліи и съ тѣхъ поръ отдаетъ всѣ свои силы движенію. Ему помогаетъ жена, Mis. Джонъ, которая успѣла занять видное мѣсто въ рядахъ теософовъ-работниковъ.

Въ статьѣ „Разрывъ въ покровѣ времени“ начато изслѣдованіе прежнихъ жизней нѣкоторыхъ выдающихся дѣятелей настоящаго времени, достигшихъ высокихъ ступеней Духовности.

Очеркъ Ч. Ледбитера „Центры силъ и огненный змѣй“ даетъ интересныя свѣдѣнія о пробужденіи Кундалини*) въ связи съ зарождающейся дѣятельностью новыхъ эфирныхъ и астральныхъ центровъ. Давая чрезвычайно интересныя подробности о признакахъ раскрытія этихъ могучихъ силъ, авторъ говоритъ объ опасности экспериментовъ, продѣлываемыхъ нѣкоторыми оккультистами съ цѣлью развить ихъ въ себѣ, и совѣтуетъ терпѣливо ждать часа естественнаго ихъ появленія, устремляя всѣ силы души на духовную работу. Онъ также указываетъ, что здоровье—необходимое условіе оккультной работы и что алкоголь и куреніе табака являются большими препятствіями для утонченнаго развитія нашихъ оболочекъ.

Въ популярномъ отдѣлѣ идетъ очеркъ А. Безантъ: „Карма“.

„Lotus bleu“ (Bevue Theosophique) даетъ начало рѣчи А. Безантъ „Общеніе между различными мірами“ и статью Ч. Ледбитера „О началѣ VI расы“.

Въ своей статьѣ А. Безантъ указываетъ на то, что сознаніе человѣка работаетъ свободно лишь въ тѣхъ мірахъ, въ которыхъ онъ развилъ соотвѣтствующіе проводники. Точно такъ какъ слѣпой не видитъ земныхъ предметовъ, человѣкъ астрально слѣпой не можетъ видѣть астральнаго міра, а человѣкъ съ раскрывшимся астральнымъ зрѣніемъ еще слѣпъ въ ментальномъ мірѣ. Сознаніе можетъ изучать каждый изъ міровъ, въ которыхъ тѣла могутъ служить ему окнами; онъ можетъ смотрѣть черезъ свое физическое, астральное или ментальное окно, но смотрящій и воспринимающій впечатлѣнія во всѣхъ этихъ случаяхъ одно и то же „я“.

„Bolletino della Societa Teosofica Italiana“ даетъ отчетъ дѣятельности Теософическаго Общества въ Италіи, письмо изъ Адіара В. Кирби, статью Ч. Ледбитера „Начало VI расы“ и хронику движенія.

„Adyar Bulletin“ даетъ рѣчь А. Безантъ „Въ защиту животныхъ“, очеркъ Адіара, К. Броунингъ, и статью Ч. Ледбитеръ „Центръ моего круга“.

Ч. Ледбитеръ указываетъ, что главное препятствіе къ духовной жизни лежитъ въ самости, которая изъ нашего „я“ дѣ-

---

*) Проявленіе на физическомъ планѣ электрической силы высшихъ плановъ. Это огненный змѣй или космическая огненная сила.

лаетъ центръ всѣхъ нашихъ помышленій и эмоцій. Пока человѣкъ такимъ образомъ является центромъ своего бытія, онъ воображаетъ себѣ, что онъ является центромъ и для другихъ. Онъ предполагаетъ, что все, что другіе говорятъ или дѣлаютъ, имѣетъ отношеніе къ нему, и это убѣжденіе является для него источникомъ безконечныхъ обидъ и огорченій. Чувство печали и подавленности — характерный признакъ того, что въ фокусѣ вниманія человѣка пребываетъ все еще его „я". Какъ только центръ передвинутъ и его „я" замѣнено образомъ Учителя, всѣ его тревоги умолкаютъ, ибо энергія его направлена не на сожалѣніе о себѣ, а на служеніе. Обыденный человѣкъ, сосредоточенный на себѣ и своихъ желаніяхъ, постоянно говоритъ: „Вотъ хорошее дѣло. Кому-нибудь слѣдовало бы имъ заняться. Но почему непремѣнно мнѣ?". Человѣкъ, перемѣстившій свой центръ выше, непремѣнно скажетъ: „Кому-нибудь слѣдуетъ заняться этимъ дѣломъ. Почему бы не мнѣ?". По мѣрѣ того, какъ человѣкъ развивается, его кругъ расширяется до безконечности. Будетъ время, когда снова онъ будетъ въ центрѣ, но это будетъ тогда, когда онъ сольется навсегда съ Божественной Жизнью Логоса, Центромъ всѣхъ круговъ вселенной.

Вышелъ № 1 новаго теософическаго журнала „Theosophy in Scotland" (Теософія въ Шотландіи), редактируемый г. Грэємъ Поль. Журналъ объявляетъ объ открытіи Шотландскаго Теософическаго Общества, даетъ подробныя свѣдѣнія о движеніи въ Шотландіи и открываетъ отдѣлъ „In other lands" (въ иныхъ странахъ) разсказомъ Е. Виндэстъ о первыхъ шагахъ Теософическаго Общества въ Голландіи.

Нѣмецкій журналъ „Isis", появившійся снова послѣ полугодоваго молчанія, даетъ въ № 5 переводъ статьи Alba „Энтузіазмъ и Фанатизмъ" *), лекцію А. Безантъ „Грядущій вѣкъ" и Ч. Ледбитера: „Высшая Жизнь".

„Theosophy in India" даетъ статью Сикера „О ростѣ Теософіи". Авторъ имѣетъ въ виду внутренній процессъ, черезъ который проходитъ каждый теософъ, стремящійся осуществить духовность въ жизни. По выраженію его: „по мѣрѣ того, какъ мы сами растемъ, растетъ и Тео-Софія въ насъ". Онъ останавливается на эпитетахъ, которые даются въ „Голосѣ Безмолвія" ищущему высшей жизни (начиная съ „ученика", „странника" „лэну" и кончая „Побѣдителемъ") и предлагаетъ вдуматься въ ихъ глубоко эзоте-

---

См. *) „Вѣстникъ Теософіи", февраль, 1909 г.

рическій смыслъ. Эпитетовъ 42. Они обнимаютъ собою весь творческій процессъ отъ человѣка до сверхчеловѣка.

Продолжается изложеніе „Ясна“ (части Авесты, Св. Писанія Парсовъ) съ подробными цитатами.

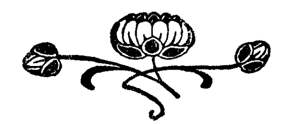
Г. Албарусъ разбираетъ пониманіе Бога у Канта, которое авторъ, въ связи съ идеей долга, считаетъ типичнымъ выраженіемъ героическаго отношенія къ жизни знаменитаго философа.

Статья Свами Айеръ посвящается Кришнѣ, а очеркъ М. Гайдари—эзотерическому Исламу.

„Lotus Journal“ даетъ лекцію А. Безантъ „Грядущій Христосъ“, астрологическую статью Б. Фойстеръ, разсказъ о приключеніяхъ неосторожнаго ежа и маленькую бесѣду о нравахъ утокъ

„Bulletin Théosophique“ даетъ отчетъ работы Теософическаго Общества во Франціи за истекшій годъ и сообщаетъ объ интересѣ Эсперантистовъ къ Теософіи. Недавно Общество Эсперантистовъ пригласило теософовъ на свое собраніе съ просьбой изложить основныя положенія теософовъ. Было нѣсколько рѣчей, послѣ которыхъ послѣдовали оживленныя пренія.

Alba.



Жизнь есть Корень смерти; смерть—корень жизни.

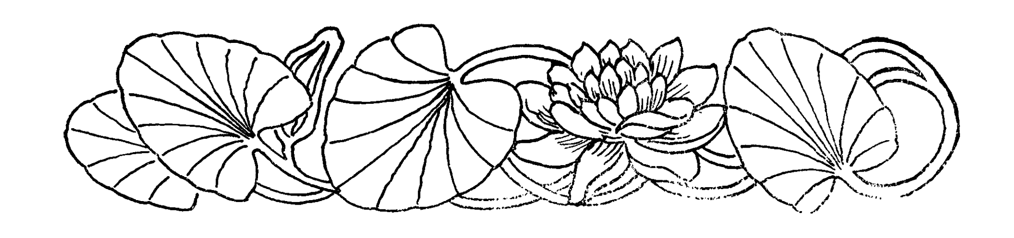
Глупцы изучаютъ природу и воображаютъ, что становятся мудрыми; я ищу просвѣтленія тѣмъ, что все дѣлаю въ должное время.

Люди считаютъ мудрость глупостью. Люди ищутъ мудрость необычайными методами.

Каждый человѣкъ можетъ понять, что вступать въ воду и огонь (т. е. достигнуть мудрости), это значитъ работать надъ уничтоженіемъ своего „я“ *).

(Изъ „Іинъ-Фу-Кингъ“, см. стр. 3).

*) Т. е. своего низшаго, малаго „я“.



Хроника жизни.

1 (14) апрѣля умеръ художникъ-страдалецъ Михаилъ Алексѣевичъ Врубель. Съ именемъ его неразрывно связанъ образъ Демона—павшаго ангела, пролетѣвшаго черезъ весь ужасъ жизни и разбившагося въ осколки... Врубель умеръ въ больницѣ душевнобольныхъ и, говорятъ, послѣдніе мѣсяцы онъ простаивалъ на колѣняхъ дни и ночи, вымаливая прощеніе за свою грѣховность. „Съ точки зрѣнія научной", говоритъ Бенуа въ своей статьѣ по поводу смерти Врубеля,—„это былъ лишь одинъ изъ случаевъ извѣстнаго „религіознаго помѣшательства". Мнѣ же кажется, что въ этомъ смиренномъ подвигѣ больного изнуреннаго слѣпца, въ этой пыткѣ, отъ которой у него совершенно отекали ноги, проявилось нѣчто большее. Слишкомъ много „подлиннаго" разлито во всемъ творчествѣ Врубеля, слишкомъ въ немъ много озаренія!.. Страшенъ гнѣвъ Божій, и на себѣ онъ чувствовалъ огромность этого ужаса, онъ, для котораго завѣсы Тайны были пріоткрыты, который какой то глубинной памятью помнилъ древніе завѣты и чудовищныя ослушанія... Врубель былъ больше, чѣмъ живописецъ,—это былъ пророкъ, ясновидѣцъ, демонъ... Смертью завершилась непонятная нашему уму трагедія, какое то огромное единоборство, кончившееся, такъ хочется думать, „возвращеніемъ блуднаго сына въ домъ отца своего"... Врубель былъ мученикъ своего проникновенія за рубежъ жизни, онъ былъ изъ тѣхъ людей, этическое сознаніе которыхъ превышаетъ „норму" и психонервозъ котораго является,—выражаясь словами такого же страдальца поэта-философа Ницше,—„мостомъ къ будущему!"

═ Въ первую недѣлю Великаго Поста, въ такъ называемую „недѣлю православія", ежегодно совершается обрядъ „анаѳематствованія". Въ этомъ году въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ, (кромѣ общаго, которое было произнесено и въ Петербургѣ) ана-

ѳематствованію подверглись два „братца"—Иванъ Колосковъ и Дмитрій Григорьевъ. Описывая этотъ обрядъ, Трегубовъ говоритъ: „Христосъ дѣйствительно сказалъ, что „если братъ твой не послушаетъ церкви, то да будетъ тебѣ какъ язычникъ и мытарь", но этимъ Онъ хотѣлъ сказать вовсе не то, что утверждаютъ всѣ эти анаѳематствованія, т. е. не то, что съ такимъ братомъ надо порвать общеніе. Напротивъ, такой именно братъ, какъ заблудившійся, особенно нуждается въ общеніи и участіи другихъ братьевъ".

Въ другой своей замѣткѣ онъ сообщаетъ, что Московскіе миссіонеры пускаютъ въ ходъ всѣ мѣры къ отлученію и Петербургскаго „братца Іоанна" Чурикова, но по настроенію прихожанъ видно, что анаѳема потеряла уже свою силу. Поэтому Петербургскіе миссіонеры противятся еще натиску Московскихъ противъ Ивана Чурикова.

У него же было еще интересное сообщеніе о крестьянинѣ Яросл. губ. Николаѣ Платоновѣ, который, будучи призванъ къ отбыванію воинской повинности, согласился отбывать ее въ нестроевой части, но отъ присяги и ношенія оружія отказался, ссылаясь на свои религіозныя убѣжденія. Отказался также и отъ чтенія молитвы за Царя, говоря, что признаетъ только „Отче Нашъ", такъ какъ она дана Богомъ. Платоновъ былъ преданъ суду; послѣ всѣхъ свидѣтельскихъ показаній онъ сказалъ только:—„Я хотѣлъ бы прочесть изъ Евангелія слова Христа о томъ, что мы должны любить всѣхъ, даже и враговъ своихъ, всѣмъ прощать, никому не воздавать зломъ за зло и никого не судить". Онъ былъ приговоренъ къ лишенію воинскаго званія и всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ исправительныя арестантскія отдѣленія на 3 года. Нѣкоторые единомышленники Платонова подали въ Государственную Думу заявленіе о томъ, чтобы для нихъ воинская повинность была замѣнена работами мирнаго характера, какъ это ужъ давно сдѣлано для нѣмецкихъ сектантовъ—„меннонитовъ". Было бы желательно, добавляетъ Трегубовъ, „чтобы это скорѣе было приведено въ исполненіе, чтобы людямъ, подобнымъ Платонову, была дана возможность служить своей родинѣ, согласно своей совѣсти.

— Въ „Новой Руси" въ отдѣлѣ „Въ мірѣ Мусульманства" сообщалось о широкомъ распространеніи среди современныхъ Персовъ лиги дервишей и бабизма—продукта философскаго мышленія великихъ людей. Дервишъ живетъ тамъ, гдѣ ему хорошо, обрабатываетъ землю... Когда осѣдлая жизнь ему надоѣстъ, онъ перекидываетъ черезъ плечо баранью шкуру, беретъ сумку для хлѣба,

посохъ, небольшую палатку и идетъ куда глаза глядятъ. Почти вся интеллигенція Персіи—дервиши или бабиты. Это—мистики, но мистики трезвые, устремившіе свои взоры одновременно и внутрь себя и на міръ, созданный Богомъ.—Захиръ-Эдъ-Доуле, дворецъ котораго былъ разрушенъ полковникомъ Ляховымъ и имущество разграблено,—сказалъ друзьямъ, посѣтившимъ его въ его несчастіи: „Вы говорите я—нищій? Да, но на свѣтъ я родился еще безпомощнѣе, тогда у меня не было даже одежды... Въ Тегеранѣ живетъ 80-лѣтній дервишъ Хаджебъ. Онъ—поэтъ, живетъ въ убогомъ жилищѣ, окруженный цвѣтами. Вскорѣ послѣ того, какъ въ городъ вошли революціонеры, старца посѣтилъ музыкантъ, сочинившій музыку къ гимну свободы, но не могшій найти для нея словъ;—старецъ лежалъ безъ чувствъ, онъ 3 дня не ѣлъ, но когда музыкантъ привелъ его въ чувство и далъ, что собралъ, ему поѣсть, старецъ, выкуривъ трубку гашиша, вдохновеннымъ взоромъ устремился въ пространство и изъ устъ его полились слова: „Я—дервишъ, царь міра, мнѣ не нужно ничего и жизнь моя полна радостей“...

= Духовные христіане—молокане—(сообщеніе въ газ. „Утренняя Звѣзда“, прогрессивномъ органѣ религіознаго пробужденія русскаго народа)—составляютъ коренной элементъ населенія г. Благовѣщенска и многихъ селъ и городовъ Амурской области. Они стоятъ во главѣ всѣхъ отраслей экономической и общественной жизни края. Пароходныя общества, лѣсная торговля, мукомольное дѣло и т. д.—организуются и управляются ими. Они имѣютъ свои печатные органы. Во время русско-японской войны молоканское общество отозвалось своими пожертвованіями на дѣло Краснаго Креста и т. п. При окончаніи войны молокане организовали широкую благотворительность для возвращающихся войскъ: раздавались сотни пудовъ хлѣба и провизіи. Для своихъ религіозныхъ нуждъ ими построенъ въ Благовѣщенскѣ молитвенный домъ. На открытіи этого дома была произнесена между прочимъ рѣчь Городскимъ Головой—это голосъ оффиціальной Россіи, открыто признающей заслуги молоканства, этой большой группы нововѣрія. Само празднество этого открытія является лучшимъ примѣромъ благодѣтельнаго вліянія религіозной свободы. Привыкнувъ подражать Христу въ гоненіяхъ, они продолжаютъ подражать Ему и на свободѣ. Они хотятъ обнять любовью весь русскій народъ, зажечь огонь христіанской любви въ душахъ всѣхъ своихъ соотечественниковъ и достигнуть великаго праздника примиренія, просвѣтленія и обновленія всего русскаго народа.

= 21 апрѣля въ Петербургѣ въ Александровской залѣ городской Думы состоялось открытіе перваго всероссійскаго съѣзда эсперантистовъ. Присутствовало свыше 700 человѣкъ. На съѣздъ прибылъ докторъ Л. Заменгофъ, основатель языка „Эсперанто". Была послана привѣтственная телеграмма Льву Толстому, одобрительно отозвавшемуся объ языкѣ, какъ способствующему сближенію всего человѣчества. (Центральное Правленіе Россійской Лиги Эсперантистовъ: СПБ., Невскій, д. № 40).

= Съ 21-го по 25 апрѣля въ Петербургѣ происходилъ первый съѣздъ по борьбѣ съ проституціей. Опираясь на многочисленныя данныя представленныхъ докладовъ, статистическія и медицинскія вѣдомости, ходатайства городовъ (Севастополя, Симферополя, Керчи и др.) объ уничтоженіи домовъ терпимости и свидѣтельства и твердое убѣжденіе представителей медицинской науки и медицинскаго совѣта, который еще въ 1900 году высказался за уничтоженіе домовъ терпимости (такъ какъ по всѣмъ даннымъ они не препятствуютъ, а наоборотъ, способствуютъ распространенію сифилиса),—съѣздъ принялъ слѣдующую резолюцію: „Принимая во вниманіе, что существованіе притоновъ разврата съ вѣдома и разрѣшенія правительства противорѣчитъ этическимъ воззрѣніямъ современнаго общества, подрываетъ въ глазахъ общества престижъ государства и затрудняетъ карать сводничество во всѣхъ его видахъ; что публичные дома способствуютъ распространенію сифилиса, порождаютъ и поддерживаютъ торгъ женщинами, усиливаютъ развратъ среди мужчинъ и женщинъ въ самыхъ утонченныхъ его формахъ, дезорганизуютъ окружающее населеніе и органы врачебно-полицейскаго надзора,—съѣздъ предлагаетъ просить общество защиты женщинъ возбудить передъ правительствомъ ходатайство о необходимости безотлагательно закрыть всѣ публичные дома". На засѣданіяхъ третьей секціи послѣ продолжительныхъ преній съѣздъ принялъ слѣдующую резолюцію, предложенную 8-ю женскими организаціями: „Въ виду того, что врачебно-полицейскій надзоръ за проституціей не достигаетъ цѣли въ санитарномъ отношеніи, закрѣпощаетъ женщинъ въ проституціи, увеличиваетъ число проститутокъ, дѣйствуетъ деморализующимъ образомъ на молодежь обоего пола, на все населеніе и на агентовъ надзора, унижаетъ и оскорбляетъ человѣческое достоинство женщинъ, секція постановляетъ ходатайствовать передъ правительствомъ и законодательными учрежденіями объ отмѣнѣ врачебно-полицейскаго надзора за проституціей. Секція высказывается также вообще противъ введенія спеціальнаго надзора за проститутками

съ санитарными цѣлями". Секціей принята также предложенная С.-Петербургскимъ женскимъ клубомъ и прочитанная А. С. Милюковой резолюція: „Регламентація проституціи, какъ недостигающая вызвавшихъ ее санитарныхъ цѣлей и посягающая на личную неприкосновенность женщины, должна быть немедленно отмѣнена, причемъ необходимо, одновременно съ уничтоженіемъ надзора, увеличить количество лечебныхъ пунктовъ для больныхъ сифилисомъ и венерическими болѣзнями, сдѣлавъ леченіе общедоступнымъ и безплатнымъ, но ни въ какомъ случаѣ не принудительнымъ". На съѣздъ было прислано характерное „прошеніе" отъ „63 женщинъ, занимающихся проституціей", въ которомъ говорилось—и совершенно справедливо,—что, если отъ нихъ требуютъ здоровья, то отчего же этого самого не требуется и отъ посѣтителей ихъ, а дозволяется безпрепятственно и безнаказанно заражать ихъ и дѣлать изъ нихъ въ будущемъ несчастныхъ калѣкъ? И онѣ просятъ „обсудить этотъ вопросъ и постараться устроить такъ, чтобы къ здоровымъ изъ насъ не допускать больныхъ посѣтителей, а требовать отъ нихъ здоровья наравнѣ съ нами". Вопросъ о проституціи охватываетъ общественную, семейную и личную жизнь и затрагиваетъ проблемы нравственности и вопросъ объ одинаковой половой этикѣ мужчинъ и женщинъ. „Вѣдь женщина не можетъ пасть одна и развратничать одна, а слѣдовательно и относиться къ мужчинѣ (такому же) снисходительнѣе, чѣмъ къ женщинѣ, по меньшей мѣрѣ несправедливо"... такъ говорилъ недавно умершій писатель Бьернсонъ, этотъ великій поборникъ единобрачія и одинаковаго цѣломудрія, какъ для женщинъ, такъ и для мужчинъ. Въ существованіи этого зла „спросъ" играетъ такую же роль, какъ и „предложенія". И кромѣ экономическаго уравненія мужчинъ и женщинъ, повышенія платы за женскій трудъ, введенія закона о нормальномъ отдыхѣ домашней прислуги и т. д. (не говоря ужъ о главномъ: этическомъ и физическомъ воспитаніи) громадную роль въ искорененіи этого зла играло бы уравненіе правъ отца и матери, право искать отца и требовать отъ него помощи для ребенка, не дѣлая никакого различія между такъ называемымъ брачнымъ и внѣбрачнымъ ребенкомъ.

═ 25 апрѣля были выслушаны доклады о проституціи дѣтей и о самоубійствахъ проститутокъ. Безъ преній соединенное засѣданіе приняло предложенную прив.-доц. М. А. Членовымъ резолюцію, въ которой говорится, что въ дѣлѣ борьбы съ проституціей и тѣсно связанными съ нею венерическими болѣзнями, нравственное оздоровленіе и воспитаніе молодежи играетъ громадную

роль. „Съѣздъ считаетъ своимъ долгомъ обратить вниманіе министерства народнаго просвѣщенія и другихъ министерствъ, имѣющихъ въ своемъ вѣдѣніи среднія учебныя заведенія, что разумное и осторожное ознакомленіе старшихъ воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній съ основами половой жизни и съ венерическими заболѣваніями настоятельно вызывается жизнью и является насущно необходимымъ, причемъ ознакомленіе это можно было бы производить, или вводя вопросы эти въ курсъ школьной гигіены, или путемъ прочтенія спеціалистами нѣсколькихъ лекцій, а также при помощи спеціально составленнаго для этой цѣли краткаго популярнаго руководства". Послѣ обсужденія вопроса о времени, мѣстѣ и программѣ слѣдующаго съѣзда (въ Москвѣ, въ 1912 года) предсѣдатель В. К. ф.—Анрепъ, указавъ на громадное значеніе съѣзда, объявилъ его закрытымъ.

═ XI-й Пироговскій съѣздъ. На соединенномъ засѣданіи секцій общественной и фабричной медицины большой интересъ вызвалъ докладъ д-ра Петровскаго (Кіевъ) по вопросу о неврастеніи народныхъ массъ въ Россіи. По даннымъ докладчика среди больныхъ селянъ оказалось неврастениковъ 26 проц., а среди болѣе культурныхъ въ общей массѣ горожанъ только 22 проц., и первое мѣсто занимаютъ мужчины, а не женщины. Сравнивая цифры съ данными иностранныхъ авторовъ о распространимости неврастеніи, докладчикъ пришелъ къ заключенію, что Россія въ этомъ отношеніи занимаетъ одно изъ первыхъ, если не первое мѣсто. Далѣе онъ отмѣчаетъ, что неврастенія и истерія все прогрессируютъ, и—что особенно характерно—ростъ числа больныхъ увеличивается по мѣрѣ наступленія „такъ называемаго успокоенія": въ моменты пережитаго нами духовнаго подъема число больныхъ психо-нервозомъ было или меньше, или болѣзнь переносилась легче. Затѣмъ были заслушаны два доклада о самоубійствахъ. Изъ изслѣдованныхъ случаевъ большинство оказались въ тѣсной связи съ общественными событіями и условіями нашей жизни. Среди нихъ первое мѣсто занимаетъ алкоголизмъ, за нимъ слѣдуетъ безработица, разочарованіе въ жизни и, наконецъ, непосредственно общественно-политическія условія, какъ напримѣръ, аресты, административный гнетъ, высылка (видное мѣсто занимаетъ въ этомъ ряду высылка евреевъ, какъ не обладающихъ правомъ жительства) и т. д. Ростъ числа самоубійствъ, какъ и распространеніе психо-нервозовъ, находится въ тѣсной связи съ наступленіемъ разочарованія, прежде чѣмъ успокоенія. Профессоръ Бехтеревъ указалъ на общія условія: дегенерація населенія, наслѣдственность,

тяжелыя экономическія и общественно-политическія условія. Расшифровывая свою формулу, проф. Бехтеревъ обращаетъ вниманіе на развитіе алкоголизма, на оторванность отъ своей среды, на школьный режимъ, общій гнетъ и на недостатки воспитанія, играющіе роль крупныхъ факторовъ въ развитіи эпидеміи самоубійствъ.

═ На послѣднемъ собраніи членовъ (28 апрѣля) была вынесена резолюція о привлеченіи родительскихъ комитетовъ къ изученію вопроса о школьныхъ самоубійствахъ и объ отмѣнѣ принудительныхъ экзаменовъ и системы отмѣтокъ. Послѣднее слово получилъ проф. Салазкинъ, который сказалъ: „Сейчасъ приходится молча переживать цѣлый рядъ явленій... Но есть явленія, о которыхъ умолчать мы не въ правѣ. Исходя не изъ политическихъ, а изъ чисто этическихъ побужденій, мы не можемъ не выразить своего негодованія и протеста противъ насильственнаго лишенія жизни кого бы то ни было!"

═ Изъ заграничной жизни. На конгрессѣ представителей свободныхъ церквей въ Гуллѣ (Англія) читался докладъ священника Томаса Филипса: „Новая психологія и практическая религія. Филипсъ возражаетъ въ немъ противъ „отождествленія подсознательнаго со Святымъ Духомъ", потому что глубоко лежащее „я" не святѣе поверхностнаго „я", но допускаетъ, что Св. Духъ „чаще всего вліяетъ на нашу жизнь черезъ наше подсознательное „я". Онъ находитъ, что ученіе Ницше и Бернарда Шоу, „его англійскаго представителя", выясняетъ три истины: что человѣкъ можетъ достигнуть большаго величія, чѣмъ онъ достигалъ до сихъ поръ; что сверхчеловѣческое можетъ проявляться лишь при повиновеніи той великой силѣ, что управляетъ вселенной, и что это сверхчеловѣческое становится само для себя закономъ. „Міръ нуждается въ сверхчеловѣкѣ", заявилъ Филипсъ, „христіанская церковь должна способствовать появленію сверхмужчинъ и сверхженщинъ". Этотъ докладъ очень характеренъ и свидѣтельствуетъ, что то новое религіозно-психологическое движеніе, которое еще не получило имени, не осталось безъ вліянія и на передовыхъ богослововъ Соединеннаго Королевства.

═ На третьемъ конгрессѣ общества борьбы съ венерическими болѣзнями (въ Мангеймѣ) д-ръ Бложно въ своемъ докладѣ указывалъ на то, что одно лишь разъясненіе вопросовъ половой жизни не сможетъ достичь полнаго успѣха, такъ какъ оно есть лишь одна изъ необходимыхъ ступеней соціальной педагогики и борьбы съ развратомъ. Цѣль сексуальной педагогики—діэтика души и тѣла въ самомъ широкомъ смыслѣ, проводимая съ первыхъ дней жизни ребенка. (Изъ журн. „Свободное воспитаніе").

= Въ Тенишевскомъ училищѣ Ѳ. Ф. Зѣлинскимъ была прочитана лекція на тему: „Идея Богочеловѣка въ греческой и германской сагѣ“ (Гераклъ и Зигфридъ). Зѣлинскій говоритъ, что идея Богочеловѣка присуща арійской вѣтви и совершенно отсутствуетъ у семитовъ. Представленіе о Богочеловѣкѣ совершило эволюцію въ античной религіи: изъ первоначальнаго представленія человѣка, равнаго богамъ—человѣко-бога—оно перешло въ Богочеловѣка. По преемственности идей лекторъ считаетъ античную религію ветхимъ завѣтомъ христіанства. Онъ показываетъ какъ мѣнялось представленіе о Богочеловѣкѣ у арійцевъ, сравнивая параллельно „Кольцо Нибелунговъ„ Рих. Вагнера. Сходство между Зигфридомъ и Геракломъ разительное, разница лишь въ именахъ и деталяхъ.

= Въ гинекологическомъ институтѣ была прочитана П. Д. Боборыкинымъ лекція на тему „Наука и мистика“. Онъ остановился главнымъ образомъ на теософіи западно-европейскаго толка, на явленіи „хлыстовства“, какъ образцѣ мистическихъ устремленій въ народѣ и на христіанскихъ догматикахъ, особенное вниманіе удѣливъ христіанскому раціонализму Льва Толстого. Онъ вскрылъ кажущуюся оторванность теософіи и христіанскаго раціонализма отъ твердой почвы научнаго мышленія, горячо призывалъ всѣхъ тѣхъ, кто вооруженъ цѣннымъ оружіемъ такого мышленія—и врачей—спеціалистовъ,—на энергичную борьбу противъ теософіи и ученій мистическаго оттѣнка. Но указалъ и на нѣчто свѣтлое въ этихъ ученіяхъ: нѣтъ грубыхъ представленій „возмездія“, наказанія, „страшнаго суда“, которыми насквозь пропитана старая религіозность официальной церкви.

= Въ засѣданіи религіозно-философскаго общества (Москва) С. Н. Булгаковъ прочелъ рефератъ „Апокалиптика, философія исторіи, соціализмъ“. Онъ сдѣлалъ противопоставленіе между Еврейской апокалиптикой, которая покоилась на вѣрѣ въ пришествіе Мессіи и въ тысячелѣтнее царство (хиліазмъ), и христіанствомъ, которое выдвинуло вѣру въ катастрофическую кончину міра и царство святыхъ перенесло съ земли на небо (хотя въ Іоанновомъ апокалипсисѣ и говорится тоже о царствѣ святыхъ на землѣ). Эта мысль о земномъ раѣ отчасти руководила народными движеніями въ средніе вѣка, въ эпоху реформаціи, во время англійской революціи, а затѣмъ получила уже свѣтскую окраску въ современномъ соціалистическомъ движеніи. Это движеніе, по мнѣнію референта, не можетъ удовлетворить ищущей человѣческой души.

Н. Т.

Письма къ читателямъ.

„Не для того же я страдалъ, чтобы собой, злодѣйствами и страданіями моими унавозить кому-то будущую гармонію. Я хочу видѣть своими глазами, какъ лань ляжетъ подлѣ льва и зарѣзанный встанетъ и обнимется съ убившимъ его . . . .
. . . .
Понимаю же я каково должно быть сотрясеніе вселенной, когда все на небѣ и подъ землею сольется въ одинъ хвалебный гласъ и все живое и жившее воскликнетъ: „правъ Ты, Господи, ибо открылись пути Твои!... Но вотъ тутъ-то и запятая, этого то я и не могу принять“.

Братья Карамазовы, гл. IV, Бунтъ.

Такими стонами души выражаетъ представитель русской интеллигенціи, Иванъ Карамазовъ, глубокій разрывъ современнаго сознанія, непримиримую рознь между запросами сердца и представленьями нашего „эвклидова ума“, между жаждой повѣрить въ Бога и Его правду и матеріалистическимъ пониманіемъ процесса жизни. Нигдѣ, ни въ одномъ литературномъ произведеніи, душевное смятеніе отъ этого разрыва не изображено съ такой страдальческой остротой какъ у Достоевскаго. Въ его душѣ этотъ разрывъ былъ особенно страшенъ: его горячее сердце тянулось къ Богу, съ мучительной тоской жаждало повѣрить въ высшій смыслъ жизни, а привычныя линіи мысли сводили все содержаніе жизни къ слѣпой механической силѣ, которая давитъ и разбиваетъ направо и налѣво, безъ выбора и смысла, часто самое прекрасное и цѣнное. Страданія невинныхъ дѣтей, хрупкость человѣческой жизни, *единственной*, которая не повторится уже *никогда*, гибель и страданія наиболѣе благородныхъ, неравенство и кажущаяся несправедливость всего, что творится на землѣ, и—болѣе всего—грѣховность и темнота человѣческой природы, вотъ рядъ мучительныхъ вопросовъ, которые европейское сознаніе не съумѣло разрѣшить, которое заставляетъ его разбиваться въ безплодныхъ попыткахъ найти на нихъ разумный отвѣтъ. Но дѣйствительно ли нельзя найти на нихъ отвѣтъ? Если бы это было

такъ, и человѣкъ навсегда былъ обреченъ стоять передъ неразгаданной тайной своей судьбы, та же тоска и то же неудовлетвореніе должны бы царить вездѣ, гдѣ существуетъ человѣкъ... А между тѣмъ, это не такъ. На востокѣ, не смотря на наличность тѣхъ же страданій и того же несовершенства, нѣтъ ничего похожаго на болѣзненную остроту нашихъ запросовъ, тамъ нѣтъ нашего безпочвеннаго висѣнія между небомъ и землей. И происходитъ это вслѣдствіе коренной разницы міросозерцанія современнаго Запада и древняго Востока. На сторонѣ Востока такое явное преимущество спокойнаго достоинства и яснаго самообладанія, что утерявшему равновѣсіе европейцу слѣдовало бы гораздо внимательнѣе и гораздо серьезнѣе отнестись къ тому, *что* даетъ такую цѣльность и равновѣсіе восточной мысли. Легкомысленно повторяемыя фразы о „фатализмѣ“ Востока, о его влеченіи къ небытію, къ непонятной „Нирванѣ“, не даютъ серьезнаго объясненія. Мы знаемъ, что и величайшіе мудрецы обладали ясностью и душевнымъ равновѣсіемъ.

Восточная мудрость не допускаетъ бунта потому, что совсѣмъ не признаетъ ни произвола, ни случайности; для нея самое бытіе немыслимо внѣ условія незыблемаго порядка, безъ котораго космосъ превратился бы немедленно въ хаосъ.

Для нея невозможны такія рѣчи: „Не хочу я гармоніи... Не стоитъ она слезинки хотя бы одного замученнаго ребенка... Не стоитъ потому, что слезки его остались неискупленными... И чѣмъ ты искупишь ихъ?... Неужто тѣмъ, что онѣ будутъ отомщены?... Но зачѣмъ мнѣ ихъ отмщеніе, зачѣмъ адъ для мучителей, что тутъ адъ можетъ поправить когда *тѣ уже замучены?* И какая же гармонія, если адъ? Я простить хочу, я обнять хочу, я не хочу, чтобы страдали больше“... И дальше выводъ: „Лучше ужъ я останусь при неотмщенномъ страданіи моемъ и неутоленномъ негодованіи моемъ, *хотя бы я былъ и не правъ.* Да и слишкомъ дорого оцѣнили гармонію, не по карману нашему... столько платить за входъ. А потому свой билетъ на входъ спѣшу возвратить обратно... Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билетъ Ему почтительнѣйше возвращаю“.

Если бы эти, какъ ядъ прожигающія слова, были особенностью одного Достоевскаго, не слѣдовало бы и ссылаться на нихъ. Но въ нихъ вылилась вся неудовлетворенность современнаго агностическаго міропониманія, вся зіяющая бездна, раздѣлившая нашу вѣру и наши идеалы отъ нашего ума и отъ явленій дѣйствительности. Болѣе двадцати лѣтъ, протекшія съ тѣхъ поръ,

какъ произносился этотъ мучительный вызовъ Богу, не улучшили нашего положенія; учащающіяся самоубійства указываютъ слишкомъ ясно на то, что мы *духовно не вооружены* для борьбы съ тяжелыми условіями нашего времени и для разрѣшенія назрѣвшихъ задачъ жизни. Отсюда и уклоненіе отъ этихъ задачъ всевозможными способами вплоть до прекращенія самой жизни.

Когда знакомишься съ религіозной мудростью Востока, становится понятнымъ, *почему* тамъ нѣтъ почвы ни для нашего отчаянія, ни для нашего безсилія. Прошу только моихъ читателей не забывать, что я вовсе не хочу возвеличивать Востокъ въ ущербъ Западу, или проповѣдовать браманизмъ и буддизмъ. На этотъ счетъ я высказывался уже много разъ: у каждаго народа и у каждой эпохи *свои* задачи, и намъ можетъ помочь не возвратъ къ прежнему, а притокъ новыхъ силъ, почерпнутый изъ общечеловѣческой сокровищницы, заимствованіе изъ нея того, что мы или забыли, или совсѣмъ не знали, занятые творчествомъ по совершенно другимъ линіямъ. Эта общечеловѣческая сокровищница принадлежитъ по праву столько же намъ, какъ и народамъ Востока; также какъ вклады въ ту же сокровищницу западно-европейскаго творчества принадлежатъ всему міру, а не намъ однимъ.

Попросивъ читателя имѣть эту оговорку постоянно въ виду, попробую—насколько это возможно въ нѣсколькихъ чертахъ—указать на источникъ глубокой разницы въ пониманіи самыхъ коренныхъ вопросовъ жизни на Западѣ и на Востокѣ.

Едва ли не самой главной причиной раскола въ современномъ европейскомъ сознаніи слѣдуетъ считать утерю эзотеризма въ христіанской религіи. Во всѣхъ остальныхъ религіяхъ мы находимъ—рядомъ съ открытыми ученіями,—предназначенными для руководства *всего* народа, и сокровенныя (эзотерическія) ученія, которыя приносятъ удовлетвореніе тому опередившему остальныхъ меньшинству, которое, подобно Достоевскому, стремится дойти въ своихъ исканіяхъ до самого источника наблюдаемыхъ явленій. Что такое же ученіе для наиболѣе поднявшагося меньшинства существовало и въ христіанствѣ, на это есть намеки и въ Евангеліи и особенно у апостола Павла, который сравнивалъ открытое ученіе съ молокомъ, пригоднымъ для младенцевъ, а сокровенное—съ твердой пищей, и говорилъ (1-е посл. къ Коринѳ. гл. 2-я, 6, 7, 8) о мудрости, которая проповѣдуется между *совершенными* *) и о „премудрости Божьей, тайной, сокровенной, которую никто изъ властей вѣка сего не позналъ“...

*) „Совершенными“ назывались посвященные въ эзотерическое ученіе.

Я не могу останавливаться на причинахъ исчезновенія эзотеризма въ христіанской церкви; это требуетъ большихъ специальныхъ знаній *), но мнѣ хотѣлось лишь указать на это исчезновеніе, какъ на одинъ изъ источниковъ совершившагося на Западѣ раскола между вѣрой и разумомъ. Одно изъ двухъ: или наука опередила религіозное откровеніе, что является явной безсмыслицей для вѣрующаго, либо ключъ къ истинному пониманію св. Писанія и его символизма утерянъ для западныхъ богослововъ. Допустить послѣднее необходимо: иначе мы никогда не поймемъ огромной разницы, которая существуетъ между нашимъ европейскимъ отношеніемъ къ загадкамъ человѣка и космическаго бытія и отношеніемъ къ тѣмъ же загадкамъ восточнаго сознанія. Происхожденіе человѣка, его мѣсто въ мірозданіи, его отношеніе къ Богу, самый процессъ его эволюціи въ трехъ мірахъ, его потустороннее существованіе и цѣль міровой жизни—на все это можно найти отвѣты въ эзотерическихъ ученіяхъ восточныхъ религій.

Другой причиной тяжелаго состоянія европейскаго сознанія является его оторванность отъ мірового единства. Оно сосредоточило все свое вниманіе на одномъ земномъ мірѣ, не видя его связи съ остальными мірами и не сознавая, что этотъ міръ лишь часть великаго цѣлаго, лишь переходъ къ болѣе совершеннымъ ступенямъ непрестанно развивающейся вселенской жизни; отсюда—невѣрное представленіе, что земля есть нѣчто *въ себѣ законченное*. Если бы это было такъ, и вся наша жизнь протекала на этомъ брошенномъ въ необъятное пространство вселенной клочкѣ сгустившейся матеріи, который сегодня есть, а завтра можетъ застыть или разсыпаться въ прахъ отъ слѣпого напора проносящейся кометы, было бы отъ чего притти въ отчаянье. Но попробуйте на тотъ же земной шаръ посмотрѣть какъ на *временное* мѣсто дѣйствія, гдѣ разыгрывается лишь одинъ изъ актовъ великой міровой драмы, свяжите его съ остальной вселенной такъ, какъ въ жизни человѣка *сегодня* связано съ *завтра* и *вчера*, попробуйте принять его какъ одну изъ страницъ великой Книги Жизни, дивный смыслъ которой закрытъ отъ насъ только потому, что сознаніе наше ограничено совершенно такъ же, какъ отъ дикаря закрытъ весь земной міръ, кромѣ его родной страны,—попробуйте вмѣсто „въ себѣ законченной" величины мыслить земную эволюцію какъ временное

---

*) Среди теософическихъ писателей многіе работаютъ надъ этимъ вопросомъ: Дж. Мидъ, д-ръ Штейнеръ, А. Безантъ, Кингсфордъ и др.

явленіе развивающагося процесса жизни, и вы увидите какъ измѣнится все ваше настроеніе. Совершенно то же и относительно отдѣльной человѣческой судьбы. Если считать одну земную жизнь несовершеннаго человѣка, въ которой столько непонятнаго и съ виду ненужнаго страданія, за единственную, тогда есть отъ чего притти въ отчаянье и заговорить языкомъ Ивана Карамазова. Но попробуйте взглянуть на ту же жизнь какъ на одинъ изъ безчисленныхъ эпизодовъ безсмертнаго опыта души, видимаго намъ только потому, что опытъ этотъ происходитъ на доступномъ намъ физическомъ планѣ въ моментъ нашего наблюденія; допустите, что помимо этого эпизода существуетъ необъятное поле опыта той же души, не видное для насъ, но въ которомъ и кроются всѣ причины наблюдаемыхъ нами временныхъ явленій,—и тогда исчезнутъ всѣ признаки *произвола и ненужности,* которые и зарождаютъ всю трагическую остроту европейскаго воззрѣнія на страданія. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть ужаснѣе „ненужнаго страданія?“ Это чувство возмущенія законное, потому что „ненужное страданіе“ обнаружило бы или безсиліе Бога, или жестокость Его. Но ненужныхъ страданій нѣтъ. Есть только временное невѣдѣнье истинной причины переживаемаго. Невѣдѣнье это отозвалось особенно тяжело на европейскомъ сознаніи, все вниманіе котораго было устремлено на видимости, на внѣшній покровъ явленій. Матеріализмъ западной мысли порвалъ всѣ тонкія нити, связывающія земной умъ человѣка съ его высшимъ сознаніемъ, его временное земное бытіе съ остальнымъ его бытіемъ, прошлымъ и будущимъ, онъ опустошилъ для насъ небеса и закрылъ передъ нами нашу собственную глубину; онъ свелъ всю этику западнаго міра къ ряду компромисовъ, приспособленныхъ для *низшей природы* человѣка, тогда какъ его высшія стремленія превратились въ какую-то мертвую идеологію, оторванную отъ жизненнаго творчества. Въ *матеріализмѣ европейской мысли* и кроется третья причина нашего трагическаго воззрѣнія на земныя испытанія.

Отчего нѣтъ этого трагизма на Востокѣ? Тамъ невозможны страдальческіе стоны и безсильный бунтъ Ивана Карамазова. Сохранившійся въ религіяхъ Востока эзотеризмъ, который не ограничивается тѣсными предѣлами „Эвклидова ума“, а проникаетъ въ невидимые міры и имѣетъ дѣло съ высшей логикой событій, даетъ ключъ къ самымъ мучительнымъ загадкамъ жизни. Ученіе о перевоплощеніи—въ его эзотерическомъ, глубокомъ толкованіи—разрѣшаетъ загадку о внутреннемъ неравенствѣ людей, а законъ

Кармы—причину страданій, черезъ которыя проходятъ и добрые и злые, и достойные, съ нашей точки зрѣнія, и недостойные.

Чѣмъ, въ дѣйствительности, вызывается страданіе? Ни чѣмъ инымъ, какъ *нарушеніемъ закона* природы, физической или духовной. Каждый разъ, когда человѣкъ страдаетъ, онъ переживаетъ послѣдствія такого нарушенія, и нарушеніе это *должно* быть возстановлено.

Когда дѣло идетъ о физическихъ законахъ, это ясно для всѣхъ: обожженная рука болитъ потому, что огонь разрушаетъ ея ткани, ударъ въ голову вызываетъ измѣненіе нормальной работы мозга и т. д.

Но прослѣдить послѣдствія нарушенія законовъ духа такимъ же непосредственнымъ наблюденіемъ возможно только для человѣка, способнаго къ самоанализу и углубленію: для чуткой совѣсти совсѣмъ не трудно, обозрѣвая каждый прожитый день, уловить тѣ или другія нарушенія законовъ духа, которыя *могутъ* повлечь за собой тяжелыя послѣдствія; или же, переживая страданія, доискаться причины этихъ страданій въ своихъ же прошлыхъ грѣхахъ. Но это возможно только относительно собственныхъ проявленій, мотивы которыхъ намъ извѣстны, и при томъ только въ *этой* послѣдней земной жизни. Если же взять *всю* судьбу человѣка, во всей ея полнотѣ, причины переживаемаго должны неминуемо ускользать отъ нашего сознанія, ибо въ моментъ наблюденія надъ тѣмъ, что мы считаемъ *незаслуженными* страданіями, человѣкъ переживаетъ послѣдствія того, что *онъ-же* совершалъ, но на протяженіи *невидимаго для насъ поля его жизни.* Его страданія—послѣдствіе имъ же нарушеннаго закона. И они необходимы, потому что иначе онъ не пришелъ бы къ *познанію закона.*

Мы вѣдь не негодуемъ что младенецъ падаетъ, ушибается и обжигаетъ себя, пока не узнаетъ, что нарушенное равновѣсіе опрокидываетъ тѣло, огонь—жжетъ, стѣна—отталкиваетъ и т. д. Мы знаемъ, что безъ такихъ, опытомъ добытыхъ знаній, человѣкъ не можетъ быть дѣятельнымъ въ условіяхъ земной жизни. И не негодуемъ на это потому, что причина, вызвавшая страданіе, намъ *видна.* Мы знаемъ, что это—нерушимый законъ, что въ немъ нѣтъ ни произвола, ни перемѣны, и мы удовлетворяемся этимъ.

И еслибы ту же увѣренность мы перенесли на все, происходящее въ мірѣ причинъ невидимыхъ, но не менѣе реальныхъ, чѣмъ причины видимыя, протесты въ духѣ Ивана Карамазова стали бы также непріемлемы, какъ протесты ребенка противъ ударившей его стѣны. Мы бы знали, что нарушая законъ по не-

вѣдѣнью и испытывая отъ того страданія, мы собираемъ тотъ драгоцѣнный опытъ, благодаря которому наша душа растетъ и достигаетъ той внутренней зрѣлости, когда вся ея дѣятельность приходитъ въ сознательную гармонію съ закономъ добра.

Прослѣдить этотъ постепенный ростъ души, какъ мы слѣдимъ за ростомъ ребенка, связать зарождаемыя самимъ человѣкомъ причины съ послѣдствіями, которыя обнаруживаются лишь черезъ длинные періоды, въ одномъ изъ послѣдующихъ воплощеній той же, собирающей опытъ, человѣческой индивидуальности,— возможно только тогда, когда сознаніе будетъ въ состояніи охватить всю земную эволюцію этой индивидуальности *) до конца. Подъ „концомъ" я разумѣю ненужность дальнѣйшихъ воплощеній выросшей въ полный возрастъ души, прекращеніе ея *земной* дѣятельности, переходъ къ дѣятельности на новыхъ планахъ жизни. Но это вовсе не означаетъ, что мы *никогда* не поймемъ всѣхъ внутреннихъ пружинъ нашей эволюціи, не узнаемъ той связи, которая существуетъ между невидимыми причинами и переживаемыми нами видимыми послѣдствіями этихъ причинъ. Для каждаго человѣка пробьетъ часъ, когда весь смыслъ его жизней— земныхъ и потустороннихъ—раскроется передъ нимъ во всемъ своемъ внутреннемъ единствѣ.

Но даже и теперь, вооружившись свѣточемъ эзотерическихъ ученій, мы можемъ принять вызовъ, брошенный потрясеннымъ сердцемъ, которое жаждало красоты и гармоніи и не видѣло ничего, кромѣ темноты и грѣха. Нѣтъ, не для того мы страдаемъ, „чтобы собой, злодѣйствами и страданьями нашими унавозить *кому то* будущую гармонію".

Утомительно и полно тяжелыхъ испытаній медленное восхожденіе человѣка; но въ этихъ усиліяхъ, въ этихъ страданіяхъ, въ этой непрестанной борьбѣ между животнымъ и божественнымъ полюсомъ создается его человѣчность, выковываются его силы, завоевывается его свобода. На самомъ низу, когда высшее сознаніе, черезъ которое говоритъ его божественная природа, еще не пробудилось, переживанія человѣка просты и несложны какъ у животнаго; на среднихъ ступеняхъ они усложняются и достигаютъ высокой степени напряженія и остроты, когда божественное и животное начало вступаютъ въ единоборство, когда поочередно побѣждаетъ то низшій полюсъ, то высшій, когда торжество звѣря

---

*) Прошу читателя не забывать разницу между „индивидуальностью" и „личностью", о чемъ была рѣчь въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ.

смѣняется тоской униженнаго бога. И такъ силенъ въ началѣ этотъ звѣрь, что еслибы жизнь была радостнымъ пастьбищемъ для него, а не долиной скорби, звѣрь развился бы въ свой полный размѣръ и убилъ въ нашей душѣ все человѣческое. А человѣческое необходимо какъ почва для развитія божественнаго, которое должно побѣдить и вступить во всѣ свои права на той вершинѣ, на которую поднимается все человѣчество.

Нѣтъ, не „кому то“ готовитъ своими страданьями человѣкъ „будущую гармонію“; онъ грѣшитъ, падаетъ, страдаетъ и проходитъ черезъ всю полноту земного опыта для того, чтобы свободно избравъ добро, какъ окончательный и незыблемый законъ своей жизни, участвовать своей безсмертной, въ огнѣ страданія созидавшейся индивидуальностью въ божественномъ творчествѣ, сознательно содѣйствовать его гармоніи.

Будь у человѣка одна животная природа или одна божественная, не было бы ничего подобнаго тѣмъ страданіямъ, которыя возмущаютъ сознаніе Ивана Карамазова. Въ первомъ случаѣ человѣкъ двигался бы безошибочно животнымъ инстинктомъ, во второмъ— божественной волей, но у него не было бы свободы. Въ силу же того, что человѣкъ обладаетъ внутренней свободой, онъ вѣчно колеблется между своими противоположными полюсами и эти колебанія, эти тренія, эта снова и снова возобновляющаяся борьба дѣлаютъ его творцомъ своего собственнаго содержанія, даютъ ему возможность дорости до самосознающей индивидуальности, безсмертной и способной къ самостоятельному творчеству. Вотъ свѣтлая цѣль, къ которой ведутъ наши трудныя земныя переживанія и въ нихъ—все оправданіе страданія.

Вся пытка разбивающейся въ темнотѣ мысли Ивана Карамазова происходитъ отъ того, что всѣ эти „обиженныя дѣтки“ и ихъ ненаказанные мучители воспринимаются его сознаніемъ безъ прошлаго и безъ будущаго, отъ того, что только обрывокъ человѣческой драмы проходитъ передъ ихъ глазами. Если бы онъ допустилъ на минуту, хотя бы какъ гипотезу, что у этого ребеночка съ его „неотмщенными слезками“ есть земное прошлое, въ которомъ онъ могъ быть повиненъ въ такихъ же мучительствахъ надъ беззащитными существами, и что переживаемыя имъ страданія въ *этой* его жизни есть неизбѣжное послѣдствіе имъ же нарушеннаго закона, правда котораго *должна* быть возстановлена; и что у того злого мучителя есть земное будущее, когда онъ на себѣ испытаетъ всю преступность обнаруженной имъ злой воли; если бы Иванъ Карамазовъ допустилъ эту возможность, передъ его

безсильно бунтующимъ сознаніемъ открылись бы совершенно новыя глубины и совершенно неожиданныя перспективы.

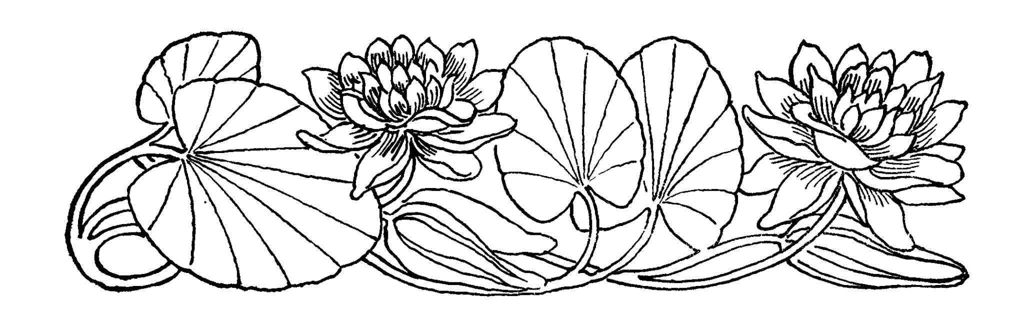
Не отмщеніе—въ темномъ земномъ смыслѣ разгнѣваннаго Бога—ожидаетъ мучителя, а нерушимый законъ справедливости, который поставленъ Богомъ, какъ необходимый результатъ въ великомъ океанѣ жизни, безъ чего вся она превратилась бы въ страшный хаосъ. Но въ приведенныхъ рѣчахъ вытравлена не только всякая вѣра въ высшій смыслъ жизни, но упразднена, и возможность какого-либо будущаго для человѣческой души. „Зачѣмъ мнѣ адъ для мучителя, что тутъ адъ можетъ поправить, когда *тѣ уже замучены*?“ Даже смутная мечта о безсмертіи, о возможности свѣтлаго будущаго для замученнаго—исчезаетъ, и загипнотизированное сознаніе не въ состояніи подняться надъ поразившимъ его эпизодомъ человѣческой жестокости. Прекрасно сознающій, что даже въ этой темной и мучительной жизни бываютъ мгновенія столь высокаго просвѣтленія, столь значительныхъ и огненныхъ переживаній, что за эти мгновенія „можно все отдать“, онъ здѣсь даже не допускаетъ ничего, могущаго возмѣстить физическій страхъ и физическую боль замученнаго тѣла. Не признавая никакого будущаго для души *навсегда замученнаго* ребенка, онъ не принимаетъ „возмездія въ безконечности, гдѣ нибудь и когда нибудь“, онъ требуетъ этого возмездія *„уже здѣсь на землѣ, и чтобы я его самъ увидалъ“*. И непремѣнно этими самыми глазами, которые, по его же признанію, совсѣмъ не помогаютъ понять смыслъ всего совершающагося. Весь трагизмъ европейскаго агностицизма, все его внутреннее безсиліе выразилось въ этихъ двухъ противорѣчащихъ одна другой фразахъ: *„хочу возмездія здѣсь на землѣ, и чтобы я его самъ видѣлъ“* и рядомъ: *„я простить хочу, я обнять хочу, я не хочу, чтобы страдали больше“*. Умный Иванъ Карамазовъ даже не замѣчаетъ, что, требуя зла за зло, страданія за страданіе, онъ тѣмъ самымъ дѣлаетъ уже навсегда невозможной свою мечту „простить, обнять и прекратить для всѣхъ и навсегда всякія страданія“. Сердцемъ онъ убѣжденъ, „что всѣ противорѣчія исчезнутъ какъ жалкій миражъ... и въ міровомъ финалѣ, въ моментъ вѣчной гармоніи случится и явится нѣчто до того драгоцѣнное, что хватитъ на всѣ сердца, на утоленіе всѣхъ негодованій, на искупленіе всѣхъ злодѣйствъ, всей пролитой людьми крови, хватитъ чтобы не только было возможно простить, но и оправдать все, что случилось съ людьми“... А умомъ, этимъ „жалкимъ эвклидовымъ умомъ“ своимъ онъ ничего не видитъ кромѣ оторванныхъ отъ единства

= Въ Тенишевскомъ училищѣ Ѳ. Ф. Зѣлинскимъ была прочитана лекція на тему: „Идея Богочеловѣка въ греческой и германской сагѣ“ (Гераклъ и Зигфридъ). Зѣлинскій говоритъ, что идея Богочеловѣка присуща арійской вѣтви и совершенно отсутствуетъ у семитовъ. Представленіе о Богочеловѣкѣ совершило эволюцію въ античной религіи: изъ первоначальнаго представленія человѣка, равнаго богамъ—человѣко-бога—оно перешло въ Богочеловѣка. По преемственности идей лекторъ считаетъ античную религію ветхимъ завѣтомъ христіанства. Онъ показываетъ какъ мѣнялось представленіе о Богочеловѣкѣ у арійцевъ, сравнивая параллельно „Кольцо Нибелунговъ„ Рих. Вагнера. Сходство между Зигфридомъ и Геракломъ разительное, разница лишь въ именахъ и деталяхъ.

= Въ гинекологическомъ институтѣ была прочитана П. Д. Боборыкинымъ лекція на тему „Наука и мистика“. Онъ остановился главнымъ образомъ на теософіи западно-европейскаго толка, на явленіи „хлыстовства“, какъ образцѣ мистическихъ устремленій въ народѣ и на христіанскихъ догматикахъ, особенное вниманіе удѣливъ христіанскому раціонализму Льва Толстого. Онъ вскрылъ кажущуюся оторванность теософіи и христіанскаго раціонализма отъ твердой почвы научнаго мышленія, горячо призывалъ всѣхъ тѣхъ, кто вооруженъ цѣннымъ оружіемъ такого мышленія—и врачей—спеціалистовъ,—на энергичную борьбу противъ теософіи и ученій мистическаго оттѣнка. Но указалъ и на нѣчто свѣтлое въ этихъ ученіяхъ: нѣтъ грубыхъ представленій „возмездія“, наказанія, „страшнаго суда“, которыми насквозь пропитана старая религіозность официальной церкви.

= Въ засѣданіи религіозно-философскаго общества (Москва) С. Н. Булгаковъ прочелъ рефератъ „Апокалиптика, философія исторіи, соціализмъ“. Онъ сдѣлалъ противопоставленіе между Еврейской апокалиптикой, которая покоилась на вѣрѣ въ пришествіе Мессіи и въ тысячелѣтнее царство (хиліазмъ), и христіанствомъ, которое выдвинуло вѣру въ катастрофическую кончину міра и царство святыхъ перенесло съ земли на небо (хотя въ Іоанновомъ апокалипсисѣ и говорится тоже о царствѣ святыхъ на землѣ). Эта мысль о земномъ раѣ отчасти руководила народными движеніями въ средніе вѣка, въ эпоху реформаціи, во время англійской революціи, а затѣмъ получила уже свѣтскую окраску въ современномъ соціалистическомъ движеніи. Это движеніе, по мнѣнію референта, не можетъ удовлетворить ищущей человѣческой души.

Н. Т.



Письмо изъ Англіи.

По независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, мнѣ приходится отложить намѣченную тему. Но развѣ намъ нужно непремѣнно выбирать обще-европейскіе сюжеты? Развѣ не накопилось въ русской душѣ много такого, о чемъ намъ необходимо столковаться? Долго мы молчали, такъ долго, что стало казаться какъ-будто каждый изъ насъ уника, и что то, что волнуетъ нашу душу, есть наша индивидуальность и никому до нея дѣла нѣтъ. Такъ ли это?

Вотъ я и хочу напустить на себя смѣлости и высказать то, что робко жмется въ сторонкѣ, боится суда людскаго, боится холоднаго, морознаго вѣтра и критики. Смѣлость мнѣ даетъ та мысль, что на страницахъ „Вѣстника Теософіи" я среди друзей. Если и послѣдуетъ критика, то только для разъясненія заблужденія, для розысканія истины. Да, не зачѣмъ намъ больше держать на душѣ потемки. Нечего бояться впустить свѣтъ. Гдѣ свѣтло, тамъ и правда.

То, что я хочу разсказать, случилось въ моей собственной жизни. Оно появилось сначала какъ цвѣтная нить, которая стала входить въ ткань моей жизни, затѣмъ къ ней стали приплетаться другія и наконецъ эта развернувшаяся ткань запестрѣла всевозможными цвѣтами.

Мнѣ всегда казалось, что знаменитые отчеты Общества Психологическихъ Изслѣдованій (Psychical Research S-ty) никогда никого не убѣдятъ въ подлинности посмертной жизни, такъ какъ сухой перечетъ феноменовъ, полученныхъ съ помощью медіума,

Примѣчаніе къ „Письму изъ Англіи". По поводу фотографіи, о которой говоритъ авторъ, въ настоящее время въ Англіи предпринялъ серьезное изслѣдованіе G. Coates. Его книга выйдетъ на дняхъ.

представляется какими то отрывками изъ чьихъ то незнакомыхъ намъ жизняхъ безъ начала и конца, не освѣщенными ни однимъ лучемъ, связующимъ эти феномены и эти жизни. Тѣ психическія переживанія, о которыхъ я хочу разсказать, были такъ тѣсно связаны съ моей духовной жизнью, такъ ясно вытекали одно изъ другого, словомъ были одной и той же жизнью, что я не смогла бы разсказать то, что считается сверхнормальнымъ, не въ связи съ тѣмъ, что называется нормальными явленіями жизни, хотя, въ видахъ краткости, не стану вдаваться въ подробности.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, послѣ пробужденія моей души (о которомъ вскользь упомянуто было въ первомъ письмѣ), я долгое время находилась въ мучительныхъ поискахъ самыхъ важныхъ для человѣческой души истинъ; во мнѣ происходила такая ломка, что не только душа, но и тѣло страдало. Одна изъ моихъ корреспондентокъ, угадывая мое мучительное состояніе, дала мнѣ совѣтъ побывать у ясновидящей и дала мнѣ адресъ, говоря, что честность и подлинность ея ей лично и давно извѣстны. Много говорятъ о томъ, что ясновидящіе пользуются телепатіей, т. е. говорятъ то, что читаютъ въ умѣ кліента. Поэтому я должна упомянуть, что пошла я довольно неохотно. Съ той поры, какъ я обратилась къ ясновидящей съ просьбой назначить мнѣ день и часъ свиданія, прошло двѣ недѣли и въ моей жизни произошли разныя событія семейнаго характера, которыя меня сильно потрясли. Мысли мои были исключительно обращены на жизнь дорогихъ для меня людей.

До этого дня, литература спиритуализма мнѣ была очень мало знакома, а съ ясновидящими я никогда не встрѣчалась. Если бы не серьезныя событія, о которыхъ я упоминала и которыя поглощали все мое вниманіе, этотъ визитъ, вѣроятно, далъ бы мнѣ много интересныхъ наблюденій.

Повидимому въ домѣ ясновидящей все было совершенно обыденнаго, слегка буржуазнаго свойства. Горничная съ обычной бѣлой наколкой на головѣ и въ черномъ платьѣ отворила дверь, за ней прибѣжала маленькая, очень толстая и запыхавшаяся собачка, послѣ чего я водворена была въ гостиной.

Но вотъ и она, пожилая, хорошо одѣтая женщина, съ лицомъ крестьянскаго типа, очевидно шотландка. Ея глаза были довольно некрасивы, сѣрые и не глубокіе, но все выраженіе лица дышало неподдѣльной добротой. Она взяла меня за руку и сказала: дай Боже мнѣ проникнуть въ вашу сферу и помочь вамъ. Я вижу вы нуждаетесь въ помощи.

Долго было бы передавать весь сеансъ. Я ожидала, что она схватитъ тѣ горькія мысли о живыхъ людяхъ, которыя наполняли меня, но, къ великому моему удивленію, она начала весьма подробно описывать стараго джентльмэна, въ которомъ я весьма скоро узнала моего отца, умершаго много лѣтъ тому назадъ и о которомъ, должна сказать откровенно, я вспоминала все рѣже и рѣже. Прибавлю также, что за нѣсколько времени до этого, когда я убѣдилась, что смерть есть лишь рожденіе въ другой сферѣ и стала признавать возможность существованія за предѣлами смерти, я все же мало интересовалась тѣми изъ моихъ родныхъ и друзей, которые раньше меня переселились. Мнѣ казалось, что между нами не можетъ существовать ни малѣйшей интеллектуальной связи. Я сравнивала развитіе моей души въ настоящемъ съ моментомъ ихъ ухода. Сколько воды утекло. Какъ измѣнились взгляды, какъ устарѣло то міровоззрѣніе, когда они участвовали въ этой земной жизни. Теплое воспоминаніе, вотъ все, что я находила въ своей душѣ. И вотъ образъ моего талантливаго отца, какъ живой, возстаетъ въ словахъ ясновидящей и я съ каждымъ новымъ словомъ убѣждаюсь, что и онъ жилъ и развивался и не терялъ связи со мной, что ему знакомы мои сложныя мысли и сомнѣнія. Мнѣ кажется я за эти минуты переживала года. Эти немногіе моменты душевнаго столкновенія открыли мнѣ болѣе, чѣмъ сотни томовъ спиритуалистической литературы. Никакихъ сомнѣній быть не могло. Я находилась въ домѣ незнакомой мнѣ женщины, которая едва ли знала мою національность, никогда не слыхала моего имени и между тѣмъ говоритъ о такихъ подробностяхъ русской жизни и быта, которыя во мнѣ сразу будятъ память и сознаніе.

„А вотъ и еще я вижу другое лицо“, говоритъ ясновидящая. „Какое доброе, славное лицо! Онъ очень большого роста, отлично сложенъ, настоящій богатырь“. (Описываетъ всѣ подробности лица, и я безъ труда узнаю брата, умершаго лѣтъ 20 тому назадъ, въ одномъ изъ сибирскихъ этаповъ, на возвратномъ пути въ Россію). Надъ нимъ я вижу литеру, не могу разобрать имя, но литера *И*. (начальная буква имени моего брата). Онъ киваетъ и улыбается. „Да, да, они думали, что прикончили меня, а я, вотъ онъ! Живъ и здоровъ. Я часто съ тобой“!..

Вотъ, что положило первое начало того процесса, который потомъ разросся и захватилъ тѣ силы душевныя, которыя остались нетронутыми долгими годами матеріализма. Я возвращалась домой въ глубокой думѣ. Если нѣтъ сомнѣній въ правдивости ясновидящей... вѣдь это должно измѣнить всю мою жизнь.

Каждый шагъ принимаетъ новое значеніе. Шутка ли—измѣняется все міровоззрѣніе. То, что мы считали исключительно вѣрнымъ—оказывается лишь недостаточнымъ зрѣніемъ. Жизнь—*безконечна*—вотъ они эти непреложныя доказательства, реальныя, неотразимыя въ моихъ собственныхъ рукахъ. Они разливаются горячей струей въ сердцѣ, и та дѣтская вѣра, полная поэзіи и теплоты, снова возможна, хотя искалѣченная душа и трепещетъ отъ громадности нахлынувшихъ впечатлѣній.

Послѣдующія недѣли были періодомъ постепеннаго примѣненія духовныхъ воззрѣній къ открывшейся внезапно реальности, постепеннымъ просвѣтленіемъ души, любовнымъ отношеніемъ ко всему человѣчеству, а въ частности—ко всѣмъ окружающимъ. Въ умѣ мелькало удачное выраженіе Сэра Оливера Лоджъ:

„Граница между двумя состояніями, настоящимъ и будущимъ, все еще непроницаемая стѣна, но мѣстами она даже становится тоньше. Подобно строителямъ туннеля съ двухъ сторонъ, среди грохота воды и другихъ звуковъ, мы начинаемъ различать явственные удары кирки нашихъ товарищей по ту сторону“...

Да, темная, страшная стѣна становится прозрачной и, вмѣсто страха, сулитъ новую, лучшую жизнь, полную труда и совершенствованія, жизнь идеальную въ сферѣ заповѣданной: „люби ближняго, какъ самого себя“.

За это время интенсивной духовной работы было не мало разныхъ проявленій, которыя люди называютъ сверхнормальными, такъ какъ они не видятъ внутренней тѣсной связи этихъ явленій съ жизнью души. Когда нибудь я могу подѣлиться ими, но въ настоящемъ письмѣ мнѣ хочется выяснить главнымъ образомъ постепенное развитіе дремавшихъ до того способностей, которыя живутъ можетъ быть въ каждомъ человѣкѣ, загнанныя, отвергнутыя и непризнанныя. Потому приходится ограничиться лишь тѣми явленіями, которыя прямо касаются моей темы.

Спустя нѣсколько недѣль, моя ясновидящая, которую очень тронуло мое дружеское и благодарное отношеніе къ ней, пригласила меня къ себѣ на чай и когда я пріѣхала, сообщила, что у одного изъ ея коллегъ собирается сегодня митингъ. „Все будутъ медіумы, прибавила она, съ цѣлью устроить подписку для одной старушки, которая всю жизнь свою всѣмъ спиритуалистамъ помогала, а теперь живетъ въ большой бѣдности. Хотите, я васъ туда свезу и, вмѣсто вечера вдвоемъ, мы проведемъ его въ обществѣ очень интересныхъ людей“. Я согласилась.

Дождь лилъ какъ изъ ведра и мы взяли кэбъ. Я и до сихъ поръ не знаю, въ какой части города мы были. Когда кэбъ остановился у дома, какихъ сотни тысячъ въ Лондонѣ, мы подъ дождемъ проскользнули, какъ можно скорѣй, по лѣстницѣ, дверь сейчасъ же отворилась, обычная узкая передняя была уже полна народа, я едва разслышала имя хозяина, который встрѣтилъ насъ у самой двери. „Русская? а это очень хорошо. Позвольте Вамъ представить г-на Питерсъ, онъ обожаетъ Россію и русскихъ". Съ г-номъ Питерсъ я успѣла обмѣняться лишь нѣсколькими словами, такъ какъ мы спѣшили пойти на верхъ, снять верхнее платье. Спустившись въ гостиную, мы нашли ее уже полную гостей. Не оставалось и вершка свободнаго. Сидѣли вплотную на чемъ попало. „Неужели это все медіумы", думала я, „неужели эти способности проникать въ невидимый міръ такъ широко распространены; немудрено, что и въ самомъ дѣлѣ, мы придемъ къ тому, что этотъ рѣдкій даръ сдѣлается обычной способностью каждаго человѣка". Вдали я замѣтила моего новаго знакомаго г-на Питерсъ; онъ, повидимому, былъ общимъ другомъ, общимъ любимцемъ. Послѣ рѣчи хозяина и описаній, сдѣланныхъ моей ясновидящей, всталъ Питерсъ. Онъ сразу указалъ на меня и заговорилъ очень быстро: „Около Васъ, положа на плечо руку, стоитъ старый господинъ (описываетъ наружность очень подробно и я узнаю отца). Онъ аристократъ съ головы до ногъ. Онъ привыкъ повелѣвать и не привыкъ къ противорѣчію, но сердце его очень доброе. Онъ радуется возможности послать Вамъ привѣтъ. (Тутъ Питерсъ зашагалъ черезъ скамьи и стулья ко мнѣ). Я долженъ пожать Вашу руку (беретъ меня за обѣ руки и крѣпко жметъ). У Васъ есть въ спальнѣ икона? Молитесь передъ ней и тогда онъ будетъ съ Вами. Онъ часто съ Вами и слѣдитъ за Вашей жизнью. Онъ даетъ мнѣ знакъ (Питерсъ смотритъ внимательно и три раза крестится непривычной рукой, но видимо повторяя движеніе, которое видитъ). Онъ говоритъ: „да, ты не даромъ пріѣхала въ эту страну, и то, что ты узнала, есть истина, истина" (is right, is right, is right) *).

Вотъ и еще доказательство. Я упоминаю фамилію этого ясновидящаго, такъ какъ онъ впослѣдствіи былъ въ Петер-

---

*) Послѣ этого описанія онъ даетъ еще другое. Я не узнаю. Онъ совѣтуетъ мысленно вернуться къ днямъ молодости и затѣмъ называеть русское имя и отчество, что для англичанина очень трудно. Я и тогда не узнала и только черезъ годъ нашла въ памяти этого человѣка и вспомнила ту роль, какую онъ игралъ въ моей жизни.

бургѣ и въ Москвѣ и многіе убѣдились въ его необыкновенномъ дарѣ ясновидѣнія.

Какъ я упоминала и выше, проявленія посмертной жизни стали входить въ мою жизнь въ той или другой формѣ, но и этихъ двухъ описаній достаточно, чтобы выяснить направленіе вновь проснувшихся душевныхъ силъ. Эти проявленія падали, какъ роса въ засуху. Душа изголодалась на пищѣ холоднаго матеріализма, при которомъ ростъ вверхъ и вширь былъ задержанъ, хотя, быть можетъ, корни тѣмъ крѣпче утвердились.

Казалось тогда, что тѣло не выдержитъ страданій, которыя причиняла эта ломка всего существа. Я не говорю уже о томъ ужасѣ моихъ русскихъ друзей, который выражался и насмѣшками и презрѣніемъ, и жалостью—все это блѣднѣло передъ тѣми коренными переживаніями, проблесками свѣта сегодня и жестокими сомнѣніями завтра, которые наполняли и переполняли душу за этотъ періодъ, которые странно было бы считать мѣсяцами, или годами. Всѣ эти переживанія происходили не „во времени". Моя занятая жизнь не позволяла мнѣ частое участіе въ сеансахъ. Кромѣ того, я вносила въ эти минуты столько благоговѣнія, что не всегда могла себѣ даже позволить идти на сеансъ, какъ люди идутъ въ концертъ или театръ. Большинство собраній такого рода, въ особенности научныхъ и спеціальныхъ, для тѣхъ, кто серьезно изучаетъ эту сферу, обыкновенно устраиваются между 3-мя и 5-ю час. пополудни, и поэтому для меня недоступны. Но случилось разъ такъ, что собралось около 20 человѣкъ вечеромъ въ домѣ одной знакомой ясновидящей и я поспѣшила заручиться позволеніемъ участвовать.

Всѣ описанія, которыя я получала, я всегда записывала въ тотъ же вечеръ, иногда даже въ поѣздѣ на возвратномъ пути, чтобы какъ можно точнѣе занести все сказанное. На этотъ разъ я даже сдѣлала планъ сидѣвшихъ участниковъ въ своей записной книжкѣ. Но здѣсь передамъ то, что касалось лично меня, вкратцѣ.

Ясновидящая сидѣла у камина, передъ ней былъ маленькій столикъ. Во время краткой рѣчи предсѣдателя она впала въ трансъ и я была поражена перемѣной голоса и манеръ. Сама ясновидящая была высокая, полная, довольно неповоротливая женщина. Голосъ и выраженіе лица большею частью серьезные и съ религіознымъ оттѣнкомъ. Насъ теперь привѣтствовалъ молодой, серебристый голосъ. Очевидно, всѣ собравшіеся знали ее и радостно отвѣчали ей, называя ее по имени „Солнечный лучъ"

(Sunshine) *). Она обратилась сначала къ старому джентльмену налѣво, въ самомъ отдаленномъ углу комнаты.

Такъ какъ это было далеко отъ меня и я еще не пришла въ должное, сосредоточенное настроеніе (меня безпокоилъ сквознякъ изъ полуоткрытой двери, какъ разъ за моей спиной, и я потихоньку пробралась къ ней и затворила и все мое вниманіе было обращено на то, какъ бы не обезпокоить другихъ и не нарушить тишины и спокойствія). Когда я вернулась на свое мѣсто, ясновидящая описывала видимую ей фигуру, стоявшаго за спиной стараго джентльмена.

„Этотъ человѣкъ“, говорила ясновидящая, „занимался на землѣ какимъ то рисованіемъ; да, я вижу краски и кисти. А вотъ вижу въ его рукахъ и молотокъ (повидимому ясновидящая затруднялась и не знала, какъ объяснить два несовмѣстимыя орудія – кисть художника и молотокъ, потомъ вдругъ очень радостно вскрикнула). „А! онъ даетъ имя, Давидъ Дугидъ“.

Тутъ всѣ всполошились. Имя это всѣмъ извѣстно. Я только что читала его очень объемистую книгу, полную картинъ и рисунковъ. Можетъ быть русскимъ читателямъ не безынтересно будетъ ознакомиться съ этой замѣчательной личностью.

Давидъ Дугидъ былъ по профессіи машинистъ и работалъ велосипеды въ Глазго. Ему случилось разъ быть на частномъ сеансѣ, въ которомъ одна молодая дѣвушка писала въ полутрансѣ. Въ концѣ она очень устала и попросила своего сосѣда Давида Дугида взять карандашъ и положила свою руку на его. Но Д. Д. оказался совершенно неожиданно для себя еще гораздо лучшимъ медіумомъ и сталъ писать безъ помощи. На слѣдующій сеансъ ему дали карандашъ и бумагу, но къ удивленію всѣхъ присутствующихъ онъ сталъ не писать, а рисовать. Изъ подъ его руки, никогда не рисовавшей ничего, кромѣ винтовъ и колесъ, стали выходить ландшафты, лица, символы и каждый рисунокъ былъ подписанъ однимъ изъ двухъ именъ голландскихъ художниковъ: Ванъ Стинъ и Рюиздэль.

Эти сеансы въ 1870 году обратили на себя всеобщее вниманіе въ Глазго. Затѣмъ Д. Д. уже не бралъ карандаша въ руки, а позволялъ себя связывать, свѣтъ гасили и черезъ нѣсколько минутъ, когда огонь снова зажигали, на столѣ оказывалась картина, написанная масляными красками, совершенно свѣжими, еще

---

*) Какъ потомъ мнѣ сообщили, „контроль“ этой ясновидящей – индійская дѣвушка Sunshine.

не засохшими красками. Но самый капитальный его трудъ заключается въ книгѣ (580 страницъ мелкой печати) подъ заглавіемъ „Гафидъ, князь Персіи“, въ которой описана та часть жизни ребенка-Іисуса, о которой нѣтъ никакихъ свѣдѣній у евангелистовъ. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, который когда то участвовалъ въ этихъ сеансахъ, заинтересовалъ меня, и, получивъ доступъ въ библіотеку Союза Спиритуалистовъ, я прочла эту книгу „отъ доски до доски“ съ громаднымъ интересомъ, перерисовала нѣкоторыя изъ картинъ и потому имя Д. Дугида для меня было очень знакомымъ и уважаемымъ. Въ концѣ его карьеры, однако онъ, повидимому, былъ вовлеченъ въ грѣхъ стяжанія и началъ давать сеансы за деньги, чѣмъ навлекъ на себя дурную славу.

Я встрепенулась. Ясновидящая вслѣдъ за этимъ обернулась ко мнѣ и сказала: „Д. Дугидъ перешелъ на Вашу сторону. Онъ стоитъ за Вами и даетъ мнѣ понять, что Вамъ будетъ дана сила матеріализаціи и черезъ Васъ онъ сможетъ возстановить свою репутацію, очистить свое имя“.

— „Да, Вы теперь еще этого не видите,—говорила ясновидящая,—у Васъ есть своя работа, большая работа. Вотъ она здѣсь въ срединѣ (показываетъ на средину столика и потомъ описываетъ рукой радіусы) и расходится всюду далеко и широко“.

Послѣ засѣданія оказалось, что старый джентльмэнъ былъ казначеемъ одного Спирит. О-ва и, получивъ свѣдѣнія объ Александрѣ Дугидѣ (братѣ Давида) и также медіумѣ, о его тяжелой болѣзни и полномъ отсутствіи средствъ къ жизни, онъ напечаталъ листки для подписки на помощь больному старику. Эти листки были въ его карманѣ.

Заявленіе ясновидящей повергло меня въ сильнѣйшее смущеніе. Я инстинктивно всегда отклонялась отъ всякаго рода матеріализаціи. Это противно моему темпераменту, а теперь, какъ теософу, кажется непозволительнымъ. Тогда, въ моей неопытности, это желаніе возстановить истину, при моемъ посредствѣ, произвело на меня впечатлѣніе заслуженнаго и неотвратимаго наказанія.

Много дней ходила я въ глубокой думѣ и смущеніи. Я не могла справиться съ задачей, не могла одолѣть того, что казалось неизбѣжнымъ. Разъ я охотно открыла дверь, въ нее могли войти и незванные гости. Какъ принять послѣднихъ, я еще тогда не знала.

Слова ясновидящей произвели сенсацію и среди другихъ участниковъ. Въ тѣ времена, я была почти для всѣхъ совершенно незнакомой. Но, какъ разъ въ этотъ памятный вечеръ, среди присутствующихъ были двѣ сестры, посвятившія свою жизнь на

цѣленіе больныхъ и работающія въ бѣдной части Лондона. Онѣ знали меня, какъ бывшую паціентку. Черезъ нѣсколько дней одна изъ нихъ зашла ко мнѣ и говоритъ,—что Вы все еще въ смущеніи? Вотъ я Вамъ вѣсточку принесла. Георгъ Сириггсъ Вамъ хочетъ помочь. Онъ даетъ Вамъ сеансъ.

— Да какъ же это такъ? Вѣдь Вы же сами говорили, что онъ теперь не даетъ сеансовъ никому, желая сохранить всю свою силу для діагноза больныхъ?

— Да. А теперь видитъ, что Вамъ надо помочь. Заходите къ намъ въ пріемный покой.

Сеансъ былъ назначенъ въ его собственной квартирѣ, у самаго парка Кью. Я не стану описывать сеанса, хотя онъ представляетъ много интереснаго. Скажу только, что изъ него я вынесла одинъ ясный совѣтъ: быть готовой писать автоматически.

Въ то время я еще не знала многаго, что знаю теперь, и не видѣла въ этомъ подчиненіи своей личности никакого вреда, а искала только возможности узнать, проникнуть за предѣлы той стѣны, которая „начинала становиться мѣстами прозрачной“.

Я стала по вечерамъ сосредоточиваться въ полномъ уединеніи, но никакого автоматическаго письма не получилось. Получилось другое:

Снова услышала я какимъ то внутреннимъ Слухомъ слова и въ нихъ узнала моего брата. Я говорю снова, такъ какъ подобное явленіе было уже испытано мною раньше, послѣ тяжелой болѣзни, когда я, къ величайшему своему удивленію, слушая этотъ беззвучный, но отчетливый голосъ, написала совершенно фантастическую повѣсть изъ своей собственной жизни, въ которой всѣ дѣйствующія лица были цвѣты и деревья. Замѣчательно, что драматическая развязка показалась мнѣ тогда вымышленной и совершенно не напоминала настоящей моей жизни. Написано это было въ январѣ, а ровно черезъ мѣсяцъ, въ февралѣ, драматическій инцидентъ дѣйствительно произошелъ въ моей жизни. Въ это время я находилась въ совершенно чуждомъ мнѣ маленькомъ городкѣ, куда я пріѣхала по дѣлу, и внезапно захворала сильнѣйшей инфлуэнцой. Хотя температура и была повышена, но я находилась въ полномъ сознаніи окружающей обстановки и своей болѣзни. Иногда я останавливалась и оставляла перо. Но голосъ настойчиво повторялъ слова или цѣлыя фразы, до тѣхъ поръ, пока я не заносила ихъ на бумагу.

Повидимому тотъ же процессъ повторился и теперь. Сначала послышались короткія фразы. На мои мысленныя возраженія, по-

лучался немедленный отвѣтъ. Вскорѣ эти разговоры стали повторяться аккуратно черезъ день. Это были очаровательныя бесѣды, иногда веселыя и дружескія, иногда возвышенныя и глубокія; пришлось убѣдиться, что—если бесѣды эти были не плодомъ разстроеннаго воображенія, а реальностью—мой собесѣдникъ, сохраняя свой прежній типичный обликъ и особенности, далеко ушелъ въ своемъ развитіи, съ того момента, какъ мы разстались. Самыя слабости или то, что моралисты назвали бы „пороки"—видоизмѣнились, просвѣтлѣли, одухотворились, и мнѣ стало понятно, что грѣхи (ошибки) и страсти, ихъ породившія, были необходимы для выработки тончайшихъ граней индивидуальности. Весь образъ былъ тотъ же знакомый, характерный, дорогой образъ, но просвѣтленный и всепрощающій.

Около этого времени, мнѣ пришлось быть въ Шотландіи и провести недѣли двѣ въ обществѣ одной пріятельницы, вдовы извѣстнаго доктора-гидропата. Она убѣжденная спиритуалистка въ теченіе многихъ лѣтъ. Очень слабая здоровьемъ, никогда не выходитъ за предѣлы своего дома и сада, много читаетъ и пишетъ статьи по вопросамъ гигіены и передовой медицины.

Мы много говорили о старомъ докторѣ и его пріемахъ, направленныхъ на самодѣятельность паціента, и я получила въ подарокъ его большое сочиненіе о гидропатіи съ портретомъ автора. Разъ или два, она просила одну госпожу принести Planchette и я полушутя, полусерьезно сидѣла вмѣстѣ съ ними. Изъ отвѣтовъ доктора видно было, что мое присутствіе имъ замѣчено. Признаюсь, я заподозрила если не прямой обманъ, то невольное вліяніе оперирующей госпожи. Моя пріятельница сама никогда не касается Planchette, но часто задаетъ вопросы. Все это, какъ то, проскользнуло мимо меня.

Наконецъ вернулась я въ Лондонъ и въ первое же воскресенье отправилась на обычный митингъ спиритуалистовъ. Въ концѣ митинга на эстрадѣ была ясновидящая. Она обратилась ко мнѣ и сказала, что видитъ около меня стараго джентльмэна. Послѣдовало подробное описаніе, въ которомъ я узнала старика-доктора, портреты котораго я такъ недавно и такъ часто видѣла въ комнатѣ его вдовы. Впрочемъ на этотъ разъ мнѣ не суждено было дать волю своимъ сомнѣніямъ. Ясновидящая, повидимому, перешла въ трансъ, назвала имя и фамилію и дала сообщеніе. Имя моей пріятельницы прозвучало въ моихъ ушахъ какъ колокольный звонъ. Я была потрясена. Потомъ мнѣ говорили другіе (на митингѣ присутствовало нѣсколько сотъ человѣкъ), что и на другихъ это

посланіе произвело сильное впечатлѣніе. Мнѣ казалось, что старикъ докторъ все время около меня. Когда мы всѣ медленно двигались къ выходу, это ощущеніе перешло въ увѣренность. Я вышла на пустынную улицу одна изъ послѣднихъ и намѣревалась повернуть за уголъ, какъ вдругъ я почувствовала, что мнѣ что то мѣшало идти и двинуться впередъ сдѣлалось такъ же невозможнымъ, какъ бы пройти черезъ стоящаго передо мной человѣка. Я остановилась и мнѣ показалось, что докторъ взялъ мою руку и нѣсколько разъ пожалъ ее и какъ бы говорилъ: „Ну вотъ и отлично, мы теперь познакомились; не забывайте ее, вы можете во многомъ ей помочь; доброй ночи".

Я описываю то, что происходило въ моемъ сознаніи. Сто разъ я сама въ этомъ сомнѣвалась и снова ярко вспоминала свои ощущенія. Доказательствъ никакихъ не было. Но послѣ этого вечера я стала получать посланія и отъ доктора. Я превращалась на нѣсколько минутъ въ секретаря доктора, который писалъ подъ диктовку короткія, но очень энергичныя письма своей женѣ, а моей пріятельницѣ, иногда давалъ медицинское предписаніе; потомъ я устроила такъ, что одинъ вечеръ отдавала свое вниманіе доктору, а другой брату. Иногда первый диктовалъ мнѣ такія фразы, которыя были мнѣ совершенно непонятны, но, по полученіи ихъ, адресатка писала: „не безпокойтесь, я поняла посланіе, это былъ отвѣтъ на мой запросъ, благодарю".

Черезъ полгода послѣ этого пролога, я снова была въ Шотландіи по дѣлу и снова заѣхала къ моей пріятельницѣ. Однажды попался мнѣ на глаза спиритуалистическій журналъ, въ которомъ было письмо изъ Калифорніи, трактовавшее очевидно о предметѣ, обсуждавшемся уже не въ первый разъ. Корреспондентъ писалъ приблизительно слѣдующее:

„Вы согласны выписать по моей рекомендаціи фотографа-медіума, но я нѣсколько тягощусь отвѣтственностью и потому предложу Вамъ испытать его. Мой фотографъ согласенъ сфотографировать за номинальную цѣну пластинки, если ему пошлютъ прядь волосъ. Попробуйте".

Я сейчасъ же предложила моей пріятельницѣ воспользоваться этимъ случаемъ, купила два перевода по 50 центовъ (1 р.) и мы, каждая порознь, написали письма и вложили по пряди волосъ. Я ея письма не видала и свое сама снесла на почту.

Много недѣль прошло. Сначала я ждала съ нетерпѣніемъ. Потомъ мнѣ стало стыдно за свое легковѣріе. Моя дѣловая лондонская жизнь заткала эти впечатлѣнія всевозможными другими

мыслями и дѣлами и я перестала ожидать отвѣта изъ Калифорніи, какъ вдругъ между кучей конвертовъ, вынутыхъ мною изъ почтоваго ящика, мелькнула американская марка: Los Angelos California прочитала я на штемпелѣ. Рука какъ то не рѣшалась вскрыть конвертъ. Позвала сына. Онъ давно подсмѣивался надъ моими ожиданіями. Вскрыли. Письмо и фотографія. На послѣдней отпечатанъ мой конвертъ съ адресомъ, написаннымъ моимъ почеркомъ, а около конверта лицо—треть котораго пришлась подъ конвертомъ, но просвѣчивала черезъ послѣдній. „Какъ это докторъ тутъ попалъ? говоритъ сынъ. Вѣдь Вы не его ожидали?“ Конечно я была увѣрена, что если чей-либо духъ снизойдетъ ко мнѣ, то это будетъ мой братъ. „Значитъ ты узнаешь это лицо, говорю я„? „Конечно узнаю, очень похоже на фотографію доктора у насъ въ домѣ, только поворотъ головы другой“.

Эта фотографія была послана вдовѣ, признана ею и двумя слугами. Впослѣдствіе еще 2-мя свидѣтелями, которые знали доктора.

Мы обѣ были поражены и обѣ недовольны. Я хотѣла видѣть брата, а моя пріятельница, на фотографіи которой съ ея конвертомъ появились дѣти, племянницы, удивлялась, почему ея мужъ попалъ не на ея фотографію, а на мою.

Я обратилась за отвѣтомъ къ виновнику происшедшаго и получила краткое—Вамъ было нужнѣе—и это правда. Его вдовѣ не нужно было никакихъ доказательствъ, такъ какъ она была давно и глубоко убѣждена въ потусторонней жизни и возможности сообщеній.

Предоставляю этотъ отрывокъ пережитаго опыта друзьямъ-теософамъ для обсужденія и буду счастлива получить отзывы. Быть можетъ другой умъ, другой жизненный опытъ въ этихъ сферахъ помогутъ освѣтить эти вновь открывающіяся страны, гдѣ такъ трудно путешествовать одной душѣ.

Быть можетъ я слишкомъ мало выдѣлила непрестанныя сомнѣнія, которыя осаждали меня періодически въ продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ, проведенныхъ въ сообществѣ этихъ двухъ друзей. По этому поводу я позволю себѣ привести слова Анни Безантъ изъ только что полученнаго мною частнаго письма. По поводу сомнѣній и очевидныхъ доказательствъ вѣчной жизни она говоритъ: увѣренность вытекаетъ больше изъ внутренняго убѣжденія, чѣмъ изъ психическихъ явленій, она приходитъ съ развитіемъ Божественнаго *Я* внутри насъ, а не видѣній въ астральной и ментальной сферѣ“.

Теософія учитъ не отрицанію вліянія и соприкосновенія потустороннягo міра, а индивидуальной выработкѣ непосредственной и *сознательной* жизни въ трехъ сферахъ—физической, астральной и ментальной. Слѣдовательно, ученику необходимо изучать эти сферы и изучать методы, которые проведутъ его по этому пути къ просвѣтлѣнію.

Дѣло въ темпераментѣ. Одни могутъ спокойно ждать у моря погоды, а другіе, не взирая на опасности, пускаются въ море въ утлой ладьѣ. Но утлыя ладьи привели къ правильно устроенному пути черезъ моря и океаны. По ученію теософіи циклъ безсознательнаго развитія законченъ и мы вступили на путь сознательнаго творчества. На этомъ пути у многихъ являются сомнѣнія, недоумѣнія, всевозможныя душевныя переживанія. Не лучше ли по русскому исконному обычаю жить и учиться артелью?

Дана.

Человѣкъ сознаетъ глубину „Таинственнаго", но онъ не знаетъ откуда является „Таинственное". На небосклонѣ надъ нами и въ окружающемъ насъ мірѣ все дѣйствуетъ согласно Закону. Законъ совершаетъ всѣ дѣятельности.

Законъ проявляется въ красотѣ природы.

Внѣшнее возбуждаетъ умъ и убиваетъ его: направляющая сила есть Я.

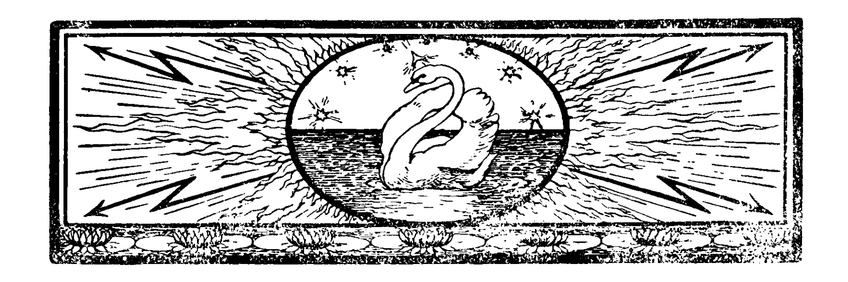
Ничто не достойно такого малаго вниманія, какъ внезапный раскатъ грома и порывъ вѣтра, (максимумъ шума и минимумъ усилія),

Когда Духъ льется черезъ край, то бываетъ божественная радость; когда Духъ вполнѣ безкорыстенъ, то наступаетъ совершенная тишина *).

(Изъ „Іинъ-Фу-Кингъ", см. стр. 3).

---

*) Т. е. духъ не дѣйствуетъ, какъ громъ и вѣтеръ: онъ не привлекаетъ къ себѣ шумомъ вниманія.



Отдѣлъ духовныхъ исканій.

Славія.

I.

> Чтобы быть учителемъ... нужно выйти изъ среды древнихъ культурныхъ родовъ, впитавшихъ въ себя вѣка однообразной, строгой культуры... ставящей честь рода, единство Церкви, службу Господину, неизмѣримо выше личныхъ, подвижныхъ цѣлей.
>
> („Кіевская Мысль“ 1909 г., № 58. „Возвратъ“, Лундберг'а).

За сложными явленіями современной жизни, вызывающими борьбу, страданіе, недоумѣніе, а у насъ часто отчаяніе при кажущихся отступленіяхъ прогресса... видны для оккультиста естественные повороты „спирали“ эволюціи—Спираль ведетъ свою линію какъ бы назадъ когда она вьется къ высшей ступени. Непрерывно, изъ глубины бытія—(отъ нея названіе нашей вѣщей Глубинной книги, по народному Голубиной)—непрерывно вьется золотая цѣпь жизни, связывая все, планеты, электроны, явленія, мысли... Эта центральная, золотая нить и зовется царственной — the Royal line—и всецѣло относится къ внутренней духовной жизни міра. Но всякій разъ, что она заблеститъ сильнѣе, въ моментъ особенныхъ усилій Космоса, передъ появленіемъ новой Расы, Новаго Слова—она влечетъ за собой на первое мѣсто тѣ силы, которыя олицетворяютъ на землѣ понятіе о ней. Міръ дѣлается внезапно монархичнѣе; прежде чѣмъ, въ трепетѣ исполненной мечты, выслушать это вѣщее Слово, отдавая себя Царю царствующихъ—міръ—отъ грезъ земной свободы—бросается къ ступенямъ земныхъ троновъ. Ничто не ново подъ Луною, ни подъ Солнцемъ, воистину. Все еще властно вліяютъ на нашу жизнь духовныя династіи Луны и Солнца, и оккультистъ знаетъ, что въ вѣрѣ Китая въ Сына-Неба, своего правителя, въ безграничной преданности японца идеѣ, что его властелинъ Сынъ Солнца, есть правда. Не о физическихъ свѣтилахъ идетъ тутъ

помыслъ и рѣчь.... Знакъ власти, въ Европѣ глобусъ подъ крестомъ, отражался въ египетскомъ Тау, въ crux ansata... Фараонъ былъ сынъ Солнца, но смиреннѣйшій изъ его феллаховъ, (неизмѣнившихся до сихъ поръ), по смерти сливался своей безсмертной частью, духомъ, съ солнечной Кровью Ра и самъ становился Озирисомъ, и были Фараонъ и рабъ равны... Когда же предстоитъ подъемъ міра на новыя высоты, Царственная линія осѣняетъ землю символомъ спасенія и Крестъ опять надъ глобусомъ. Это и есть символъ Великаго Освобожденія. Съ глубокимъ душевнымъ чутьемъ, маленькая, чистая страна, намъ близкая, Данія, называетъ Спасителя: „Vor Frelser", „нашъ Освободитель"... И всегда сила, ведущая жизнь, „свѣтская" власть, подъ знакомъ Солнца, власть, ведущая духъ, подъ знакомъ Луны, Луны—носительницы свѣта *Высшаго* Солнца, Солнца Міра безграничнаго, не нашего.

Чтобы принять вполнѣ вѣсть, раздвигающую границы нашего міра, надо не только быть готовымъ на жертву (хотя „жертва", дѣйствіе уничтожающее узкія границы своего „я"—„никогда не бываетъ безплодна", сколько бы времени не пролежало въ черной землѣ сѣмя свѣта)... Надо быть способнымъ понять новую ширь, а она обнимаетъ и прошлое и настоящее и будущее. Часть высокихъ вершинъ будущаго, грани стремленій нашего человѣчества, вѣками еще будутъ въ утренней мглѣ... Но, чтобы все-таки достичь вершины и ввести туда человѣчество, надо, прежде всего, владѣть своей волей, знать свое „слово". И тутъ завоеваніе прежнихъ вѣковъ, культура старшихъ странъ, все это цѣнно, безцѣнно даже, для рождающейся Расы. Недаромъ Россія чуетъ въ своей славянской крови кровь Норманскихъ викинговъ, царей безпредѣльнаго моря, недаромъ Славяне приняли отъ Византіи завѣты умиравшаго Рима... Только взойдя на піедесталъ *всѣхъ* идеаловъ, *всѣхъ* геройствъ можно ощутить силу—не мечту—сказать то Слово, котораго ждетъ человѣчество... Создать новый міръ, *дать откровеніе* можетъ только Богочеловѣкъ, но и Ему нужны апостолы, учащіе народы, народъ-апостолъ...

II.

Поляковъ, свѣтлыхъ Славянъ...
(Бальмонтъ).

„Кто знаетъ два языка, имѣетъ два сердца", говоритъ арабская пословица... Звукъ создаетъ жизнь, „знающій Слово" (отсюда „Словене") дѣлается братомъ того, чей языкъ онъ усваиваетъ—это тоже побратимство. И братъ можетъ бороться противъ неправды брата, но живое слово есть неразрывная цѣпь пониманія. „Comprendre, c'ést aimer".... Духъ сошелъ на апостоловъ огненными языками, дивный символъ ихъ посвященія братству міра...

А борьба? „Z Kim się biję tego lubię!“

. . . .

Связываетъ-ли насъ родное слово, насъ, народъ будущаго, Славянъ? Тѣ же „вѣчныя пѣсни“ звучатъ отъ „Амура и Урала до Балкана и Триглава“... Но рѣчь наша, это рѣчь, что „вольно льется

Пока вѣрно наше сердце
За народъ нашъ бьется! *)“.

Понятно звучитъ намъ обращеніе къ родинѣ—къ „власти“ своей—чешскаго поэта:

O, dcero davné Slavy vlasti ma!
Hlé, lyru klonim k stupni tvého trunu.

Понятенъ страстный призывъ хорвата Кукульевича ко всей нашей расѣ:

Slavjani, probudmose!
Od Amurai Urala
Do Balkana i Triglava,
Gdiegod zivi majka Slava
Slavjani, probudmose!
Nedajmose!

Кто не вторилъ словамъ „Марицы“

Войници мили, напредъ да врвемъ!
Со всички сили
Балканъ да минемъ!

Это все почти одинъ языкъ....

Но дальше стоитъ сестра наша Польша, страна „свѣтлыхъ Славянъ“, страна страсти и гнѣва... И вотъ, никогда еще не читавши ни слова на языкѣ Мицкевича, я взяла его книгу... Какъ онъ, одинъ у камина въ Парижѣ, далеко отъ всѣхъ близкихъ, мечталъ о родинѣ, закрывшейся для изгнанника, я читала его въ одиночествѣ, подъ шумъ Чернаго моря, „Русскаго“ моря древности... И сквозь дымку полупонятной рѣчи, сквозь незнакомыя выраженія и сбивающій Славянина латинскій шрифтъ, выступали все понятнѣе неясныя, но тѣмъ болѣе прелестныя очертанія души Польши, „l'esprit slave changeant comme l'onde“, чаруя, волнуя, чувствуясь близкой, близкой, хотя часто рѣчь эта звучала ненавистью къ тому, что намъ Русскимъ такъ безконечно дорого...

И всѣ прошли: и съ дѣтства любимый, читанный тогда по русски, Валленродъ, и героическая смерть „Grazyn'ы“ во главѣ войска Литвы, и „Zyvila“,

---

*) „Гей, Славяне“!

искупающая паденіе своей любви убійствомъ предателя, и наконецъ Зося—Зося Тадеуша въ „бѣлой одеждѣ Литвинки“ среди левкоевъ и фіалокъ, подъ липами старой усадьбы, въ ясное утро—Зося—сіяющей невѣстой на балу, въ эту весну 12-го Года—для насъ вѣчно великую, для Польши весну страстныхъ надеждъ, „May in rioteous roses raving“, надеждъ на звѣзду Наполеона...

Вспомнился Эльзасъ весною, подъ серебрянной сѣткой дождя, который лилъ на поля, горѣвшія красными цвѣтами, какъ капли кровавыхъ слезъ... Погасли розы вечерней зари, какъ „тихій“ вечеръ 12-го года для Зоси и Тадеуша Мицкевичъ.

Жилъ средь насъ, средь племени ему чужого,
Вражды къ намъ—онъ не имѣлъ...

Не имѣлъ, какъ и Рунебергъ, поэтъ борьбы Финляндіи въ 1808 году, гдѣ (въ „расказахъ поручика Стааля“) среди мрачной поэзіи безнадежныхъ битвъ, въ сосновыхъ лѣсахъ Суоми, подъ бриллiантами снѣга, розовѣющихъ на закатѣ, рѣютъ силуэты юныхъ героевъ, павшихъ за родину,—подъ пѣсни „Лебедя Туонелы“ *) у синихъ волнъ, гдѣ все дышетъ борьбой съ *нами*, съ Россіей.... громкимъ аккордомъ человѣческаго братства звучитъ:

Förhatlig er den fege blott...
Ett gladt hurra, ett höjt hurra
For hvarje mand som kämpat bra!
(Только трусъ презрѣненъ,
Радостное, высокое „ура“
Каждому храброму борцу).

Это о нашемъ Кульневѣ, „который всѣмъ врагамъ былъ дорогъ“.

И Мицкевичъ даетъ намъ въ Рыковѣ типъ русскаго солдата, „любящаго ляховъ за храбрость“, незлобливаго, терпимаго, врага по необходимости. Предателемъ является его сослуживецъ, „Полякъ родомъ“....

И тутъ невольно повторяемъ слова нашего поэта **).

Потомства пламеннымъ проклятьямъ
Да будетъ преданъ тотъ, чей гласъ
Противъ Славянъ, Славянамъ братьямъ
Мечи вручилъ въ преступный часъ!
. . . .

Онъ любилъ „Литву, милую отчизну“ —Литва, историческая подруга Польши, пріемная сестра Славянства, не нашего племени, но не

*) Симфонія Сибеліуса.

**) Хомяковъ.

чужая намъ — Аркона знала Криве-Кривейто, въ Вильнѣ почитали тѣхъ же змiевъ мудрости, какъ и въ Аріавартѣ, нашей общей матери... Во время войны, во Владивостокѣ, подъ лучами прожекторовъ, искавшихъ на морѣ общаго врага, не одну ночь дежурства проговорили мы съ матросами-Литовцами о вѣчныхъ вопросахъ души, безсмертія, вѣры... Литовцы, казалось, имѣютъ складъ ума иной, чѣмъ Славяне, умъ болѣе медленный и осторожный, но такой же мечтательный... Было видно въ нихъ то же исканіе, та же тоска по Богу и правдѣ, притягивающая ищущихъ однихъ къ другимъ какъ сильнѣйшій магнитъ. И великій польскій поэтъ, злосчастьемъ оторванный отъ всего любимаго, обратился къ вѣчной мечтѣ человѣчества,—къ Бэме, къ С. Мартэну, къ Востоку. Онъ повторяетъ легенду борьбы Ормузда и Аримана и мысль Ормузда, сходя на главу богоборческой силы, заставляетъ зло снова. погрузиться на дно жизни... Такъ все ярче и ярче горящая мысль о Славіи заставляетъ отступать тѣни зависти, ненависти, сомнѣнія.... Да „всѣ разумѣютъ“ какъ храбрый Рыковъ:

Slodzy wyraz nadwszystko....
Wyraz milosti któremu
Niemacz równego na ziemi:
Oiczyzna! . . . .
Отчизнѣ кубокъ сей друзья....
О родина святая —
Какое сердце не дрожитъ
Тебя благословляя....

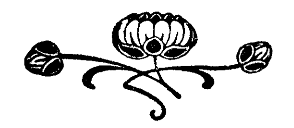
Да, мы *одинъ, одинъ* народъ и *одно* у насъ Слово.

... Оттуда, изъ за моря, съ горъ Подъяремной Славіи звучитъ намъ:

Сложно, сложно, братьо мили!
. . . .

Шумитъ „Русское“ море и слышится слово вѣщее, въ шумѣ приближающейся весны:

Все звучитъ завѣтное названье
Родинѣ Славянъ соединенныхъ:
Славія!



Умственный и ручной трудъ. П. А. Кропоткинъ (пер. съ англійскаго А. Н. Коншинъ, подъ редакціей И. Горбунова-Посадова). Библіотека свободнаго воспитанія и защиты дѣтей, вып. XXXIII. Москва 1910 г. Цѣна 12 к.

Такъ называемое раздѣленіе труда выработало систему, вслѣдствіе которой большинство людей обречено всю жизнь на утомительную однообразную работу. Въ силу этого умственный трудъ совершенно отдѣленъ отъ физическаго, вмѣсто того, чтобы идти параллельно съ нимъ и взаимно дополнять другъ друга. Въ силу этого падаетъ творчество, понижается изобрѣтательность. Да и въ предѣлахъ умственнаго труда время дѣтства часто проходитъ совершенно безполезно. Верхушки знанія, популярное зазубриваніе, рабская подражательность, неспособность самостоятельно разобраться въ новомъ вопросѣ и умственная неспособность являются результатами современной системы обученія. Необходимо всевозможными способами поощрять самостоятельное примѣненіе научныхъ данныхъ къ дѣлу, къ ручному труду, утилизировать стремленіе дѣтей мастерить себѣ игрушки и постоянно проводить мысль о полной совмѣстимости высшаго образованія съ обученіемъ ремесленному мастерству. Это приведетъ къ новымъ изысканіямъ, къ свободному творчеству.

Внутренняя миссія, ея работа и рабочія силы Ѳ. Шефера, директора заведенія діакониссъ въ Альтонѣ. Сергіевъ Посадъ. 1909 г. Цѣна 1 руб.

Книга содержитъ много практическихъ указаній, какъ можетъ проявиться стремленіе христіанина провести въ жизнь завѣты Іисуса Христа.

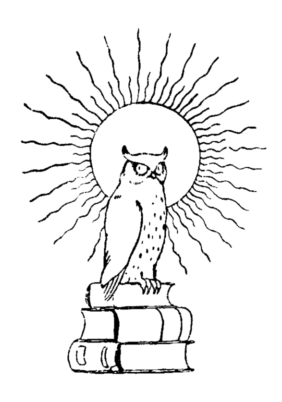
Брошюра рекомендуется педагогамъ.

К. Кудрявцевъ.

Nictota, Tadeusz Micinski.

Знаменитый польскій писатель, Т. Мицинскій, назвалъ свое новое произведеніе Nictota. (Это названіе растенія, о которое разбивается коса). Въ этой обширной поэмѣ въ прозѣ дѣйствительность переплетается съ видѣніями изъ прошлой жизни Польши и съ поэтическимн грезами о великомъ будущемъ. Глубоко мистическая нота звучитъ въ этомъ символическомъ романѣ, въ которомъ Силы темныя борятся съ силами Свѣтлыми и стремятся поработить героя, зажигая въ немъ жажду тайнаго Познанія и увлекая его на путь черной магіи. Представителемъ Свѣтлой Силы является лучезарный Литворъ, зовущій къ разбиванію цѣпей личности и къ свободѣ духа; представитель темныхъ силъ, Мангра, рядомъ преступныхъ обмановъ добивается власти надъ душей чистаго, но мятежнаго Арьямана. Освободившись отъ злого духа Мангра, Арьяманъ благословляетъ „всѣ дороги, раскрывающія тайны", и идетъ искать познанія дальше. Въ романѣ много живыхъ образовъ, представителей разныхъ теченій, взглядовъ и характеровъ. Чрезвычайно интересны женскіе типы своей яркой цѣльностью. Поиски за „знаніемъ" героя „съ сердцемъ влюбленнымъ въ то, что не существуетъ", полны глубокаго трагизма. Въ романѣ слышится глубокая скорбь, страстный протестъ противъ затхлаго строя жизни и беззавѣтная любовь къ родинѣ. Борьба Ормузда и Аримана составляетъ фонъ этого интереснаго оккультнаго романа, заканчивающагося свѣтлымъ видѣніемъ Литвора. Побѣждая духа тьмы, Литворъ говоритъ: „нѣтъ религіи выше правды сердца. Дальше пойдемъ искать познанія".,.

Alba.



Редакторъ-Издательница **А. А. Каменская.**